
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008965 6

А. А. КОНДРАТЬЕВЪ

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

матеріалы для исторіи жизни и творчества

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1912

LIBRARY
JUN 7 1967
UNIVERSITY OF TORONTO

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемый очеркъ преслѣдуетъ скромную цѣль — облегчить работу будущему біографу гр. А. К. Толстого хронологическимъ подборомъ фактическихъ данныхъ, значительная часть которыхъ появляется въ печати впервые. Сообразно съ этимъ, авторъ настоящаго очерка не вводитъ читателя ни въ субъективную оцѣнку личности поэта, ни въ характеристику его творчества.

Напечатанныя во второмъ отдѣлѣ книги стихотворенія извлечены изъ принадлежащей Е. А. Ляцкому тетради стиховъ гр. А. К. Толстого, написанныхъ неизвѣстной рукой, съ собственноручнымъ посвященіемъ поэта знаменитой Александрѣ Осиповнѣ Смирновой (оно воспроизводится нами). Тетрадь занимаетъ 116 страницъ, изъ которыхъ, на 104, помѣщены 22 пьесы, представляющія собою въ большинствѣ случаевъ раннія редакціи стихотвореній, позже значительно переработанныхъ. Эти редакціи являются въ высшей степени важными для исторіи творчества нашего поэта и, не считая себя въ правѣ напечатать всю тетрадь въ цѣломъ, мы приводимъ лишь тѣ пьесы и отрывки, которые заключаютъ особенно существенныя отклоненія отъ основныхъ текстовъ печатныхъ изданій. Считаемъ при этомъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность Е. А. Ляцкому за предоставленіе тетради съ упомянутыми варіантами въ наше распоряженіе и Е. М. Мухановой за любезное разрѣшеніе воспользоваться ими для печати, а также за предоставленіе для нашего изданія портретовъ графа Алексѣя Константиновича и графини Софіи Андреевны Толстыхъ.

ГРАФЪ

Алексѣй Константиновичъ

ТОЛСТОЙ

Гр. АЛЕКСѢЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ
ТОЛСТОЙ.

(Матеріалы для біографіи).

Въ виду скудости фактовъ о жизни Алексѣя Толстого не представляется еще возможнымъ писать его біографію.

Пока не будутъ обнародованы уцѣлѣвшія письма поэта къ дядѣ его Алексѣю Перовскому [1], матери — графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Толстой и его двоюроднымъ братьямъ Жемчужниковымъ, пока не найдены будутъ письма его къ императору Александру II и не возстановлены многочисленные пропуски въ напечатанныхъ письмахъ къ женѣ,—до тѣхъ поръ никакая біографія его не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительной, и почитателямъ таланта Ал. Толстого придется довольствоваться компилятивными статьями, скроенными изъ его автобіографіи, клочковъ напечатанныхъ писемъ и отрывковъ воспоминаній разныхъ лицъ, а также болѣе или менѣе фантастическими легендами о немъ.

Къ числу такихъ легендъ относится усердно повторяемый слухъ о романтическомъ происхожденіи поэта. Въ одной изъ своихъ статей В. В. Розановъ, указывая на то, что А. К. Толстой нигдѣ не упоминаетъ даже имени своего „фамильнаго отца“, а говоритъ въ своемъ „длинномъ тепломъ, сыновнемъ разсказѣ“ исключительно о матери и „дядѣ по матери“, — видитъ въ этомъ одно изъ доказательствъ происхожденія графа „отъ супружескихъ отно-

[1] Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, род. 1787 г., † 1836 г. Извѣстенъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго.

шеній брата и сестры". Конечно, о такомъ происхожденіи Ал. К. Толстого писали и до Розанова. Однимъ изъ первыхъ указалъ на Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, какъ на вѣроятнаго отца поэта—Никитинъ („Р. В.", 1894 г., февраль). Мнѣніе послѣдняго раздѣляется рядомъ ученыхъ, въ томъ числѣ и С. А. Венгеровымъ, напечатавшимъ въ біографіи поэта (изданіе Маркса), что мать послѣдняго, красавица Анна Алексѣевна Перовская, „вышла замужъ за пожилого и весьма мало привлекательнаго вдовца, графа Константина Петровича Толстого" и далѣе, что „рожденіе Алексѣя Константиновича привело къ домашней катастрофѣ и открытому разрыву". Устно передаваемая легенда идетъ еще дальше и повѣствуетъ, что самый бракъ А. А. Перовской и К. П. Толстого имѣлъ фиктивный характеръ и заключенъ былъ для покрытія послѣдствій неосторожной связи между Алексѣемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ и его сестрой Анной [1]).

Посмотримъ теперь, насколько все это вѣроятно. Благодаря изысканіямъ профессора лилльскаго университета (Франція) г. А. Лиронделя, можно считать установленнымъ день свадьбы родителей поэта. Государственнаго ассигнаціоннаго банка совѣтникъ, отставной полковникъ гр. Константинъ Петровичъ Толстой былъ обвѣнчанъ съ дворянкой дѣвицей Анною Алексѣевной Перовской 13-го ноября 1816 г. въ Симеоновской церкви г. С.-Петербурга. Поручителями—по женихѣ — былъ „отецъ его родной, генералъ-маіоръ и кавалеръ гр. Петръ Толстой", по невѣстѣ—дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ гр. Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій [2]) и уланскаго полка штабсъ-ротмистръ и кавалеръ

[1]) Въ настоящее время наиболѣе подробно и полно легенда эта изложена П. П. Гнѣдичемъ, который въ своихъ „Воспоминаніяхъ" (Ист. Вѣстн. 1911 г. № 1), ссылаясь на И. А. Гончарова, разсказываетъ о любви „уже не молодого важнаго сановника" Перовскаго къ своей семнадцатилѣтней сестрѣ. По словамъ Гнѣдича, Перовскій выдалъ ее за своего подчиненнаго, служившаго въ Сенатѣ гр. К. П. Толстого, и послѣ вѣнчанія съ нимъ, „сестра воротилась въ домъ брата".

[2]) Гр. Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій (1748—1822). Кромѣ законныхъ дѣтей отъ брака съ Шереметевой имѣлъ также пять сыновей и нѣсколько дочерей отъ сожительства съ Марьей Михайловной Соболевской, впослѣдствіи Денисьевой. Всѣ эти дѣти получили фамилію Перовскихъ.

Алексѣй Перовскій. Присутствіе на свадьбѣ человѣка съ такою безукоризненной репутаціей, какъ гр. Петръ Андреевичъ Толстой, устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, чтобы бракъ этотъ могъ носить поспѣшный характеръ или могъ бросить хотя бы малѣйшую тѣнь на достоинство его сына. Ранняя свадьба молодой шестнадцатилѣтней дѣвушки объясняется господствовавшимъ въ то время обычаемъ, а равно желаніемъ А. К. Разумовскаго выдать свою побочную дочь за лицо титулованное и тѣмъ дать ей опредѣленное положеніе въ обществѣ.

Константину Петровичу Толстому было въ то время 36 лѣтъ [1]), такъ что его отнюдь нельзя было назвать пожилымъ. Семнадцатилѣтнимъ юношей окончилъ онъ Шляхетскій кадетскій корпусъ, поступилъ во Фридрихсгамскій полкъ, участвовалъ въ шведской и французской кампаніяхъ и получилъ нѣсколько наградъ и отличій за выдающуюся храбрость. Рана въ ногу помѣшала ему продолжать военную карьеру и заставила перейти на гражданскую службу. Въ полку гр. К. П. Толстой считался лучшимъ танцоромъ, и имѣется указаніе, что однажды на балу его избрала своимъ кавалеромъ шведская королева... Въ дѣтствѣ, какъ это часто случается у дѣтей въ Петербургѣ, у Константина Петровича была нѣсколько велика голова, но ни въ одномъ изъ источниковъ не имѣется указаній на непривлекательность наружности графа.

Что касается до нравственныхъ его качествъ, то большинство печатныхъ источниковъ указываетъ почти исключительно на положительныя стороны его души.— „Да, вполнѣ прекраснѣйшій былъ человѣкъ дядя мой Константинъ", заключаетъ его характеристику М. Ѳ. Каменская (дочь извѣстнаго скульптора гр. Ѳ. П. Толстого, брата Константина Петровича Толстого).

Алексѣй Толстой родился 24-го августа 1817 г., т. е. по истеченіи законнаго срока со дня свадьбы своихъ родителей. Мы не располагаемъ данными, чтобы утверждать, будто самый фактъ рожденія поэта „привелъ къ домашней катастрофѣ и открытому разрыву", какъ о томъ пишетъ въ біографіи Толстого С. А. Венгеровъ, тѣмъ болѣе, что,

[1]) Родился 12 февраля 1780 г.

по словамъ послѣдняго, симпатіи даже самыхъ близкихъ графу Константину Толстому лицъ были не на его сторонѣ, чего, по всей вѣроятности, не было бы, если бы Анна Алексѣевна измѣняла своему мужу.

Причина семейнаго разрыва остается, такимъ образомъ, для насъ неизвѣстной. По всей вѣроятности, она заключалась въ полномъ несоотвѣтствіи характеровъ не подходившихъ другъ къ другу супруговъ.

Самъ Алексѣй Толстой, повидимому, долго не былъ посвященъ въ подробности семейной драмы. Драма эта отъ него такъ хорошо скрывалась, что всѣ первые годы жизни своей онъ искренно считалъ и называлъ своимъ отцомъ Алексѣя Перовскаго. Послѣдній не считалъ себя въ правѣ огорчать маленькаго племянника, къ которому самъ сердечно привязался, и въ свою очередь называлъ его сыномъ. Это обстоятельство и подало, по всей вѣроятности, поводъ къ той сплетнѣ, которой повѣрило не мало даже серьезныхъ людей. Возможно, что въ самой ранней перепискѣ своей Алексѣй Перовскій и его племянникъ называли другъ друга „папочкой“ и „сыномъ“ [1]), хотя въ письмахъ намъ извѣстныхъ дядя называетъ будущаго поэта Алешей, Алешенькой, Алиханчикомъ и другими ласкательными именами. Когда Алексѣй Толстой подросъ, ему, очевидно, объяснено было, кто приходится ему отцомъ, ибо въ дошедшихъ до насъ письмахъ онъ называетъ Перовскаго не отцомъ, а дядей. Всякій изучавшій характеръ Толстого знаетъ какою благородною прямотою онъ обладалъ, какъ противна была ему всякая ложь, и какъ, поэтому, невѣроятно, чтобы онъ могъ въ письмахъ къ любимому и любящему его человѣку употреблять фальшивое обращеніе.

Въ пользу того, что поэтъ искренно считалъ себя не Перовскимъ, а Толстымъ, имѣется много доказательствъ. Напримѣръ, онъ всю жизнь свою носилъ на пальцѣ перстень съ рѣзнымъ изображеніемъ родового герба графовъ Толстыхъ, чего ни за что не сталъ бы дѣлать, если бы хоть сколько-нибудь сомнѣвался въ своемъ происхожденіи. По словамъ лица, его близко знавшаго, поэтъ съ жаромъ до-

---

[1]) По словамъ С. П. Хитрово, близкой родственницы жены поэта, имѣвшей въ своихъ рукахъ раннюю переписку А. К. Толстого.

казывалъ въ одномъ спорѣ талантливость, присущую фамиліи Толстыхъ. Онъ поддерживалъ отношенія съ дядей своимъ. извѣстнымъ скульпторомъ Ѳ. П. Толстымъ и позволялъ своей женѣ и ея племянницамъ ѣздить къ самому К. П. Толстому.

Въ обстоятельства, вызвавшія разрывъ его родителей, Толстой былъ посвященъ одною изъ заинтересованныхъ сторонъ, и, повидимому, объясненія матери носили весьма пристрастный характеръ. Слѣдствіемъ такихъ объясненій было то, что поэтъ почти всю свою жизнь избѣгалъ встрѣчаться съ отцомъ. Они помирились уже передъ самою смертью послѣдняго.

Несмотря на то, что Алексѣй Толстой считалъ отца виновникомъ семейнаго разрыва и не могъ ему простить какого-то проступка передъ графиней Анной Алексѣевной, мы имѣемъ, однако, свѣдѣнія, что онъ оказывалъ гр. Константину Петровичу матеріальную поддержку. Отецъ поэта былъ человѣкъ слабохарактерный, мягкосердечный, религіозный и никому не отказывавшій въ денежной помощи. Поэтому онъ самъ постоянно нуждался и не могъ отказаться отъ той пенсіи, которую ему назначилъ его богатый сынъ.

Портрета гр. К. П. Толстого до насъ, къ сожалѣнію, пока не дошло. Чертами лица своего поэтъ походилъ на родственниковъ какъ той, такъ и другой стороны. Глаза, напримѣръ, у него были голубые, какъ у Перовскихъ, носъ—какъ у Толстыхъ. Характеромъ своимъ онъ также напоминалъ во многомъ родственниковъ своихъ со стороны отца. Артистическія же наклонности и художественный вкусъ были присущи представителямъ обѣихъ фамилій. Поэтическій даръ Алексѣй Константиновичъ могъ унаслѣдовать отъ своего дѣда гр. Петра Андреевича Толстого, который, по словамъ М. Ѳ. Каменской („Ист. В.“, LV, стр. 622), отличаясь веселымъ нравомъ, не чуждъ былъ импровизаторскихъ способностей и, даже готовясь покинуть этотъ міръ, привѣтствовалъ шутливымъ экспромтомъ пришедшихъ къ нему проститься родственниковъ...

Всѣ эти данныя заставляютъ думать, что легенда о романтическомъ происхожденіи поэта въ лучшемъ случаѣ представляетъ собою плодъ недоразумѣнія.

*
* *

Шести недѣль отъ роду, т. е. въ началѣ октября 1817 г., Алексѣй Толстой былъ отвезенъ своей матерью въ Черниговскую губ., гдѣ въ Кролевецкомъ уѣздѣ у нея было недалеко отъ Погорѣльцевъ имѣніе Блистава. Спустя нѣкоторое время она, по свидѣтельству лицъ, близкихъ къ поэту, переселилась оттуда въ имѣніе брата своего Алексѣя, Красный Рогъ (Мглинскаго уѣзда).

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій тоже переѣхалъ въ 1817 году, по свидѣтельству В. П. Горленко, въ Малороссію, продолжая числиться чиновникомъ особыхъ порученій департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Послѣ смерти гр. Ал. К. Разумовскаго [1]) онъ и вовсе уволился въ отставку, въ которой пробылъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Перовскій очень привязался къ сыну своей младшей, наиболѣе всѣми братьями любимой сестры и помогалъ ей въ его воспитаніи.

Алексѣй Толстой довольно рано выучился писать. Изъ уцѣлѣвшей переписки его съ дядей видно, какъ они оба любили другъ друга. Антонъ Погорѣльскій адресуетъ письма „Милому Алешенькѣ, въ собственныя ручки", посылаетъ ему въ январѣ 1824 г. въ подарокъ живого лося (при чемъ проситъ не подходить къ нему близко), поощряетъ его въ учебныхъ занятіяхъ. Въ февралѣ 1824 г. Перовскій живетъ въ Ѳеодосіи и благодаритъ оттуда племянника за письма...—„Маленькаго татарчика для тебя не отыскалъ.. Забавляй маму. Кланяйся доктору и Руберу..." [2])

Въ автобіографіи своей Алексѣй Толстой говоритъ, что первые его стихотворные опыты относились къ шестилѣтнему возрасту, т. е. къ 1823—1824 г.

Первое упоминаніе о литературныхъ работахъ юнаго поэта встрѣчается въ письмѣ А. Перовскаго отъ 6 февраля 1825 г., гдѣ онъ благодаритъ своего племянника за басню про Льва и Мышь и двѣ пѣсни, которыя тотъ ему прислалъ.

---

[1]) † 5 апрѣля 1822 г.

[2]) Гувернеръ.

По словамъ Софьи Петровны Хитрово, племянницы жены А. К. Т., пѣсни эти, равно какъ и басня, сочинены были имъ самимъ. Въ слѣдующую зиму, когда Алексѣю Толстому было 8 лѣтъ, онъ переѣхалъ съ матерью въ Петербургъ, гдѣ и былъ представленъ Наслѣднику, какъ о томъ упоминаетъ въ своей автобіографіи. Графиня же Анна Алексѣевна была, какъ подчеркиваютъ всѣ біографы, принята какъ въ обществѣ, такъ и при Дворѣ.

Есть основаніе предполагать, что весною 1826 г. графиня Анна Алексѣевна не поѣхала въ Малороссію, но перебралась въ ожиданіи коронаціи Императора Николая I въ Москву, гдѣ у ея матери, генералъ-маіорши Денисьевой, былъ домъ на Басманной. Туда же направился изъ Петербурга незадолго до того назначенный попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа и Алексѣй Перовскій...

30-го августа на дачу гр. А. А. Орловой-Чесменской, гдѣ жила съ 30 іюля Императрица съ августѣйшими дѣтьми, по случаю именинъ Наслѣдника, въ числѣ прочихъ гостей былъ приглашенъ и Алексѣй Толстой. Въ запискахъ Мердера (Р. Ст. февр. 1885 г.) говорится, что въ этотъ день „пригласили дѣтей князя Голицына, московскаго генералъ-губернатора, гр. Віельгорскаго, Толстого, кн. Гагарина, всего 10 мальчиковъ и столько же дѣвочекъ; пили чай, потомъ до 7½ ч. въ саду играли въ зайцы, въ комнатахъ — въ другія игры“...

Въ этотъ же или въ другой день Наслѣдникъ и будущій поэтъ стрѣляли въ саду Нескучнаго изъ игрушечнаго ружья въ стѣны бесѣдки. Объ этой забавѣ Толстой вспоминаетъ въ письмѣ къ Перовскому, послѣ того какъ онъ вновь, въ 1829 г., побывалъ въ Нескучномъ: „бесѣдка хранитъ слѣды отъ пуль, гдѣ мы стрѣляли съ Наслѣдникомъ“ (письмо изъ Москвы отъ 31 мая 1829 г.).

Слѣдующимъ лѣтомъ, 1827 г., Алексѣй Перовскій взялъ трехмѣсячный отпускъ и, заѣхавъ по пути въ Погорѣльцы, въ половинѣ іюня отправился за-границу. Возможно, что въ Погорѣльцы онъ заѣзжалъ за сестрой и племянникомъ, такъ какъ тѣ совершали заграничную поѣздку вмѣстѣ съ нимъ.

Въ Веймарѣ Толстой представленъ былъ будущему великому герцогу Карлу Александру и игралъ въ дворцо-

вомъ паркѣ, какъ съ нимъ, такъ и съ другими дѣтьми. Гувернеромъ его въ то время былъ нѣкто Науверкъ, взятый главнымъ образомъ для усовершенствованія своего питомца въ нѣмецкомъ языкѣ. О немъ поэтъ упоминаетъ въ письмахъ къ женѣ отъ 24 сент. 1867 г.

Одна изъ игравшихъ тогда съ Толстымъ дѣвочекъ, по имени Цецилія Герсдорфъ, въ 1867 году возобновила съ нимъ знакомство.

Великій Гете, котораго долгомъ счелъ навѣстить, вмѣстѣ съ племянникомъ Антонъ Погорѣльскій, ласково обошелся съ будущимъ поэтомъ, сажалъ его къ себѣ на колѣни и подарилъ мальчику кусокъ мамонтоваго клыка съ собственноручно нацарапаннымъ на послѣднемъ изображеніемъ фрегата.

Осенью графиня Толстая вернулась съ сыномъ въ Россію, а просрочившій свой отпускъ Перовскій оставался еще за границей и пробылъ тамъ до января 1828 г. Въ письмѣ изъ Берлина (отъ 17 ноября 1827 г.) онъ радуется успѣшному ходу занятій своего „Ханочки" и проситъ его стараться быть умнымъ...

Всѣ письма А. Перовскаго проникнуты заботами объ учебныхъ занятіяхъ племянника и стремленіемъ доставить ему удовольствіе. Находясь въ Одессѣ (письмо отъ 28 авг. 1828 г.), Антонъ Погорѣльскій обѣщаетъ между прочимъ Толстому „не забыть о дельфинѣ и привезти раковинъ".

Алексѣй Толстой платилъ дядѣ горячей любовью и въ письмахъ своихъ сообщалъ ему о всѣхъ событіяхъ семейной и личной жизни. Такъ, напр., въ письмѣ изъ Москвы (отъ 25 мая 1829 г.) онъ извѣщаетъ, что пропавшая собака „Сибокъ" вновь отыскалась. „Былъ съ маменькой на водахъ. Видѣли тамъ Пушкиныхъ"... Пишетъ о своихъ работахъ въ маменькиномъ саду, объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ верховой ѣздѣ; проситъ провѣрить ходившій по Москвѣ слухъ о предполагавшемся пріѣздѣ по пути въ Берлинъ Великаго Князя (Александра Николаевича, не имѣвшаго еще тогда титула Цесаревича).

Въ письмахъ своихъ Толстой уже интересуется литературными занятіями своего дяди; спрашиваетъ, кончилъ ли тотъ „свое сочиненіе"; сообщаетъ также, что маменька наняла для него клавикорды; разсказываетъ, какъ былъ вмѣстѣ

съ нею въ Нескучномъ и въ саду у Закревскаго, какъ поймалъ и отпустилъ потомъ на волю молодую чайку (письмо отъ 31 мая 1829 г.). Гувернеромъ у него въ то время былъ еще въ Веймарѣ, замѣнившій Науверка другой нѣмецъ—Шадъ.

Въ августѣ 1829 г. мы видимъ Алексѣя Толстого уже въ Петербургѣ, гдѣ онъ навѣщаетъ по воскресеньямъ Наслѣдника, бываетъ у него въ Царскомъ Селѣ, ѣздитъ вмѣстѣ съ нимъ и другими приглашенными во дворецъ на Елагиномъ Островѣ, бѣгаетъ тамъ по саду, прыгаетъ въ сѣткѣ и т. д. (записки К. К. Мердера). Раннимъ утромъ 30 августа 1829 г. Толстой ѣздилъ поздравлять Великаго Князя съ днемъ ангела и былъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ у обѣдни въ церкви Зимняго дворца. Любившій своего товарища по воскреснымъ играмъ Великій Князь не преминулъ показать ему только что полученные подарки, изъ которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимали присланные дѣдушкой изъ Берлина оловянные солдатики, въ которые не прочь былъ поиграть и самъ Императоръ Николай Павловичъ.

У Алексѣя Толстого долго сохранялось полученное имъ въ дѣтствѣ отъ будущаго Императора крупными буквами по карандашнымъ линейкамъ написанное письмо съ приглашеніемъ пріѣхать во Дворецъ.

Игры молодыхъ сверстниковъ Наслѣдника носили порою военный или спеціальный характеръ, какъ, напр., артиллерійское ученье съ маленькимъ орудіемъ или ѣзда на дрезинѣ, но большею частью были общедѣтскими: жмурки, жгуты, катаніе съ горъ и т. п.

Въ письмахъ къ дядѣ Толстой разсказываетъ, какъ былъ съ матерью въ театрѣ, и дѣлится съ нимъ мыслями о достоинствахъ композиторовъ; жалуется также, что отданныя имъ въ переплетъ книги не были во́-время готовы..

Въ началѣ 1831 г. вышедшій незадолго передъ тѣмъ вторично въ отставку Алексѣй Перовскій вновь отправился въ сопровожденіи сестры и племянника за-границу. На этотъ разъ его привлекала къ себѣ Италія. Алексѣй Толстой велъ въ то время дневникъ, часть котораго (съ 23 марта по 31 мая 1831 г.) до насъ дошла въ видѣ начисто переписанной тетради, украшенной двумя собственноручными, перомъ сдѣланными рисунками Алексѣя Толстого, изображающими видъ на Canale Grande и венеціанскихъ лазарони. Тетрадь

эта съ незначительными пропусками напечатана въ собраніи сочиненій А. К. Т. [1]). Помѣщенная въ ней часть дневника прерывается на 139-й страницѣ на описаніи эффектовъ морской качки, испытанной на французскомъ пароходѣ „Sully“ по пути изъ Неаполя въ Генную...

Осенью слѣдующаго (1832) года Алексѣй Перовскій ѣздилъ въ Крымъ и былъ въ Одессѣ. Есть основаніе думать, что онъ бралъ туда съ собою племянника. Это предположеніе подтверждается между прочимъ тѣмъ, что на обѣдѣ, данномъ много лѣтъ спустя въ честь поэта въ Одесскомъ Англійскомъ Клубѣ, произносившій обращенную къ Толстому рѣчь К. М. Базили [2]) упомянулъ, что одесскіе старожилы помнятъ его бойкимъ ребенкомъ въ тридцатыхъ годахъ... Къ этому году слѣдуетъ, по собственному признанію поэта, отнести его первое до насъ дошедшее стихотвореніе „Я вѣрю въ чистую любовь“...

Въ слѣдующую большую поѣздку свою, въ декабрѣ 1833 г., къ брату Василію Алексѣевичу Перовскому, назначенному въ 1833 году и. д. Оренбургскаго военнаго губернатора, Антонъ Погорѣльскій племянника не бралъ, т. к. сохранилось письмо, направленное имъ оттуда своему милому „Хануку“.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ графиня Анна Алексѣевна и ея сынъ подолгу жили въ Москвѣ. Алексѣй Толстой продолжалъ здѣсь свое образованіе и готовился къ университетскому экзамену (Восп. кн. А. В. Мещерскаго). Антона Погорѣльскаго привлекали сюда литературныя связи и сотрудничество сперва въ „Бабочкѣ“, потомъ въ „Литературной Газетѣ“.

Къ тому же времени относится появленіе въ печати перваго, доселѣ не разысканнаго стихотворенія Ал. Толстого, которое, по словамъ С. П. Хитрово, было помѣщено Антономъ Погорѣльскимъ въ одномъ изъ періодическихъ изданій рядомъ со строгою критикой на него, съ цѣлью указать юному писателю на преждевременность его желанія печатать свои произведенія.

---

[1]) Изданіе Маркса.

[2]) Константинъ Михайловичъ Базили; род. 1809 г., † 1884 г.; писатель; служилъ по дипломатическому вѣдомству. Литературные труды его посвящены, главнымъ образомъ, описанію Востока.

Зиму 1833—1834 г. Толстой провелъ, по всей вѣроятности, въ Москвѣ. Сохранилось его письмо оттуда къ А. А. Перовскому отъ 18 февр. 1834 г. Изъ письма этого видно, что Толстой жилъ тогда съ матерью и поддерживалъ дѣятельную переписку съ дядей. Онъ заканчивалъ свое образованіе и, по словамъ близко его въ то время знавшаго кн. А. В. Мещерскаго [1]), удивлялъ сверстниковъ своею необыкновенною памятью, дававшей ему возможность послѣ бѣглаго прочтенія страницы любой прозы дословно передавать прочитанное безъ одной ошибки.

Кромѣ кн. А. В. Мещерскаго, А. К. Т. за время пребыванія въ Москвѣ близко сошелся съ Юріемъ Самаринымъ, Александромъ Строгановымъ, кн. Лобановымъ и четырьмя братьями Черкасскими.

Въ эту зиму графиня Толстая нашла, что сыну ея пора начинать дѣлать карьеру. Не дожидаясь университетскаго экзамена, она поспѣшила зачислить Алексѣя Константиновича на государственную службу. Въ Москвѣ существовало тогда весьма подходящее для начинающихъ службу молодыхъ людей высшаго круга привилегированное учрежденіе. Это былъ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, питомникъ воспѣтыхъ Пушкинымъ „архивныхъ юношей". Толстому не было еще 17 лѣтъ, когда онъ былъ туда зачисленъ „студентомъ" (9 марта 1834 г.).

Изъ формулярныхъ списковъ поэта мы видимъ, что въ доказательство дворянскаго происхожденія своего онъ представилъ въ Архивъ свидѣтельство изъ Д-та Герольдіи отъ 21 сент. 1834 г. за № 8028 о внесеніи герба рода его въ Высочайше утвержденный гербовникъ. Въ графѣ о родовомъ имуществѣ вписано: „За родительницей его въ Черниговской губерніи, Кролевецкаго уѣзда, 350 душъ"...

Зданіе Архива расположено было въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ центра кварталовъ Москвы. Вигель оставилъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" его описаніе... „Въ глухомъ и кривомъ переулкѣ, за Покровкой, на пригоркѣ, возвышалось старинное каменное зданіе; отлогость пригорка, мѣстами усѣянная кустарниками, служила этому зданію дворомъ.

---

[1]) Русск. Арх. 1900 г., кн. 7.

Темные подвалы нижняго этажа, узкія окна, стѣны чрезмѣрной толщины и низкіе своды верхняго жилья показывали, что оно было жилищемъ одного изъ древнихъ бояръ, которые во время Петра Великаго держались еще обычаевъ старины. Для храненія древнихъ хартій ничего нельзя было пріискать приличнѣе „сего стариннаго каменнаго шкапа".

Начальникомъ этого учрежденія былъ Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій, „знавшій Архивъ какъ свои пять пальцевъ". Служившая при немъ молодежь, кромѣ описаннаго въ Евгеніи Онѣгинѣ занятія—присутствовать по ночамъ на балахъ, для строгой оцѣнки достоинствъ танцующихъ и не танцующихъ московскихъ дѣвицъ,—имѣла свои положительныя и достойныя уваженія традиціи. Изъ нѣдръ этого заведенія вышли въ свое время братья Веневитиновы, Кирѣевскіе, Ѳ. С. Хомяковъ, С. А. Соболевскій, В. П. Титовъ, А. И. Кошелевъ, С. П. Шевыревъ и др. Десятью годами ранѣе тамъ существовало тайное общество любомудрія изъ лицъ, занятыхъ изученіемъ Шеллинговой философіи [1]).

Въ одномъ изъ отрывковъ своихъ А. С. Пушкинъ такъ характеризовалъ типъ архивнаго юноши: „это одинъ изъ тѣхъ юношей, которые воспитывались въ Московскомъ Университетѣ, служатъ въ Московскомъ Архивѣ, они одарены убійственной памятью, все знаютъ и все читали, которыхъ стоитъ только тронуть пальцемъ, чтобы изъ нихъ полилась ихъ всемірная ученость"...

Литературные кружки среди архивныхъ юношей не переводились. Служебныя обязанности молодыхъ людей заключались, главнымъ образомъ, по словамъ А. И. Кошелева, въ разборѣ, чтеніи и описаніи древнихъ столбцовъ. Начальство, въ лицѣ А. Ѳ. Малиновскаго, не было требовательнымъ, и въ тѣ два дня недѣли (понедѣльникъ и четвергъ), которые считались присутственными, архивные юноши занимались преимущественно литературою...

Въ концѣ августа 1834 г. Толстой былъ въ Петербургѣ, т. к. сохранилось его письмо оттуда къ дядѣ. Весьма вѣроятно, что одной изъ причинъ поѣздки туда было желаніе поздравить съ днемъ ангела Наслѣдника.

---

[1]) Барсуковъ. Жизнь и Труды Погодина. I, стр. 301.

Въ это время Алексѣй Константиновичъ продолжалъ писать стихи, но печатать ихъ не отваживался, помня то непріятное впечатлѣніе, которое произвела на него рецензія дяди. Обстоятельство это не помѣшало однако молодому поэту по прежнему относиться съ полнымъ довѣріемъ къ своему воспитателю и посвящать послѣдняго во всѣ тайны своего творчества. Перовскій показывалъ стихотворенія племянника своимъ литературнымъ друзьямъ. Въ письмѣ отъ 27 марта 1835 г., изъ Петербурга, онъ сообщаетъ Толстому: „Жуковскій аппробуетъ твою новую пьесу... Греческія стихотворенія твои онъ предпочитаетъ"... Вѣроятно, Перовскій же показывалъ стихи Толстого и Пушкину, съ которымъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ одномъ изъ некрологовъ поэта, написанномъ лицомъ, повидимому, хорошо знавшимъ послѣдняго, имѣется указаніе на то, что первые стихотворные опыты Толстого были одобрены Пушкинымъ („Пет. Вѣдом." 1875 г. 5 окт.). Около 1835 г. состоялось также первое знакомство Алексѣя Константиновича съ историкомъ Погодинымъ, къ которому онъ являлся съ письмомъ отъ А. Перовскаго.

Въ началѣ того же года Толстой захворалъ лихорадкой (письмо Перовскаго отъ 18 марта 1835 г.). Для поправленія здоровья рѣшено было отправить юношу за-границу. Поѣздка эта помѣшала нѣсколько подготовкѣ Алексѣя Константиновича къ университетскому экзамену.

Окончившій московскій университетъ и получившій тамъ въ 1807 г. даже званіе доктора философіи и словесныхъ наукъ Алексѣй Перовскій хотѣлъ, чтобы племянникъ не уступалъ въ образованіи остальнымъ членамъ его семьи. Братья Перовскаго, Василій и Левъ Алексѣевичи, также окончили московскій университетъ съ кандидатскими дипломами, и желаніе дяди было увидѣть своего племянника кандидатомъ правъ словеснаго факультета...

Какъ бы то ни было, 20 апрѣля 1835 г. Толстой получилъ изъ Архива четырехмѣсячный отпускъ для поправленія здоровья и отправился за-границу. Есть основаніе думать, что онъ провелъ это время главнымъ образомъ въ Германіи. Сохранилось нѣсколько проникнутыхъ трогательною нѣжностью писемъ Перовскаго, направленныхъ имъ племяннику въ Карлсбадъ. Въ сентябрѣ 1835 г., какъ это

видно изъ даты медицинскаго свидѣтельства [1]), выданнаго докторомъ Тринкомъ, Толстой былъ въ Дрезденѣ. Въ Москву онъ явился лишь 4 ноября, значительно просрочивъ свой отпускъ.

Въ началѣ декабря 1835 г. Толстой подалъ въ московскій университетъ прошеніе о допущеніи къ экзаменамъ. Благодаря опубликованнымъ въ Русской Старинѣ С. Казанскимъ (декабрь 1904 г.) документамъ, намъ извѣстны результаты этихъ экзаменовъ „изъ предметовъ, составляющихъ курсъ словеснаго факультета, для полученія ученаго аттестата на право чиновниковъ перваго разряда". За французскую словесность Толстой получилъ — 4, за англійскій языкъ—3, за всеобщую исторію—4, за всеобщую статистику—3, за латинскій языкъ—4, за нѣмецкій языкъ и словесность — 4, за россійскую исторію—3, за русскую словесность — 4 и за россійскую статистику—4. Факультетъ призналъ Толстого выдержавшимъ экзаменъ.

Въ виду того, что въ спискахъ студентовъ Имп. Московскаго Университета (съ 1 января 1834 по 10 января 1835 гг.) фамиліи гр. Толстого не значится, и въ дѣлѣ Моск. Университета „объ учиненіи" Толстому экзамена онъ названъ служащимъ въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, съ полною вѣроятностью можно заключить, что студентомъ университета Толстой никогда не былъ, а экзамены имъ сданные ничего общаго съ экзаменами на кандидатскую степень, какъ мечталъ Перовскій, не имѣли и являлись обыкновенными по тому времени экзаменами на право полученія чина.

Это заключеніе наше подтверждается и выданнымъ Толстому Совѣтомъ Имп. Моск. У-та аттестатомъ (за № 81) въ томъ, что онъ „былъ испытываемъ въ разныхъ языкахъ и наукахъ и признанъ достойнымъ на вступленіе въ первый разрядъ чиновниковъ государственной службы" (форм. спис.).

Время службы въ Архивѣ было для Алексѣя Толстого періодомъ первой, хотя и относительной, свободы. Графиня Анна Алексѣевна зачастую надолго уѣзжала въ Петербургъ, и поэтъ предоставляемъ былъ попеченіямъ дяди, который

[1]) Формулярный списокъ.

не стѣснялъ его и обильно снабжалъ матеріальными средствами. Толстому нравилась эта возможность самостоятельно распоряжаться деньгами. Онъ сталъ брать, хотя и безуспѣшно, уроки игры на флейтѣ и мандолинѣ, покупалъ собакъ, ѣздилъ каждый день завиваться и увлекался танцами...

Ко времени пребыванія въ Москвѣ относится и первая юношеская любовь поэта къ княжнѣ Еленѣ Мещерской. Братъ послѣдней даетъ, между прочимъ, указаніе, какую большую роль въ жизни Алексѣя Толстого играла мать послѣдняго, какъ эгоистически она его любила и какое страшное вліяніе имѣла на молодую мягкую душу поэта.

„Впослѣдствіи, говоритъ въ своихъ Воспоминаніяхъ князь: „когда сынъ ея былъ уже взрослымъ человѣкомъ и повѣдалъ матери свою первую юношескую любовь, при чемъ просилъ у нея разрѣшенія просить ея руки, она, повидимому, гораздо болѣе изъ ревности къ сыну, чѣмъ вслѣдствіе другихъ какихъ-нибудь уважительныхъ причинъ, стала горячо противиться этому браку и перестала видѣться съ моей матерью. Сынъ покорился волѣ матери, которую онъ обожалъ. Эта ревность графини къ единственному сыну помѣшала ему до весьма зрѣлаго возраста думать о бракѣ, вслѣдствіе чего онъ женился только послѣ ея смерти“...

Изъ формулярнаго списка Толстого видно, что въ теченіе 1836 г. онъ дважды получалъ отпускъ и покидалъ Москву. Въ первый разъ—22 апрѣля—на 3 недѣли, въ Петербургъ; вторично—съ 1 іюня—на 4 мѣсяца (съ Высочайшаго соизволенія), въ Ниццу.

Но выѣхать изъ Москвы Толстому удалось не раньше двадцатыхъ чиселъ іюня. А. А. Перовскій, котораго поэтъ долженъ былъ сопровождать, былъ очень боленъ. Онъ собирался переселиться въ Италію и распродавалъ что только могъ изъ собранныхъ имъ въ теченіе жизни произведеній искусства. Заѣзжавшій къ нему 17 іюня проститься его старый знакомый А. Я. Булгаковъ счелъ Перовскаго безнадежнымъ и находилъ, „что лицо его еще болѣзненнѣе рядомъ со свѣжимъ веселымъ лицомъ сестры“...

Но Перовскій не попалъ въ Италію. 9 іюля 1836 г. онъ умеръ въ Варшавѣ на рукахъ горячо любимаго имъ племянника...

Еще во время болѣзни дяди поэтъ сдѣлалъ первую попытку выйти въ отставку. 7 іюня 1836 г. онъ подалъ въ Московскій Архивъ прошеніе объ увольненіи отъ службы. Задуманное дѣло началось удачей: Архивъ, со своей стороны, „препятствій къ увольненію не нашелъ“ [1]). Но судьба рѣшила иначе. Вмѣшался кто-то изъ родственниковъ, и поэтъ вмѣсто отставки получилъ четырехмѣсячный отпускъ, съ 1 іюня.

Осенью 1836 г. графиня Анна Алексѣевна стала хлопотать о переводѣ сына въ Петербургъ. Повидимому, получивъ отпускъ въ Ниццу, онъ такъ и не являлся больше въ Архивъ, хотя въ формулярномъ спискѣ его и имѣется указаніе на возвращеніе въ срокъ. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ отъ 13 ноября 1836 г. изъ Петербурга онъ извиняется передъ А. Ѳ. Малиновскимъ въ просрочкѣ отпуска и благодаритъ за представленіе къ чину коллежскаго регистратора (со старшинствомъ съ 9 марта 1835 г.: см. форм. списокъ).

25 ноября 1836 г. состоялся приказъ о переводѣ Толстого изъ Московскаго Архива М. И. Д. въ Д-тъ Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ, а 13 „генваря“ 1837 г. онъ былъ „назначенъ къ Миссіи нашей во Франкфуртѣ на Майнѣ, сверхъ штата“. Спустя три дня по назначеніи, Толстой, благодаря своимъ высокимъ связямъ, получилъ отпускъ на 3 мѣсяца „въ разныя россійскія губерніи“ [2]).

По окончаніи отпуска Толстой съѣздилъ, вѣроятно, и во Франкфуртъ на Майнѣ, но до 1838 г. мы не имѣемъ свѣдѣній о его мѣстопребываніи. Въ октябрѣ 1838 г. (а не въ 1840 году, какъ ошибочно опредѣляетъ самъ Толстой въ письмахъ къ женѣ) онъ проводитъ время на берегахъ Комскаго озера, въ обществѣ Великаго Князя Наслѣдника, который лечился тамъ виноградным сокомъ: Толстой каждый день ходилъ съ нимъ стрѣлять голубей на виллу Реймонди. Къ этому же времени относится и эпизодъ съ дочерью кустодэ, Пеппиной, образъ которой мелькаетъ потомъ въ переполненномъ воспоминаніями объ Италіи „Упырѣ“.

1) Русск. Стар. декабрь 1904 г.

2) Формулярный списокъ.

Зиму 1838—39 г. или, по крайней мѣрѣ, вторую ея половину Толстой прожилъ съ матерью въ Ливорно [1]), гдѣ у графини былъ салонъ, посѣщаемый соплеменниками.

Обязанности причисленнаго къ франкфуртской миссіи не особенно, повидимому, обременяли Толстого, т. к. лѣтомъ 1839 г. Погодинъ его встрѣтилъ въ Парижѣ.

Первые, на французскомъ языкѣ написанные, разсказы, изъ которыхъ только одинъ дошелъ до насъ („Семья вурдалака“), должны быть отнесены именно къ этой эпохѣ пребыванія поэта за-границей, въ качествѣ молодого дипломата, рѣдко говорящаго на родномъ языкѣ...

Вотъ что пишетъ Б. Маркевичъ въ примѣчаніи къ своему переводу „Семьи вурдалака“:

„Разсказъ этотъ вмѣстѣ съ другимъ: „Свиданіе черезъ 300 лѣтъ“ (Le rendez-vous dans trois cents ans), заключающимся въ той же имѣющейся у меня тетради покойнаго графа А. К. Толстого, принадлежитъ къ эпохѣ ранней молодости нашего поэта. Они написаны по-французски, съ намѣреннымъ подражаніемъ нѣсколько изысканной манерѣ и архаическимъ оборотомъ рѣчи conteur'овъ Франціи XVIII вѣка“ [2]).

Вѣроятно, близкіе родственники Толстого постоянно заботились о его передвиженіи по ступенямъ іерархической лѣстницы. Осенью 1839 г. указомъ Правительствующаго Сената онъ былъ, 13 октября, произведенъ въ губернскіе секретари, а въ 1840 г. (съ 9 марта) Всемилостивѣйше пожалованъ въ коллежскіе секретари. Въ декабрѣ 1840 г. по Высочайшему повелѣнію перемѣщенъ „младшимъ чиновникомъ“ во второе отдѣленіе Собственной Его Имп. Вел. Канцеляріи, въ которой незадолго передъ тѣмъ произошло усиленіе штата.

Новая служба, какъ и прежняя, давала Толстому полную возможность заниматься на досугѣ окончательной отдѣлкой своей фантастической повѣсти „Упырь“.

Благодаря отрывкамъ дошедшей до насъ приходорасходной книги, которую слѣдуетъ отнести къ 1841 году.

---

[1]) Русск. Арх. 1901 г. III, стр. 106. Записки М. Д. Бутурлина.

[2]) Мнѣ, лично, кажется, что я видѣлъ переводъ этотъ напечатаннымъ (съ иллюстраціями) въ одномъ изъ журналовъ начала восьмидесятыхъ годовъ. А. К.

можно установить нѣкоторыя подробности жизни Толстого. Онъ держалъ лошадей, заказывалъ слугамъ ливреи (Livrée pour Goutchok — 300 r.), ѣздилъ на балы и концерты, былъ абонированъ на модное тогда катанье съ горъ, заказывалъ по 15 паръ перчатокъ, бывалъ въ оперѣ, пробовалъ рисовать красками, интересовался разными новинками вродѣ появившихся тогда первыхъ телефонныхъ аппаратовъ (Cordon acoustique — 161 r.). Каждый мѣсяцъ въ графѣ расходовъ поэта можно встрѣтить также рубрику „pauvres".

Не мало занимала Толстого также охота. Въ теченіе января 1841 г. онъ не менѣе трехъ разъ ѣздилъ охотиться, въ томъ числѣ одинъ разъ въ окрестностяхъ Ораніенбаума. Приходорасходная книга графа подтверждаетъ указанія его автобіографіи на медвѣжьи охоты. Среди расходовъ за мартъ 1841 г. имѣются записи: „chasse à l'ours avec tous ses incidents — 660 r. и „peaux d'ours tannées — 87 r. 50 c.".

Хотя Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій и оставилъ любимому племяннику все свое состояніе, тѣмъ не менѣе свои карманныя деньги Толстой, по свидѣтельству лица, близко его знавшаго, получалъ отъ матери, и личные доходы его въ то время колебались отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей въ мѣсяцъ, что подтверждается также и приходорасходною книгой. Кромѣ того онъ получалъ иногда отъ Анны Алексѣевны единовременныя выдачи. Такъ, на именины свои, 17 марта, Толстой получилъ отъ нея въ 1841 г. 1000 р. Всѣми имѣньями Алексѣя Толстого управляла его мать. Имѣя поддержку въ двухъ высокопоставленныхъ братьяхъ графиня Анна Алексѣевна пускалась иногда въ довольно рискованныя финансовыя операціи, оканчивавшіяся для нея благополучно лишь благодаря своевременному родственному вмѣшательству. Такъ, напр., Левъ Алексѣевичъ Перовскій не стѣснялся вмѣшиваться даже въ веденіе судебныхъ слѣдствій по золотопромышленнымъ дѣламъ своей сестры (Русск. Арх. 1888 г. I, 625; Воспом. сенатора Лебедева).

Служба во II отдѣленіи имѣла для поэта то удобство, что обслуживаемый этимъ учрежденіемъ Гос. Совѣтъ разъѣзжался лѣтомъ на каникулы, которыми въ большей или меньшей степени пользовались и чины Канцеляріи. Конечно, не могло встрѣтиться никакихъ препятствій для лѣтняго отдыха личнаго друга Наслѣдника.

Къ началу сороковыхъ годовъ, а быть можетъ и къ болѣе раннему времени слѣдуетъ отнести дошедшіе до насъ наброски упоминаемаго у Вс. И. Срезневскаго (Автографы гр. А. К. Толстого) стихотворенія „Слова для мазурки“.

Вонъ на кладбищѣ бѣлѣютъ кресты.
Мѣсяцъ взираетъ на нихъ съ высоты.

Тамъ дремлютъ кости вельможнаго рода.
Рядомъ съ гетманомъ лежитъ воевода.

— Скучно, панове, все спать на погостѣ
Сѣдлаемъ коней; ѣдемте въ гости!

Вишь, серебромъ какъ дорога устлана.
Ѣдемъ на свадьбу до пана гетмана!

Вотъ пошатнулись кресты и упали.
По полю мертвые въ даль поскакали.

Тамъ надъ Двиною, напротивъ парома
Свѣтятся окна вельможнаго дома.

Слышны въ немъ скрыпки, цымбалы и флейты...
— Ну же, маршалокъ, докладывай, чей ты?!

Въ страхѣ маршалокъ изъ рукъ бросилъ блюдо.
— Пане вельможный, случилося чудо!

Отъ далибугъ же, до панской мости
Прямо съ кладбища пріѣхали гости!

. . . .

— Брешешь ты, бестья! Заразъ изувѣчу!
Всталъ и, ругаясь, идетъ къ нимъ навстрѣчу.

Весьма вѣроятно, что по отпечатаніи весною 1841 г. „Упыря“, Толстой провелъ часть лѣта этого года въ степяхъ Оренбургскаго края, составлявшаго сатрапію его дяди Василія Перовскаго. Тамъ онъ много охотился и впечатлѣнія своихъ переживаній описалъ въ очеркѣ: „Два дня въ Киргизской Степи“, отпечатанномъ въ журналѣ Коннозаводства и Охоты за 1842 г., № 5. Очеркъ этотъ вышелъ также и отдѣльною книжечкой, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, въ 1842 г.

Относительно 1842 г. новаго въ біографіи поэта намъ извѣстно лишь то, что 26 января Толстой былъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ титулярные совѣтники, а 15 августа получилъ отпускъ на 28 дней [1]). Ранней весною 1843 г. графъ соскучился по Малороссіи, гдѣ въ то время жила его мать, и написалъ ей письмо (3 марта), въ которомъ

1) Форм. списокъ.

просилъ, чтобы она выхлопотала ему у Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, Дм. Ник. Блудова, отпускъ. — „Матушка, прикажите мнѣ къ Вамъ пріѣхать!“ умолялъ Толстой, вспоминая при этомъ, что ему одинъ только разъ за время службы удалось провести весну въ деревнѣ и поохотиться на вальдшнеповъ.

Неизвѣстно, просила-ли Анна Алексѣевна за сына, но въ формулярномъ спискѣ Толстого никакихъ указаній на отпускъ ранѣе 10 августа 1843 г. (на 28 дней) не имѣется.

27 мая того же года Толстому было Всемилостивѣйше пожаловано званіе камеръ-юнкера. Осенью того же года въ „Листкѣ для свѣтскихъ людей“ было напечатано съ рисунками кн. Г. Г. Гагарина стихотвореніе „Боръ сосновый въ странѣ одинокой стоитъ“ („Серебрянка“). Вмѣсто фамиліи автора подъ стихотвореніемъ стояли три звѣздочки.

Врядъ ли значительно позже этого времени, а скорѣе даже раньше было написано также находящееся въ найденной Е. А. Ляцкимъ тетради со списками толстовскихъ стихотвореній его небольшое произведеніе „Поэтъ“, въ которомъ чувствуется еще нѣкоторая подражательность и неопытность.

Осенью 1844 года (съ 10 августа) Толстой получилъ на 4 мѣсяца отпускъ. Гдѣ онъ проводилъ это время намъ неизвѣстно. Литературные досуги свои онъ посвящалъ тогда преимущественно прозѣ, отрывки которой до насъ дошли... Одинъ изъ такихъ отрывковъ „Артемій Семеновичъ Бервенковскій“ былъ напечатанъ въ слѣдующемъ году въ литературномъ сборникѣ гр. В. А. Соллогуба „Вчера и сегодня“ и вызвалъ весьма неодобрительный отзывъ Бѣлинскаго. 25 января 1845 г. поэтъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ въ коллежскіе ассесоры, со старшинствомъ съ 26 января 1844 г. Въ іюлѣ 1845 г. онъ снова получилъ четырехмѣсячный отпускъ.

Повидимому, отпускъ этотъ былъ имъ просроченъ. Въ письмѣ къ матери, написанномъ при возвращеніи въ Петербургъ изъ деревни (29 ноября 1845 г. въ Рославлѣ) Толстой, упомянувъ о дурной дорогѣ и о пересадкѣ въ Смоленскѣ изъ тарантаса въ сани, разсказываетъ, какъ губернаторъ велѣлъ сопровождать его экипажъ чинамъ полиціи и сельскимъ головамъ въ парадныхъ мундирахъ...

Въ январѣ 1846 г. Толстой Всемилостивѣйше пожалованъ былъ въ надворные совѣтники, а 19 мая „съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича получилъ шестимѣсячный отпускъ за-границу, для сопровожденія матери, отправлявшейся туда по болѣзни“.

На Высочайшія льготы Толстому при прохожденіи имъ службы отнюдь не слѣдуетъ смотрѣть какъ на что-то несправедливое. Матеріально поэтъ не пользовался отъ службы почти ничѣмъ, такъ какъ жалованье было каплею въ морѣ его ежегодныхъ доходовъ, производство въ чины нисколько его не интересовало; необходимость являться въ Канцелярію II-го Отдѣленія несомнѣнно тяготила поэта, и онъ каждую минуту готовъ былъ, подобно дядѣ своему, знаменитому скульптору и медальеру, гр. Ѳед. Петр. Толстому, покинуть службу, чтобы всецѣло отдаться искусству... Но разстаться съ Канцеляріей поэту мѣшали родственники, а потому мы должны смотрѣть на служебныя льготы ему не какъ на несправедливость, а какъ на стараніе со стороны высокопоставленныхъ родныхъ смягчить для подневольнаго чиновника безусловную тягость его служебнаго, подчиненнаго существованія...

Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 6-ой день ноября 1846 г., заграничный отпускъ Толстого былъ отсроченъ на 6 мѣсяцевъ, считая съ 20 декабря 1846 г. по 20 іюня 1847 г.

Изъ отпуска поэтъ вернулся только 20 іюля 1847 г., т. е. съ опозданіемъ на 1 мѣсяцъ. Повидимому, какая-то серьезная причина заставила графиню держать сына столь долгое время вдали отъ Петербурга. Сама она, спустя нѣкоторое время, вернулась въ Россію, а Толстой черезъ Ліонъ и Авиньонъ прибылъ въ Марсель. Городъ этотъ заинтересовалъ поэта, и онъ цѣлые часы бродилъ по набережной порта, наблюдая толкавшуюся тамъ шумную и пеструю толпу. Въ письмѣ оттуда (отъ 3 марта 1847 г.), наполненномъ выраженіями горячей сыновней любви, имѣются указанія на происходившія между нимъ и графинею незадолго до того ссоры. Къ письму приложены были рисунки, изображающіе типы встрѣчающихся въ Марселѣ народностей. Мы имѣли также указанія, что Толстой отплылъ изъ Мар-

селя въ Алжиръ и былъ кромѣ того въ Парижѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ...

Къ этому, а быть можетъ и къ одному изъ предшествующихъ пребываній поэта заграницей, относятся дошедшія до насъ наброски стихотворенія:

Бѣгутъ разорванныя тучи.
Луна задумчиво встаетъ.
Отъ моря брызжетъ дождь летучій.
Шумя несется пароходъ.

Далѣе слѣдовало зачеркнутое авторомъ четверостишіе:

А тамъ дворецъ съ широкой крышей:
[На немъ статуй бѣлѣетъ рядъ]
Тамъ истукановъ виденъ рядъ,
Стоятъ, одинъ другого выше,
Во-слѣдъ печально мнѣ глядятъ...
. . . .
Простите вы, картины Юга!
Прости, гитаръ веселый звонъ
И пѣсней пламенная вьюга,
И плющъ, и шпага, и балконъ!
Увижу-ль страны я родныя
Увижу-ль . . . . пестрый рой
И край гдѣ жатвы золотыя
Колышетъ вѣтеръ полевой?!

Наброски дальнѣйшихъ четверостишій въ болѣе полномъ и исправленномъ видѣ вошли въ Посланіе къ И. С. Аксакову.

15 сентября 1847 г. поэтъ вновь получилъ двухмѣсячный отпускъ, изъ котораго вернулся „въ срокъ“. Въ Петербургѣ поэтъ жилъ съ матерью, съ которой почти не разставался. По ея порученію дѣлалъ онъ визиты ея знакомымъ старушкамъ, бывалъ вмѣстѣ съ нею въ театрахъ и на концертахъ, и покидалъ графиню лишь ради охоты. Анна Алексѣевна была настолько привязана къ сыну, что обыкновенно не ложилась спать, пока онъ не вернется домой, какъ бы поздно это ни случилось.

Въ 1848 г. (6 февраля) Толстой вступилъ въ члены Петербургскаго Яхтъ-Клуба. Къ этому же году, по свидѣтельству одной изъ близкихъ родственницъ С. А. Толстой, относится и первая мимолетная встрѣча послѣдней съ ея будущимъ мужемъ.

Въ 1849 г. поэтъ получилъ (3 іюня) четырехмѣсячный отпускъ, и почти всѣ біографы утверждаютъ, что онъ провелъ это время въ Калугѣ въ семьѣ мѣстнаго губернатора Смирнова, женатаго на извѣстной своими литературными мемуарами бывшей фрейлинѣ Александрѣ Осиповнѣ Россетъ. Но пребываніе Толстого въ Калугѣ слѣдуетъ отнести не къ 1849, а къ 1850 году. Въ Петербургъ поэтъ вернулся около 1 ноября 1849 г., просрочивъ, по обыкновенію, отпускъ.

28 апрѣля 1850 г. Алексѣй Константиновичъ былъ по Высочайшему повелѣнію прикомандированъ къ сенатору князю Давыдову для занятій по обревизованію Калужской губерніи. Командировку эту въ одномъ изъ писемъ своихъ поэтъ называетъ „изгнаніемъ“.

Ревизія кн. Давыдова была между прочимъ вызвана желаніемъ правительства провѣрить доносъ на губернатора Смирнова, сдѣланный однимъ изъ родственниковъ послѣдняго. Возведенные въ этомъ доносѣ на Смирнова обвиненія не подтвердились, и состоявшіе въ давыдовской комиссіи чиновники занялись, согласно Высочайшему повелѣнію, изслѣдованіемъ состоянія губерніи...

Въ письмѣ къ матери (отъ 24 іюня 1850 г.) Толстой разсказываетъ ей о своей жизни въ Калугѣ: „Я часто бываю у Смирновыхъ. Оба они учтивы и умны“... Здѣсь же онъ повѣствуетъ о томъ, какъ, надѣвъ вицмундирный фракъ съ золочеными пуговицами, дѣлалъ на другой день по пріѣздѣ визиты представителямъ калужскаго общества и перечисляетъ кто отдалъ и кто не отдалъ ему визитъ. Описываетъ Толстой также случившійся въ городѣ пожаръ, въ тушеніи котораго принималъ дѣятельное личное участіе губернаторъ. Въ Калугѣ Алексѣй Константиновичъ любилъ бывать у матери будущаго министра M-me Деляновой, обладавшей великолѣпнымъ садомъ съ аллеями изъ старыхъ деревьевъ... Чаще же всего онъ проводилъ время въ губернаторскомъ домѣ, гдѣ около умной и привлекательной губернаторши сосредоточена была наиболѣе развитая часть калужскаго лучшаго общества.

То сильное впечатлѣніе, которое интересная и богато одаренная Смирнова умѣла производить на людей, сказалось и на Алексѣѣ Толстомъ. Подобно Ивану Аксакову и Гоголю, молодой писатель не избѣгъ вліянія этой привле-

кательной женщины, въ чемъ и признается въ одномъ изъ писемъ къ Маркевичу (отъ 23 іюня 1869 г.). Она, повидимому, была первой женщиной, принадлежавшей къ большому свѣту и не только не чуждавшейся литературы, но и поощрявшей Толстого въ его дальнѣйшихъ трудахъ въ этой области.

Кромѣ отрывковъ „Князя Серебрянаго“, облеченнаго первоначально и въ драматическую форму, Толстой, подобно И. С. Аксакову и многимъ другимъ, читалъ А. О. Смирновой свои стихи...

Благодаря открытой Е. А. Ляцкимъ тетради переписанныхъ для А. О. Смирновой стихотвореній Толстого, относящихся къ его пребыванію въ Калугѣ, представляется возможнымъ установить, какія поэтическія произведенія были имъ до того времени написаны и могли ей читаться. Изъ этой же тетради видно, что стихи „Милый другъ, тебѣ не спится“ и „Ты помнишь ли, Марія“, которые принято было считать посвященными С. А. Миллеръ, къ послѣдней не относятся. Нельзя въ то же время съ несомнѣнностью утверждать, что они посвящены А. О. Смирновой, хотя поэтъ и признавался впослѣдствіи въ вышеозначенномъ письмѣ къ Маркевичу, что она произвела на него сильное впечатлѣніе. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что эти два стихотворенія вдохновлены двумя разными лицами. Несомнѣнно также, что та, кого поэтъ называетъ Маріей упоминается и въ концѣ стихотворенія эпохи молодости поэта „Цыганскія Пѣсни“...

Въ виду того, что во время пожара, случившагося въ Пустынкѣ послѣ смерти поэта, погибла значительная часть его черновиковъ и бумагъ, до насъ почти не дошло раннихъ произведеній Толстого. Среди случайно уцѣлѣвшихъ набросковъ сохранились отрывки стихотворенія, о которомъ упоминаетъ В. И. Срезневскій („Автографы графа А. К. Толстого“) о дѣвѣ-гречанкѣ, познавшей ученіе Христа:

... „Но были для дѣвы другія отрады:
„Шептали о богѣ ей ночь и луна,
„Лавровыя рощи цвѣтущей Эллады,
„Залива изгибы и звѣздъ миріады,
„И въ юномъ восторгѣ познала она,
„Молитвой паря въ необъятномъ просторѣ,
„Бездонной любови безбрежное море...
. . . .

„Любовь неземная, святая любовь,
„Ты свѣтишь звѣздою во мракѣ темницы,
„Ты солнцемъ сіяешь“...

Остальные наброски этого стихотворенія, являющіеся по большей части перефразировкой здѣсь приведенныхъ строкъ, мы опускаемъ...

Значительная часть калужскаго общества мало была привлекательна для поэта. Она жила почти исключительно мѣстными интересами, и появленіе въ городѣ какой-нибудь „русской труппы“ съ нѣкіимъ Фридбергомъ во главѣ или чья-либо свадьба составляли событія, всецѣло поглощавшія собой обывателей. Осенній привозъ въ городъ капусты давалъ калужскимъ жителямъ всѣхъ слоевъ общества матеріалъ для разговоровъ въ теченіи цѣлой недѣли. Калужане (письмо отъ 1 окт. 1850 г.) очень интересовались, какимъ способомъ кто изъ нихъ рубитъ капусту: домашними ли средствами, т. е. при помощи дѣвокъ, или же абонируя изъ мѣстнаго острога арестантовъ?

Не удивительна, поэтому, радость Толстого по поводу каждаго письма матери, сообщавшей ему о жизни петербургскаго общества и о своихъ личныхъ дѣлахъ, вродѣ пріобрѣтенія весною въ 1850 г. имѣнія „Пустыньки“.

Въ ноябрѣ 1850 г. Толстой неожиданно для мѣстнаго общества вернулся въ Петербургъ. Хотя онъ и объяснилъ свой отъѣздъ болѣзнью вызвавшаго его къ себѣ Василія Перовскаго, но, по всей вѣроятности, одною изъ причинъ его возвращенія въ Петербургъ были приготовленія къ постановкѣ на Александринскую сцену „Фантазіи“ Козьмы Пруткова. Восьмого января 1851 г. состоялась и самая постановка, окончившаяся, какъ извѣстно, довольно печально для пьесы. Императоръ Николай I вышелъ изъ ложи и явно выразилъ свое неудовольствіе. Публика тотчасъ же стала шумѣть, кричать, шикать и свистать. На слѣдующій же день „Фантазія“ по Высочайшему повелѣнію была снята съ репертуара [1]).

Неудовольствіе Императора Кузьмою Прутковымъ не распространилось на Алексѣя Толстого и не помѣшало послѣднему немного спустя сдѣлаться церемоніймейстеромъ

---

[1]) Н. Котляревскій. Старинные Портреты. СПБ., 1907; стр. 404.

Двора Его Величества. (Выс. прик. по гражд. вѣд-ву 19 мая 1851 г.).

Въ эту же зиму, сопровождая Наслѣдника на одномъ изъ устраиваемыхъ тогда въ Большомъ Театрѣ маскарадовъ, Толстой встрѣтился съ замаскированною женщиной, плѣнившей его своимъ въ высшей степени пріятнымъ голосомъ и интереснымъ разговоромъ. Встрѣча эта, описанная въ стихотвореніи „Средь шумнаго бала случайно", сыграла рѣшающую роль въ жизни Толстого. Замаскированная дама съ голосомъ сирены, оказавшаяся женою конногвардейскаго полковника, Софьей Андреевной Миллеръ, не отличалась красотою лица, но обладала прекрасной фигурой и пышными волосами и, что самое главное, хорошимъ образованіемъ, умомъ и сильною волею. Этими качествами она всецѣло и навсегда покорила сердце поэта.

Толстому и раньше случалось влюбляться. Намъ извѣстны первая юношеская его любовь къ княжнѣ Еленѣ Мещерской и позднѣйшее увлеченіе графинею Клари. Ревниво относящейся къ сыну Аннѣ Алексѣевнѣ Толстой неоднократно удавалось помѣшать развитію въ немъ начинавшагося чувства къ той или другой дѣвушкѣ, желавшей, по ея мнѣнію, стать женою ея сына. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ графиня Толстая уѣзжала вмѣстѣ съ Алексѣемъ Константиновичемъ на неопредѣленное время за-границу или же посылала туда его одного. Связь сына съ замужней женщиной, повидимому, казалось ей не опасной.

Къ данному времени относится ошибочно (вѣроятно вслѣдствіе неразборчивости почерка рукописи) отнесенное В. И. Срезневскимъ къ 1857 году стихотвореніе [1]:

„Пусто въ покоѣ моемъ. Одинъ я сижу у камина.
„Свѣчи давно погасилъ, но не могу я уснуть.
„Блѣдныя тѣни дрожатъ на стѣнѣ, на коврѣ, на картинахъ.
„Книги лежатъ на полу. Письма я вижу кругомъ.
„Книги и письма! Давно ль васъ касалася ручка младая?
„Сѣрыя очи давно ль васъ пробѣгали, шутя?
„Медленно катится ночь надо мною тяжелою тканью.
„Грустно сидѣть одному. Пусто въ покоѣ моемъ!

---

[1]) В. И. Срезневскій. Автографы гр. А. К. Толстого. Извѣстія Отдѣленія Русск. яз. и Словесн. Имп. Ак. Наукъ т. X. кн. 4.

„Думаю я про себя, на цвѣтокъ взирая увядшій:
„Утро настанетъ, и грусть съ темною ночью пройдетъ.
„Ночь прокатилась, и весело солнце на окнахъ играетъ.
„Утро настало, но грусть съ тѣнью ночной не прошла"...

Стихотвореніе это посвящено было Софіи Андреевнѣ Миллеръ и сопровождалось письмомъ къ ней на французскомъ языкѣ. Въ письмѣ говорится, между прочимъ, о данной ей Толстымъ на прочтеніе книгѣ, которою онъ дорожилъ.

У начитанной, умной и знавшей 14 языковъ С. А. Миллеръ, несомнѣнно, не было недостатка въ интересующихъ поэта темахъ для разговора. Первоначальная ихъ переписка касается, повидимому, главнымъ образомъ вопросовъ литературы, искусства, философіи и мистики.

Обнародованныя письма А. К. Т. къ Софіи Андреевнѣ за пятидесятые годы напечатаны со множествомъ пропусковъ и не даютъ никакой почти возможности слѣдить за развитіемъ чувства писателя, несомнѣнно сыгравшаго значительную роль въ его творчествѣ и жизни.

Не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать этой роли. Отвращеніе къ чиновничьей карьерѣ Алексѣй Толстой выказывалъ съ первыхъ лѣтъ поступленія на службу своими попытками выйти въ отставку и непрестанными опозданіями изъ отпусковъ. Художественно-литературныя наклонности у него развиты были съ дѣтства, а печатался онъ ко времени знакомства со своей будущей женою, хотя урывками и зачастую безъ подписи, но всетаки не менѣе десяти лѣтъ. Какъ умная женщина, Софья Андреевна поняла страстную фамильную любовь Толстого къ искусству и не пыталась отговаривать его отъ намѣренія покинуть свѣтскую придворную жизнь и обязательныя отношенія къ службѣ.

При жизни графини Анны Алексѣевны С. А. не пыталась сдѣлаться женою Толстого. Спокойно наблюдала она какъ крѣпнетъ къ ней привязанность поэта и выжидала событій. Добрый и жалостливый Алексѣй Толстой все болѣе и болѣе проникался состраданіемъ къ семейнымъ несчастьямъ такой какъ она обаятельной женщины, обладавшей въ душу проникающимъ голосомъ ангела. Ей писалъ онъ о своемъ призваніи быть писателемъ и о желаніи отыскать себѣ артистическое эхо: „Если я буду знать, что

ты интересуешься моимъ писаніемъ, я буду прилежнѣе и лучше работать", пишетъ онъ Софьѣ Андреевнѣ 14 окт. 1851 г. изъ Пустыньки.

Подъ предлогомъ навѣстить дядю Василія Перовскаго. Толстой ѣдетъ зимою 1851—1852 г. въ Оренбургъ, но предварительно заѣзжаетъ въ Пензенскую губ., гдѣ въ семьѣ своего брата жила разставшаяся со своимъ мужемъ С. А. Миллеръ. На обратномъ пути изъ Оренбурга поэтъ снова заѣзжаетъ погостить въ гостепріимномъ Смальковѣ...

Любовь сына къ какой-либо женщинѣ рѣдко можетъ укрыться отъ проницательнаго взора матери, въ особенности такъ сильно къ нему привязанной какъ графиня Толстая. Анна Алексѣевна быстро узнала о связи поэта и не преминула навести справки о его избранницѣ. Имѣется свѣдѣніе, что графинѣ была показана въ театрѣ, по созвучію именъ, другая особа, произведшая на нее крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Несомнѣнно, Анна Алексѣевна прочила для своего сына болѣе блестящую партію и была весьма недовольна, что привязанность его несравненно сильнѣе, чѣмъ обыкновенное мимолетное увлеченіе.

Тѣмъ не менѣе, между нею и сыномъ не прерывается полная страданія и любви переписка. Толстой пишетъ жившей тогда въ Петербургѣ матери о чувствѣ, его охватившемъ, проситъ простить его, а также не вѣрить, если графиня услышитъ что-либо нехорошее о Софьѣ Андреевнѣ (письмо отъ 13 февр. 1852 г. изъ Прольцина).

Весною 1852 г. Толстой вернулся въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ былъ арестованъ И. С. Тургеневъ, и нашему поэту пришлось хлопотать о смягченіи участи послѣдняго, а затѣмъ и о полномъ прощеніи. Благодаря близости къ Наслѣднику и высокому положенію дядей Льва и Василія Перовскихъ, многочисленныя хлопоты Толстого за разныхъ лицъ рѣдко не увѣнчивались успѣхомъ. Генералъ Дубельтъ и графъ Орловъ старались, по возможности, исполнять просьбы друга Наслѣдника.

Благодаря той же близости, Толстому крайне облегчены были отлучки съ мѣста службы безъ внесенія въ формулярный списокъ. Такъ, напр., во второй половинѣ мая онъ отправился за-границу и 30 мая былъ уже въ Парижѣ. Въ двадцатыхъ числахъ іюня онъ отправился обратно въ

Россію. 26 іюня, судя по датамъ писемъ къ матери, поэтъ былъ въ Кельнѣ, а 27-го въ Берлинѣ. Перваго іюля онъ снова былъ въ Петербургѣ, откуда тотчасъ почти вновь поѣхалъ навѣстить въ Оренбургѣ дядю Василія. По дорогѣ онъ останавливается на Сѣрныхъ Водахъ Самарской губ., гдѣ жила въ то время С. А. Миллеръ со своимъ братомъ Петромъ Андреевичемъ Бахметевымъ и его семьей...

6 іюля Толстой разстался съ Василіемъ Перовскимъ и проѣхалъ въ Саранскій уѣздъ Пензенской губ., куда во время его отсутствія перебрались Бахметевы и Софья Андреевна. Изъ писемъ поэта къ матери за это время видно, что увлеченіе сына причиняло графинѣ много горя. — „Любовь къ тебѣ растетъ изъ за твоей печали", пишетъ онъ Аннѣ Алексѣевнѣ (14 авг. 1852 г.). Сыновнее чувство не позволяло Алексѣю Константиновичу, ради любви къ женщинѣ, съ которою онъ не могъ обвѣнчаться, порвать съ посвятившей ему всю свою жизнь матерью, и онъ пишетъ послѣдней, что не хочетъ ея покидать и жестоко страдаетъ отъ ея страданій. Кромѣ того онъ вкратцѣ сообщаетъ графинѣ, какъ проводитъ время, какъ ѣздитъ верхомъ, много ходитъ, купается и ѣстъ содовые порошки...

Въ двадцатыхъ числахъ сентября 1852 г. Толстой покидаетъ семью Бахметевыхъ и въ началѣ октября пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Графиня Анна Алексѣевна жила въ то время въ своемъ имѣньѣ, на берегу рѣки Тосны, и сынъ, повидимому, не разставался съ нею въ теченіе всей зимы 1852—1853 г.г. и лѣта 1853 г. Но сердце его тосковало по подругѣ, а на бумагу просились строфы вдохновляемыхъ воспоминаніями о С. А. стиховъ...

„Сестра моей души, при каждомъ разставаньѣ
„Все сердце вслѣдъ тебѣ металось и рвалось,
„И устъ твоихъ, заснувъ, я чувствовалъ дыханье
„И на моемъ челѣ игру твоихъ волосъ [1]).

Осенью Алексѣя Толстого вновь потянуло въ Пензенскую губ., и около половины августа онъ находился уже

---

[1]) Приведенный отрывокъ относится, по всей вѣроятности, къ стихотворенію „Съ тѣхъ поръ какъ я одинъ, съ тѣхъ поръ какъ ты далеко"...

въ Москвѣ и писалъ оттуда Тургеневу; 18-го былъ во Владимирѣ, а 20-го—въ Саранскѣ. Въ письмѣ отъ 30-го августа 1853 г. онъ сообщаетъ Аннѣ Алексѣевнѣ изъ Смалькова, что вернулся наканунѣ изъ другого имѣнія Бахметевыхъ, жалуется на дожди и проситъ писать.

Повидимому, переписка сына и матери принимала порою тяжелый для обоихъ характеръ, такъ какъ въ письмѣ отъ 9 сент. Толстой проситъ у графини прощенья: „Не помню, что тебѣ написалъ, находясь подъ дурнымъ впечатлѣніемъ". Анна Алексѣевна писала, очевидно, не такъ часто какъ ея сынъ, ибо послѣдній нѣсколько разъ жалуется на долгое неполученіе отъ нея писемъ...

Погода осенью 1853 г. стояла ненастная, и Толстой цѣлые дни проводилъ съ Софьей Андреевной, читая съ ней вмѣстѣ Монтэня и споря по поводу достоинствъ Альфреда Мюссе, котораго графъ находилъ циничнымъ...

Кромѣ матери Толстой писалъ изъ Смалькова и Тургеневу (17 сент.), за котораго не переставалъ хлопотать.

Заручась обѣщаніемъ Софьи Андреевны пріѣхать зимою въ Петербургъ, поэтъ „съ сожалѣніемъ покинулъ своихъ добрыхъ смальковскихъ хозяевъ". 10 октября онъ былъ уже въ Москвѣ, а вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ и въ Петербургѣ, гдѣ погрузился въ привычную свѣтскую жизнь со всѣми ея развлеченіями.

Нерѣдко, впрочемъ, Толстой покидалъ свою петербургскую квартиру (на Михайловской площади, въ домѣ гр. Віельгорскаго), гдѣ жилъ вмѣстѣ съ матерью, и ѣхалъ на нѣсколько дней въ Пустыньку, чтобы охотиться тамъ, сочинять комическія стихотворенія Козьмы Пруткова и писать письма и посвященія Софьѣ Андреевнѣ Миллеръ, которая пріѣхала, повидимому, не ранѣе рождественскихъ праздниковъ. Многое изъ вдохновленныхъ ею стихотвореній, конечно, до насъ не дошло, но кое-какіе наброски случайно уцѣлѣли, напр.:

„...Радость и горе, волненіе думъ,
„Сладостной мукой встревоженный умъ,
„Трепетъ восторга, грусть тяжкая вновь.
„Счастливъ лишь тотъ, кѣмъ владѣетъ любовь."

* * *

Незамѣтно наступилъ 1854-й годъ. Раздѣляя охватившее общество патріотическое одушевленіе, Толстой мечталъ о воинской славѣ. Вмѣстѣ съ графомъ Алексѣемъ Павловичемъ Бобринскимъ задумываетъ онъ сформировать для дѣйствій противъ союзной арміи, высадка которой ожидалась на балтійскомъ побережьѣ, партизанскій отрядъ. Для вооруженія будущей дружины Алексѣй Константиновичъ лично заказалъ въ Тулѣ дальнобойныя винтовки, и Бобринскій ѣздилъ потомъ туда наблюдать за исполненіемъ заказа.

Въ виду крайней трудности набрать достаточное количество охотниковъ, друзьямъ пришлось измѣнить свой первоначальный планъ, и вмѣсто сухопутнаго отряда рѣшено было вооружить быстроходную яхту для дѣйствій въ финляндскихъ шхерахъ подъ флагомъ Спб. Яхтъ-Клуба...

Для того, чтобы познакомиться съ театромъ будущихъ военныхъ дѣйствій своихъ и набрать экипажъ для яхты, Толстой даже ѣздилъ раза два въ Финляндію, но изъ поѣздокъ его и разговоровъ ничего реальнаго не вышло. Ни пригородные крестьяне, ни финскіе рыбаки не были подходящимъ матеріаломъ для партизанскаго отряда. Возможно даже, что предпріятіе получило чрезмѣрно большую огласку, а кромѣ того долго служившему въ дипломатическомъ вѣдомствѣ графу могло показаться слишкомъ страшнымъ нарушить какія-нибудь международныя конвенціи о каперахъ.

Въ началѣ октября 1854 г., по свидѣтельству Е. Богдановича [1]), Толстой явился къ дядѣ своему, министру удѣловъ, съ проектомъ образовать „дружину изъ царскихъ крестьянъ“, но Левъ Алексѣевичъ съ первыхъ же словъ его остановилъ: — „Опоздалъ; Государь тебя опередилъ... Вотъ рескриптъ, повелѣвающій мнѣ образовать Стрѣлковый Полкъ Императорскаго Семейства изъ удѣльныхъ крестьянъ...“

---

[1]) Е. Богдановичъ. Исторія Л. Г. Стрѣлк. бат. Имп. Фамиліи. СПБ. 1899.

Хлопоты съ проектомъ партизанской войны задержали обычную поѣздку въ Смальково. Онъ отправился туда лишь въ ноябрѣ. Въ письмѣ отъ 16 ноября 1854 г. Алексѣй Константиновичъ сообщаетъ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, что пріѣхалъ пятнадцатаго на саняхъ въ Муромъ... Это пребываніе въ Смальковѣ Толстой называетъ въ письмахъ къ Софьѣ Андреевнѣ Миллеръ кульминаціоннымъ пунктомъ своей жизни. „Я не замѣтилъ зимы, ни дурной погоды“. пишетъ онъ: „мнѣ казалось, что была весна. Я вывезъ изъ Смалькова впечатлѣніе зелени и счастья“...

Въ концѣ декабря поэтъ снова былъ въ Петербургѣ и въ письмахъ оттуда описывалъ литературные обѣды Некрасова и Тургенева. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить пробужденіе въ Толстомъ чувства соперничества съ Некрасовымъ. — „Некрасовъ просилъ у меня стихотвореній, но не знаю, дамъ ли я ему“, пишетъ онъ будущей женѣ. Въ 1854 году Толстымъ было напечатано въ Современникѣ до 6 стихотвореній за собственною подписью. Къ 1855 году у поэта было уже обширное знакомство въ высшихъ литературныхъ кругахъ Петербурга. Кромѣ Некрасова, Тургенева и своихъ двоюродныхъ братьевъ Жемчужниковыхъ, онъ знакомъ былъ съ Писемскимъ, Маркевичемъ. Дружининымъ, Анненковымъ, Панаевымъ, а равно и со многими другими литераторами, съ которыми онъ встрѣчался у гр. Віельгорскихъ и кн. Одоевскаго...

Послѣ смерти Императора Николая I Толстой, слѣдуя голосу долга и семейнымъ традиціямъ, поступилъ въ стрѣлки. Состоявшимся 28 марта 1855 г. Высочайшимъ приказомъ младшій чиновникъ II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи статскій совѣтникъ и церемоніймейстеръ графъ Толстой опредѣленъ былъ въ службу въ Стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи маіоромъ. Въ тотъ же день поэтъ надѣлъ военный мундиръ. Онъ былъ зачисленъ въ списки первой роты 1-аго баталіона, получившей названіе роты Его Величества [1]).

Существуетъ фотографическій портретъ Толстого въ стрѣлковой формѣ, съ густыми маіорскими эполетами, въ

[1]) Е. Богдановичъ. Исторія Л. Г. Стрѣлк. бат. Имп. Фамиліи.

окаймленномъ галунами кафтанѣ, въ башлыкѣ, накинутомъ поверхъ стрѣлковой шапки съ металлическимъ крестомъ.

Графъ Толстой былъ не единственнымъ въ полку офицеромъ, переведеннымъ изъ гражданскаго вѣдомства. Туда же поступилъ прапорщикомъ и его двоюродный братъ В. М. Жемчужниковъ.

Сборный пунктъ 1-го баталіона находился въ окрестностяхъ Новгорода, и въ первой половинѣ мая Алексѣй Константиновичъ туда выѣхалъ. Судя по письму къ матери, 14 мая онъ былъ въ Новгородѣ, а 20 мая въ селѣ Медвѣдь. Сюда или въ Новгородъ въ концѣ мая или началѣ іюня пріѣзжала его навѣстить и пробыла до 8 іюня Софья Андреевна Миллеръ.

Въ перепискѣ съ нею Толстой разсказываетъ, что сошелся со всѣми офицерами, съ которыми игралъ въ городки, гулялъ и разговаривалъ о литературѣ. Иногда товарищи по полку обѣдали у поэта. Одно изъ дошедшихъ до насъ его стихотвореній даетъ намъ возможность знать о господствовавшемъ среди офицеровъ настроеніи.

„Ужъ какъ молодцы пируютъ
Вкругъ дубоваго стола.
Ихъ кафтаны на распашку;
Ихъ бесѣда весела.
По столу то ходятъ чарки;
Золоченыя звенятъ.
Что же чарки говорятъ:
  Нѣтъ! Нѣтъ!
  Не бывать,
Не бывать тому,
Чтобы могъ французъ
Нашу Русь завоевать!
  Нѣтъ!“

Свободное отъ служебныхъ занятій и разговоровъ съ полковыми товарищами время Толстой посвящалъ чтенію А. Шенье. Нѣкоторыя стихотворенія этого поэта переведены Алексѣемъ Константиновичемъ и вошли въ собраніе его сочиненій. Въ бумагахъ поэта сохранился между прочимъ варіантъ его перевода „Nouveau cultivateur, armé d'un aiguillon“...

Крылатый богъ любви, склоняся надъ сохой,
Бразду глубокую взрываетъ за браздой.
Могучіе тельцы его послушны волѣ;
Прилежною рукой онъ засѣваетъ поле.

И, гордое чело поднявъ къ царю небесъ,
Взываетъ: жатву мнѣ оберегай, Зевесъ!
Не то, къ Европѣ страсть опять въ тебѣ волнуя,
Мычащую главу подъ иго преклоню я.

Сохранились также многочисленные наброски стихотворенія „L'impur et fier époux que la chevre desire“, надъ которымъ особенно долго потрудился Толстой („Заносчивъ и смердящъ, мужъ похотливыхъ козъ“...). Среди другихъ отрывковъ обращаютъ на себя вниманіе разрозненныя строки неоконченнаго, повидимому навѣяннаго чтеніемъ того же Шенье, стихотворенія:

...Причину моего смятенья и испуга
„Узнать желаешь ты, невинная подруга
„Моихъ дѣвичьихъ игръ; послушай . . .
. . . .
. . . .
Ложились на спину участники ихъ игръ,
Ласкаясь, пестрый барсъ и полосатый тигръ
. . . .
. . . . съ румяными устами
И, сморщась, желтый левъ . . . .
Могущество его . . . .
. . . .
Изъ фиговыхъ вѣтвей вѣнокъ широколистый
Мнѣ жрица подала и, [пьяная] тогда
Волненье подавивъ послѣдняго стыда
И взоръ отворотивъ . . . .
. . . .
И трепетной рукой касаясь пьедестала
Могучую красу я бога увѣнчала“...

Во второй половинѣ іюня формированіе баталіоновъ было закончено, и они были переведены сперва въ Петербургъ, а затѣмъ въ Царскую Славянку. Въ это время у Толстого, вѣроятно отъ непривычки къ маршировкѣ въ форменныхъ новыхъ сапогахъ, заболѣла нога, и онъ вмѣстѣ съ полкомъ въ Славянку не поѣхалъ.

Это обстоятельство равно какъ и позднѣйшія отлучки Толстого изъ полка отнюдь не слѣдуетъ толковать какъ

уклоненіе отъ военной службы, на которую онъ поступилъ добровольно и къ которой старался относиться прилежно (письмо отъ 25 мая 1855 къ С. А. Миллеръ).

Патріотическія стихотворенія его „Чарочка“ и „Слава“ имѣли громадный успѣхъ въ полку и при Дворѣ. Послѣднее стихотвореніе императрица попросила поэта для нея переписать. Впереди поэту улыбалась слава „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“, и онъ всею душою стремился на поле брани. Въ это время онъ началъ оставшееся. неоконченнымъ стихотвореніе:

„Вотъ идутъ врагамъ навстрѣчу
„Наши славные полки.
„Впереди густою цѣпью
„Государевы стрѣлки . . .“

21-го іюля и 26 августа поэту пришлось участвовать въ Высочайшихъ смотрахъ полку на Софійской площади Царскаго Села. На полковомъ обѣдѣ послѣ второго смотра Государя чествовали пѣніемъ „Славы“.

5-го сентября полкъ выступилъ въ Колпино, а оттуда прослѣдовалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву. Первые дни пребыванія Толстого въ Первопрестольной, судя по письму отъ 8 сент., прошли въ бѣганьѣ изъ одного дворца въ другой, присутствіи на разводѣ и въ безпокойствѣ по поводу того, будетъ или не будетъ парадъ. Положеніе поэта, въ качествѣ племянника завѣдывающаго полкомъ гр. Л. А. Перовскаго, было самое привилегированное. 11 сентября, когда полкъ выступилъ въ дальнѣйшій походъ, Толстой не послѣдовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Серпуховъ, но вернулся въ Петербургъ, гдѣ участвовалъ между прочимъ въ адресѣ отъ петербургскихъ литераторовъ М. С. Щепкину, по случаю пятидесятилѣтія артистической дѣятельности послѣдняго.

Участіе поэта въ зимнемъ походѣ полка представлялось излишнимъ, такъ какъ никакою отдѣльною частью онъ не командовалъ и, при отсутствіи соотвѣтствующей подготовки, врядъ ли могъ быть чѣмъ-либо полезенъ.

Къ началу декабря 1855 г. стрѣлки пришли въ Одессу. Толстой поѣхалъ къ нимъ присоединиться. 5-го декабря онъ выѣхалъ изъ Москвы, написавъ передъ отъѣздомъ письма матери и Софьѣ Андреевнѣ Миллеръ, а 13-го де-

кабря былъ уже въ Полтавѣ, гдѣ остановился на почтовой станціи, чтобы выпить чашку чая, отогрѣть озябшія руки и написать гр. Аннѣ Алексѣевнѣ.

Штабъ Южной Арміи назначилъ для стоянки Стрѣлковаго полка три большихъ селенія въ окрестностяхъ Одессы, упустивъ изъ вида, что въ этой мѣстности незадолго передъ тѣмъ свирѣпствовалъ тифъ. Поэтому тотчасъ же по расквартированіи полка въ немъ открылась зараза [1]).

Алексѣю Толстому пришлось въ скоромъ времени замѣнить захворавшаго тифомъ полк. Жукова и нести вмѣсто него обязанности баталіоннаго командира. Мы не знаемъ, насколько распорядительнымъ и заботливымъ начальникомъ оказался поэтъ на этомъ посту; одно можно сказать—трусомъ онъ не былъ и тифа не боялся.

Вмѣстѣ съ гр. А. П. Бобринскимъ и другими офицерами тратилъ онъ личныя средства на нужды больныхъ солдатъ и лично ухаживалъ за тифозными товарищами.

Больныхъ офицеровъ перевозили, обыкновенно, въ Одессу и тамъ лечили на заранѣе нанятыхъ частныхъ квартирахъ. 3-го января Толстой переѣхалъ туда ухаживать за захворавшими тифомъ офицерами и жилъ тамъ, судя по письмамъ къ матери и Софьѣ Андреевнѣ, весь январь и февраль, лишь кратковременно отлучаясь, чтобы привести въ Одессу съ мѣста стоянки свой баталіонъ.

Въ февралѣ онъ самъ заразился тифомъ.

Получивъ отъ жившаго въ Одессѣ гр. Строганова извѣстіе о болѣзни племянника, Л. А. Перовскій сообщилъ о томъ Государю. По приказанію послѣдняго полковой командиръ ежедневно сталъ телеграммами доносить во Дворецъ о состояніи здоровья маіора гр. Толстого. Императоръ сдѣлалъ на письмѣ Перовскаго слѣдующую надпись: „*Буду съ нетерпѣніемъ ожидать извѣстій по телеграфу, дай Богъ, чтобы они были удовлетворительны*“...

Крѣпкій организмъ Толстого и заботливый уходъ пріѣхавшей въ Одессу С. А. Миллеръ помогли поэту перенести болѣзнь. Въ началѣ марта онъ былъ уже внѣ опасности.

[1]) Е. Богдановичъ. Исторія Л. Гв. Стр. бат. Имп. Фам.

Въ письмѣ отъ 22 марта онъ сообщаетъ матери, что на дняхъ выѣзжалъ въ коляскѣ, старается ходить пѣшкомъ („шаговъ сто каждый день"), очень похудѣлъ и выросъ („сталъ выше Жемчужникова, а раньше было наоборотъ").

Не смотря на близость любящей подруги, Толстой ни на минуту не забывалъ о матери. „Думаешь ли ты обо мнѣ", спрашиваетъ онъ: „Мнѣ грустно... Я уже легъ, но всталъ съ постели, чтобы написать Тебѣ это письмо" (30 марта 1856 г. изъ Одессы). Тамъ же онъ сообщаетъ о надеждѣ совершить вмѣстѣ съ гр. Бобринскимъ прогулку верхомъ.

Періодъ выздоровленія А. К. Толстого хорошо описанъ Л. Жемчужниковымъ („Отрывки изъ моихъ воспоминаній" В. Евр. 1899 г., № 11), разсказывающимъ между прочимъ про ихъ совмѣстныя прогулки на берегъ моря и про экскурсію въ каменоломни. Въ маѣ и іюнѣ поэтъ совершилъ съ Софьей Андреевной продолжительную поѣздку по берегу Крыма.

Впечатлѣнія этой поѣздки описаны имъ въ „Крымскихъ очеркахъ". Кромѣ картинъ прекрасной мѣстной природы въ упомянутомъ циклѣ стихотвореній чувствуется также вліяніе усердно читаемаго передъ войною Андрея Шенье. Въ Академіи Наукъ среди прочихъ автографовъ поэта хранятся два описанныхъ В. И. Срезневскимъ стихотворенія.

I.

„Войдемъ сюда; здѣсь межъ руинъ
Живетъ знакомый мнѣ раввинъ;
Во дни прошедшіе, бывало,
Видалъ я часто старика;
Для позднихъ лѣтъ онъ бодръ не мало,
И перелистывать рука
Старинныхъ хартій не устала.
Когда вдали ревутъ валы
И дикій котъ, мяуча, бродитъ,
Талмуда врагъ и Каббалы,
Всю ночь въ молитвѣ онъ проводитъ.
Душистѣй нѣтъ его вина,
Его улыбка добродушна,
И, слышалъ я, его жена
Тиха, прекрасна и послушна;
Но недовѣрчивъ и ревнивъ
Сѣдой раввинъ . . . .

Онъ приметъ странниковъ радушно.
Но не покажетъ имъ супругъ
Своей чудесной половины
Ни за янтарь, ни за жемчугъ,
Ни за звенящіе цехины"...

2.

„Растянулся на просторѣ
И на самыхъ берегахъ,
Окунувши морду въ море,
Косо смотритъ Аю-дагъ.[1])
Обогнуть его мнѣ надо,
Но холмовъ волнистый рой
Какъ разбросанное стадо
Все толпится предо мной.
Добрый конь мой, долго шелъ ты,
Терпѣливо ношу несъ,
Видишь тамъ лилово-желтый
Солнцемъ тронутый утесъ?
Добрый конь мой, ободрися,
Ускори лѣнивый бѣгъ;
Тамъ, подъ сѣнью кипариса,
Ждетъ насъ ужинъ и ночлегъ!..
Вотъ ужъ часъ какъ въ ожиданьи
Конь удваиваетъ шагъ,
Но на прежнемъ разстояньи
Косо смотритъ Аю-дагъ...
Тучи море затянули.
Звѣзды блещутъ въ небесахъ.
Но не знаю, обогну ли
Я до утра Аю-дагъ?"

Оба стихотворенія эти были въ свое время забракованы поэтомъ и въ „Крымскіе очерки" имъ не включены...

Около двухъ недѣль Толстой и Софья Андреевна, по словамъ близкой родственницы послѣдней, прожили въ имѣньѣ Льва Перовскаго, „Меласъ". Усадьба нѣсколько потерпѣла отъ союзныхъ войскъ. Домъ Перовскаго былъ разграбленъ.—„Ни стола, ни стула", какъ сообщаетъ Толстой въ письмѣ къ матери (отъ 22 іюня 1856 г.). Стихотвореніе „Привѣтствую тебя, опустошенный домъ" относится, именно, къ пребыванію въ Меласѣ. Дядѣ Льву Толстой по-

[1]) Аю-дагъ—Медвѣдь-гора (примѣчаніе Ал. Толстого).

слалъ упоминаемыя въ этомъ стихотвореніи, скопированныя имъ, французскія надписи.

Около двадцатаго іюня поэтъ вернулся въ Одессу и черезъ нѣсколько дней выѣхалъ въ Кіевъ. Левъ Жемчужниковъ засталъ его тамъ въ обществѣ Софьи Андреевны и ея родственниковъ. Вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ и бар. Розеномъ Толстой провелъ ночь въ одномъ необитаемомъ каменномъ кіевскомъ домѣ, карауля тамъ нечистую силу...

Проживъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, Алексѣй Толстой разстался съ Софьей Андреевной Миллеръ и поѣхалъ въ Красный Рогъ, гдѣ ожидала его графиня Анна Алексѣевна. Прибывшій туда же, по приглашенію двоюроднаго брата, Левъ Жемчужниковъ описываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Красногорскую усадьбу. Къ помѣщичьему дому вели широкія, гетманскихъ временъ, липовыя аллеи. „Домъ былъ деревянный, какъ и всѣ загородные дома гетманскіе. Это былъ охотничій домъ, куда съѣзжалось не мало людей, и экипажи ихъ и собаки располагались въ липовыхъ аллеяхъ близъ дома, устроенныхъ въ видѣ залъ, такъ что пользовались и чистымъ воздухомъ и тѣнью. По серединѣ дома была столовая съ куполомъ, которая освѣщалась сверху, а надъ нею былъ устроенъ бельведеръ, откуда открывался прекрасный и просторный во всѣ стороны видъ. Домъ этотъ, какъ и другіе дома гетмана, былъ выстроенъ по плану извѣстнаго архитектора графа Де-Растрелли, какъ онъ подписывался“...

Анна Алексѣевна, зная о знакомствѣ Л. Жемчужникова съ Софьей Андреевной Миллеръ, не разъ, втайнѣ отъ сына, говорила съ нимъ о ней. Любовь Алексѣя Толстого причиняла графинѣ невыразимыя страданія. Обвиненія же въ неискренности, лживости и расчетахъ, щедро расточаемыя матерью поэта по адресу его возлюбленной, вызвали со стороны Жемчужникова въ его „Воспоминаніяхъ“ восклицаніе: „Чутко материнское сердце!...“

Тѣмъ временемъ покинувшій Одессу Стрѣлковый полкъ вступилъ 1-го августа въ Москву, гдѣ долженъ былъ остаться на время коронаціонныхъ торжествъ. Алексѣй Толстой тоже отправился въ Москву и былъ въ числѣ прочихъ штабъ-офицеровъ полка назначенъ „для принятія

балдахиновъ въ день коронованія“ [1]). Въ этотъ день, 26 августа 1856 г., поэтъ произведенъ былъ въ подполковники и назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю. Производство не доставило ему радости. Онъ даже пробовалъ отказаться отъ этого назначенія и написалъ дядѣ письмо, которое тотъ представилъ Александру II. Но послѣдній явно желалъ видѣть друга своего дѣтства флигель-адъютантомъ. Высочайшей волѣ пришлось покориться.

За время пребыванія въ Москвѣ Толстой сошелся съ Хомяковымъ и Константиномъ Аксаковымъ. Имъ обоимъ очень нравились стихи графа, напечатанные въ Современникѣ.

Переѣхавъ въ Петербургъ и желая освободиться отъ всякой службы, а отъ военной въ особенности, Толстой сильно надѣялся на предстоящее сокращеніе офицерскаго штата въ Стрѣлковомъ полку, переформировывавшемся въ баталіонъ. Ему удалось упросить своего дядю, Льва Перовскаго, незадолго передъ тѣмъ переименованнаго изъ тайныхъ совѣтниковъ въ генералы-отъ-инфантеріи, чтобы тотъ не включалъ его въ число офицеровъ этого баталіона. Но Государь, очевидно, обратилъ на это вниманіе, почему Толстой былъ внесенъ въ этотъ списокъ дополнительно [2]) (10/13 октября 1856 г.). Комплектъ офицеровъ баталіона былъ двойной, съ тѣмъ, чтобы часть ихъ въ мирное время могла находиться въ безсрочномъ отпуску.

Въ стрѣлковомъ баталіонѣ Толстой числился до 15 октября 1861 г.

Живя въ Петербургѣ, Алексѣй Константиновичъ продолжалъ усердно заниматься поэзіей и въ каждомъ почти письмѣ посылалъ Софьѣ Андреевнѣ по нѣскольку стихотвореній. Такъ, 6 октября 1856 г. онъ началъ стихотвореніе „Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній твоихъ ты создатель“, гдѣ сказалось хорошее знакомство поэта съ оккультными науками, а наканунѣ послалъ С. А. юмористическій набросокъ „Исполненъ вѣчнымъ идеаломъ“. Это время безпокойства за свою будущую судьбу было однимъ изъ самыхъ продуктивныхъ для его творчества.

---

[1]) Е. Богдановичъ.
[2]) Е. Богдановичъ.

„Цѣпей житейскихъ звонъ почуя,
Забылъ обычную я лѣнь,
И раздается, негодуя,
Мой голосъ вновь. Такъ въ бурный день,
Прорѣзавъ тучи, лучъ заката
Сугубитъ блескъ своихъ огней
И такъ ручей горами сжатый
Гремитъ сердитѣй и звучнѣй . . .“ [1])

Осенью 1856 г. Толстой навѣщать С. А. Миллеръ не ѣздилъ, уговорясь, очевидно, что она сама пріѣдетъ къ Рождеству въ Петербургъ, гдѣ для нея приготовлена была квартира. Въ письмѣ отъ 10 октября 1856 г. поэтъ сообщаетъ, что купилъ для нея великолѣпныя фотографіи Толедо, Венеціи, Бургоса и Гренады, которыя она найдетъ въ рамкахъ у себя на стѣнахъ...

При содѣйствіи Д. Ѳ. Тютчевой Толстому удалось прочесть Императрицѣ нѣсколько своихъ стихотвореній. Государынѣ они очень понравились, и съ тѣхъ поръ она стала постоянной слушательницей всѣхъ произведеній Толстого и его покровительницей. Поэтъ платилъ ей самымъ искреннимъ и восторженнымъ поклоненіемъ.

При содѣйствіи Тютчевой Толстой получилъ назначеніе быть дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ по дѣламъ о раскольникахъ. Назначеніе это было для него неожиданнымъ, и сперва онъ хотѣлъ даже немедленно отказаться, но, уступая желанію близкихъ и совѣтамъ друзей, согласился занять это мѣсто. Дѣлопроизводителемъ комитета Толстой пробылъ, повидимому, недолго, такъ какъ совѣсть его была смущена стѣсненіями сектантовъ, считавшимися по тому времени необходимыми въ видахъ государственной безопасности и пользы. До насъ дошло письмо къ Толстому отъ одного очень, повидимому, хорошо знакомаго съ этимъ вопросомъ человѣка, къ которому поэтъ обращался за совѣтомъ по дѣламъ комитета. Авторъ письма практически и подробно знакомилъ графа съ положеніемъ вопроса о раскольникахъ.

Къ 1856 г. также Стасюлевичъ относитъ сдѣланное Толстымъ Тургеневу предложеніе пріобрѣсти право на из-

[1]) Стихотвореніе это послужило основою для посвященія Б. М. Маркевичу: „Ты правъ, мой своенравный геній“...

даніе сочиненій послѣдняго за плату 5000 р. Щепетильный Тургеневъ, считая себя и безъ того много обязаннымъ Алексѣю Константиновичу и не желая ему больше одолжаться, не счелъ возможнымъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, и сочиненія его изданы были Анненковымъ.

10 ноября 1856 умеръ сердечно любившій Толстого дядя Левъ Перовскій. Алексѣй Константиновичъ работалъ въ то время надъ переводами изъ Байрона и мелкими стихотвореніями, вдохновленными С. А. Миллеръ, которую называлъ Лорой или другимъ какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ поэтъ сообщаетъ ей о знакомствѣ съ гр. Л. Н. Толстымъ, котораго онъ пригласилъ къ себѣ на завтракъ. Начало одного изъ ненапечатанныхъ стихотвореній А. К. Толстого указываетъ, что Софья Андреевна далеко не безразлично относилась къ творчеству поэта.

„Мой строгій другъ, имѣй терпѣнье [1]
И не брани меня такъ зло;
Не вдругъ приходитъ вдохновенье,
Земное бремя тяжело;
Простора нѣтъ орлинымъ взмахамъ.
Какъ Этны темное жерло
Моя душа покрыта прахомъ...
Но въ глубинахъ ужъ смутный шумъ
И кратеръ дѣлается тѣсенъ
Для раскалившихся въ немъ думъ,
Для разгарающихся пѣсенъ...
Пожди еще, и грянетъ громъ,
И заклубится дымъ кудрявый,
И пламя, вырвавшись снопомъ,
Польется внизъ звенящей лавой“.

Весною 1857 г. С. А. Миллеръ поѣхала за границу. Въ ея квартирѣ поселилась семья ея брата. Судя по письмамъ, Толстой любилъ своихъ будущихъ племянниковъ...

Къ первой половинѣ 1857 года относится также полученіе поэтомъ, въ качествѣ флигель-адъютанта, подарка „по положенію“ изъ Кабинета Е. И. В.

---

[1]) Ср. В. И. Срезневскій. „Автографы гр. А. К. Толстого.

Въ ночь на 2 іюня неожиданно умерла графиня Анна Алексѣевна. Н. Федоровъ въ Новой Иллюстраціи (1903 г. № 20) довольно подробно разсказываетъ о ея смерти, но дата послѣдней не вѣрна, а источники, откуда почерпнуты подробности,—сомнительны.

Возможно, что на похоронахъ Анны Алексѣевны присутствовалъ ея мужъ, гр. К. П. Толстой. По словамъ Н. Федорова, старый слуга Ал. Толстого, Захаръ, разсказывалъ ему, что Константинъ Петровичъ цѣлую ночь провелъ съ своимъ сыномъ у гроба графини. Тутъ ли состоялось у поэта съ отцомъ примиреніе, о которомъ упоминается въ нѣкоторыхъ источникахъ, или потомъ, — неизвѣстно, но Алексѣй Константиновичъ сталъ высылать ему ежемѣсячную пенсію (около 4000 р. въ годъ). Высылалась ли гр. К. П. Толстому такая пенсія при жизни графини — тоже въ точности неизвѣстно.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ смерти матери графъ телеграфировалъ объ этомъ въ Парижъ Софьѣ Андреевнѣ Миллеръ.

Гр. А. П. Бобринскій не покидалъ своего друга и въ первые дни послѣ смерти Анны Алексѣевны съ нимъ почти не разставался. Простудившись на похоронахъ, съ подвязанною опухшей щекой ѣздилъ Толстой навѣщать племянниковъ и племянницъ своей будущей жены.

Софья Андреевна вернулась изъ своей заграничной поѣздки и вмѣстѣ съ Толстымъ переѣхала въ Пустыньку. Туда же перевезли они съ дачи на Крестовскомъ островѣ семью ея брата — Петра Андреевича Бахметева, въ составъ которой входило до пяти человѣкъ гувернантокъ и учителей.

Въ Пустынькѣ строился въ то время большой домъ по плану иностраннаго архитектора, а въ паркѣ по обрывистому берегу р. Тосны спѣшно сажались аллеи изъ высокихъ деревьевъ. Здѣсь Толстой и Миллеръ провели осень и начало зимы...

Вслѣдъ за сестрой захворалъ и умеръ въ Крыму генералъ-адъютантъ Василій Перовскій. Выѣхавшій къ нему 22 ноября Толстой не засталъ уже дяди въ живыхъ. Послѣ его смерти ему досталось, между прочимъ, въ наслѣдство крымское имѣнье Меласъ.

Возвратившись 1-го января 1858 г. въ Петербургъ Толстой не разлучался больше съ Софьей Андреевной. Въ это время ею велось уже дѣло о разводѣ съ Л. Ф. Миллеромъ. Имѣя полную возможность, благодаря своей дружбѣ съ Императоромъ, ускорить этотъ разводъ, Толстой не прибѣгалъ къ его содѣйствію [1]), почему бракоразводное дѣло тянулось довольно долго.

Софья Андреевна и ея родственники жили въ Пустынькѣ, и Толстой, если даже занятъ былъ при Дворѣ, уѣзжалъ туда при первой возможности. Домъ на берегу Тосны былъ для него въ то время значительно пріятнѣе интимныхъ вечеровъ и семейныхъ обѣдовъ въ Петергофѣ и Царскомъ Селѣ, куда онъ не имѣлъ возможности ввести свою подругу. Тѣмъ не менѣе бывать при Дворѣ поэту, по обязанностямъ флигель-адъютанта, приходилось нерѣдко. Въ „Записной Книжкѣ Дипломата“ (Русск. Арх. 1895 г. I) отмѣчено, что 12 апр. 1858 г. у Императрицы Александры Ѳеодоровны хвалили напечатанную въ „Бесѣдѣ“ „Грѣшницу“, и упоминается гр. А. К. Толстой въ числѣ присутствовавшихъ на обѣдѣ у Ихъ Величествъ 7 апрѣля. Частыми свиданіями своими и дружбою съ Государемъ поэтъ пользовался, между прочимъ, какъ средствомъ способствовать проведенію въ Россіи либеральныхъ реформъ.

19 апрѣля 1858 года Толстой былъ „Высочайшимъ приказомъ уволенъ въ отпускъ для излеченія болѣзни, во внутреннія губерніи Россіи“. 17 апрѣля ему былъ пожалованъ орденъ Св. Станислава 2-ой степени, который упоминается въ его стихотвореніяхъ какъ средство противъ революціоннаго образа мыслей.

Лѣтомъ онъ вновь появляется въ Петербургѣ и присутствуетъ нѣсколько разъ при замѣчательныхъ сеансахъ во Дворцѣ знаменитаго спирита Юма. Когда этотъ Юмъ въ іюлѣ 1858 г. вѣнчался въ католической церкви со свояченицей гр. Кушелева, А. П. Бобринскій и гр. Толстой были у него шаферами...

Позднею осенью Толстой съ С. А., ея родственниками и цѣлымъ штатомъ учителей и прислуги отправился въ По-

[1]) По свидѣтельству С. П. Х., близкой родственницы гр. С. А. Толстой.

горѣльцы. Есть основаніе думать, что поэтъ сначала отправился въ Меласъ, куда къ нему пріѣхали вскорѣ и остальные члены его новой семьи. Но въ Меласѣ Алексѣй Константиновичъ пробылъ недолго, такъ какъ шумъ моря мѣшалъ ему по ночамъ писать стихи и дѣйствовалъ на нервы...

Начиная съ 28 ноября 1858 г. Толстой, пишетъ Н. Жемчужникову изъ Погорѣлецъ цѣлый рядъ писемъ, картинно рисующихъ окружающую его обстановку. Житье въ старомъ, но тепломъ помѣщичьемъ домѣ, съ хорошею библіотекой, прекраснымъ паркомъ, чудной охотою и необходимою для писателя тишиною, такъ понравилось графу, что онъ, въ концѣ февраля, когда приблизился срокъ возвращенія къ исполненію флигель-адъютантскихъ обязанностей, письменно сталъ хлопотать объ увольненіи его въ новый, на этотъ разъ безсрочный, отпускъ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Высочайшимъ приказомъ 11 марта 1859 г. онъ былъ „уволенъ въ безсрочный отпускъ во внутреннія губерніи Россіи, съ правомъ отлучаться за границу, безъ испрошенія на то особаго дозволенія, но съ тѣмъ, чтобы онъ о всякой своей отлучкѣ увѣдомлялъ командующаго Императорской главной квартирой“. При этомъ Толстому Высочайше дозволено было проживать и въ С.-Петербургѣ, „съ тѣмъ, чтобы вступать въ такомъ случаѣ въ исправленіе обязанностей флигель-адъютанта (письмо командующаго Имп. Гл. Квартирой отъ 5 марта 1859 г., № 226).

Старый другъ Толстого, гр. А. П. Бобринскій, отрицательно отнесся къ оставленію поэтомъ службы. Императрица Марія Александровна тоже была огорчена тѣмъ, что „Толстой покидаетъ Государя въ то время, когда честные люди ему нужны“. Тѣмъ не менѣе Императрица просила передать поэту, что онъ можетъ разсчитывать на Ея расположеніе, и выразила надежду видѣть Толстого, когда онъ будетъ въ Петербургѣ, такъ же часто какъ и прежде.

Помимо стремленія къ спокойствію и тишинѣ, уединеніе графа въ деревнѣ возможно объяснить также и нежеланіемъ жить въ Петербургѣ до тѣхъ поръ, пока не окончится бракоразводный процессъ и ему не удастся повѣнчаться съ С. А., разставаться съ которой ему не хотѣлось.

Въ іюнѣ 1859 г. Алексѣй Толстой наткнулся въ Черниговѣ на пробиравшихся въ Петербургъ для поступленія въ Университетъ двухъ молодыхъ сербовъ и принялъ въ нихъ живое участіе. Барсуковъ приводитъ въ „Жизни и Трудахъ Погодина“ слѣдующую выдержку изъ письма по этому поводу А. К. Т. къ И. С. Аксакову:

„Извольте принять, обласкать и опредѣлить въ Университетъ подателей сего, двухъ молодыхъ сербовъ-Барактаровича и Симича. Они очень бѣдны, очень порядочны и идутъ пѣшкомъ изъ Болгаріи въ Петербургъ. Я посовѣтовалъ имъ поступить не въ Петербургскій, а въ Московскій Ун-тъ“. Изъ дальнѣйшаго письма И. С. Аксакова къ Погодину видно, что въ распоряженіи у перваго изъ нихъ было въ то время около 200 р., предоставленныхъ ему Толстымъ на славянскія нужды. Деньги эти были литературнымъ гонораромъ Алексѣя Константиновича за помѣщенныя имъ въ „Русской Бесѣдѣ“ стихотворенія...

То было время обновленія Россіи послѣ крымскаго погрома, когда почти вся мыслящая Россія ждала и требовала реформъ, долженствовавшихъ отнести ее къ числу цивилизованныхъ странъ, существующихъ по западно-европейскому образцу. Остатки славянофиловъ, не желавшихъ отречься отъ любви къ идеализованной ими старинѣ, клеймились названіемъ „квасныхъ патріотовъ“. Алексѣй Толстой, имѣя мужество не отречься отъ своихъ національныхъ идеаловъ и любви къ опоэтизированной имъ древней Руси, не поколебался принять эту кличку и задумалъ написать своимъ друзьямъ изъ западнаго лагеря длинное посланіе, черновые наброски котораго дошли и до насъ:

„Друзья, вы совершенно правы:
„Сойтися трудно вамъ со мной.
„Я чту отеческіе нравы;
„Я патріотъ для ~~вѣкъ~~ васъ квасной“...

Выразивъ далѣе мысль, что его друзья сами не знаютъ, что называютъ квснымъ патріотизмомъ, Толстой пытается объяснить послѣдній любовью къ родной странѣ и ея природѣ: „Моя душа летитъ привѣтомъ навстрѣчу вьюгѣ снѣговой“... Далѣе слѣдовали строфы, изъ коихъ часть вошла потомъ въ посланіе къ И. С. Аксакову.

. . . „Люблю пустынныя дубравы,
„Колоколовъ призывный гулъ
„И нашей пѣсни величавой
„Тоску, свободу и разгулъ“. . .

Слѣдующая, не вполнѣ отдѣланная, строфа описывала эту пѣсню, не знающую стѣсненій и „величавую какъ Волга“.

. . . „Какъ синій валъ звучитъ глубоко,
„Какъ бѣлый лебедь хороша,
„И съ ней уносится далеко
„Моя славянская душа.
„Люблю Москву, нашъ городъ царскій;
„Люблю нашъ Кіевъ стольный градъ,
„Кафтанъ . . . . . . боярскій,
. . . .
. . . .
„Идя впередъ родной дорогой,
„Впередъ идти желаю всѣмъ.
„Служу царю . . . .
. . . .
. . . .
„Инымъ вы преданы заботамъ.
„Того кто къ родинѣ влекомъ
„Кваснымъ зовете патріотомъ,
„Движенья всякаго врагомъ . . .
„Нѣтъ онъ успѣха не поноситъ
„И, честью русской дорожа,
„Возобновленья онъ не проситъ
„Ни языковъ, ни правежа.
„Въ заблудшемъ видя человѣка,
„ . . . не хочетъ онъ опять
„Казнить тюрьмой Максима Грека,
„Костры скуфьями раздувать.
„Исполненъ къ подлости враждою,
„Не хочетъ царскихъ онъ шутовъ
„Ни намъ завѣщанныхъ Ордою
„Застѣнковъ, пытокъ и кнутовъ.
„Но къ братьямъ онъ горитъ любовью;
„Онъ полнъ къ наемникамъ вражды;
„Груститъ о томъ, что русской кровью
„Жирѣютъ нѣмцы и жиды.
„Да, онъ груститъ во дни невзгоды,
„Родному голосу внемля,
„Что на два разные народа
„Распалась русская земля.

„Конца семейнаго разрыва,
„Сліянья всѣхъ въ одинъ народъ,
„Всего, что въ жизни русской живо,
„Квасной хотѣлъ бы патріотъ"...

Въ послѣдующей жизни своей, какъ мы увидимъ, поэтъ далеко отошелъ отъ высказанныхъ имъ въ этомъ стихотвореніи идеаловъ.

Бывшій въ ту эпоху въ дружескихъ отношеніяхъ съ Толстымъ Аксаковъ рекомендовалъ его въ члены возродившагося тогда въ Москвѣ Общества Любителей Россійской Словесности, куда поэтъ былъ принятъ въ 1859 году.

Въ ноябрѣ того же года А. К. Толстой вмѣстѣ съ А. Хомяковымъ и Кошелевымъ жертвуютъ на духовное возрожденіе лужицкихъ славянъ въ Саксоніи извѣстному дѣятелю Яну Смоляру — 500 р. Этотъ Смоляръ получилъ пособіе и отъ Императрицы, тоже не безъ содѣйствія Толстого.

Но, заботясь о славянахъ, графъ не забывалъ и собственныхъ своихъ крестьянъ. 15 ноября 1859 г. въ селѣ его Пьяный Рогъ было открыто училище для мальчиковъ. С. А. Миллеръ устроила въ Погорѣльцахъ школу для дѣвочекъ, гдѣ послѣднихъ обучали грамотѣ и рукодѣлію. Кромѣ школъ устроена была впослѣдствіи и больница...

Повидимому, жизнь въ Красномъ Рогу благотворно отразилась на поэтической дѣятельности Толстого. Къ 1860-му году у него былъ уже законченъ Донъ-Жуанъ, котораго онъ и предложилъ Каткову.

Послѣдній былъ очень радъ помѣстить у себя въ Русскомъ Вѣстникѣ это произведеніе, соглашался для того на всякія условія и писалъ, что не отступитъ ни передъ какой конкуренціей. Въ зиму 1859/1860 г.г. Толстой перебрался вмѣстѣ съ С. А. въ Парижъ, гдѣ заканчивалъ „Князя Серебрянаго". Въ іюнѣ 1860 г. отдѣльно отъ нея онъ переѣхалъ въ Англію, гдѣ прожилъ до осени. Въ „Вѣстникѣ Всемірной Исторіи" (1901 г. № 3) въ статьѣ „Герценъ и Тургеневъ" сообщается, что въ августѣ 1860 г. на о-вѣ Уайтѣ, собрался довольно многочисленный русскій кружокъ, членами котораго были: И. С. Тургеневъ, П. В. Анненковъ, А. И. Герценъ, Н. А. Огаревъ, гр. А. К. Толстой (поэтъ), В. П. Боткинъ, братья графы Ростовцевы (сыновья

гр. В. Ростовцева) и др. Среди членовъ кружка возникла мысль основать „Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія“. Тургеневъ написалъ программу для него.

Но, судя по письмамъ, Ал. Толстой больше всего интересовался въ то время спиритизмомъ и часто видѣлся съ Юмомъ.

Въ сентябрѣ 1860 г. Толстой вмѣстѣ съ Софьей Андреевной и ея родственниками жилъ въ Пустынькѣ. Отсюда ему приходилось иногда ѣздить ко Двору для исправленія флигель-адъютантскихъ обязанностей. По свидѣтельству близкихъ, всякій разъ когда являлся курьеръ съ извѣщеніемъ о назначеніи поэта на дежурство Толстой громко выражалъ неудовольствіе и начиналъ капризничать... Иногда онъ привозилъ съ собою изъ Дворца грушу или какое-либо другое лакомство. По словамъ Хитрово, на Толстого, въ качествѣ флигель-адъютанта, выпала обязанность докладывать Государю о рожденіи вел. князя Павла Александровича, и онъ получилъ отъ обрадованнаго Александра II перстень съ сапфиромъ.

Въ ноябрѣ поэтъ снова поѣхалъ за границу. Въ Парижѣ онъ посѣщалъ бывшіе тогда въ модѣ великосвѣтскіе спиритическіе сеансы; въ Дрезденѣ познакомился съ поэтессой Каролиной Карловной Павловой, начавшей переводить на нѣмецкій языкъ его „Донъ-Жуана“.

5 марта 1861 г. въ Петербургѣ вышелъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Толстой, желая лично прочесть этотъ манифестъ своимъ крестьянамъ, поспѣшилъ на родину и прибылъ въ Красный Рогъ одновременно съ нимъ. Облачившись въ парадную форму, вышелъ онъ на крыльцо и прочелъ собравшимся толпою крестьянамъ окрестныхъ селеній указъ объ освобожденіи. Затѣмъ онъ далъ имъ денегъ на угощеніе, окончившееся сильнымъ пьянствомъ.

По возвращеніи въ Красный Рогъ Толстой велъ оттуда пространную, дошедшую до насъ, переписку съ Болеславомъ Маркевичемъ, главнымъ образомъ по поводу „Донъ Жуана“, котораго тотъ читалъ весною въ Царскомъ Селѣ Императрицѣ.

Изъ переписки съ Маркевичемъ мы, между, прочимъ, узнаемъ о намѣреніи поэта съѣздить около половины іюня въ Саратовскую губернію... Въ двадцатыхъ числахъ іюля Толстой былъ уже въ Петергофѣ (письмо къ женѣ отъ 27 іюля 1861 г.) и хлопоталъ по поводу отставки, называемой имъ почему-то безсрочнымъ отпускомъ, которымъ онъ пользовался еще съ 1859 года. Къ этому времени, вѣроятно, относится и извѣстное письмо къ Государю съ просьбою „окончательно уволить его въ отставку“ [1].

---

[1]) Приводимъ здѣсь это письмо, т. к. въ собраніи сочиненій гр. А. К. Толстого, изданномъ Марксомъ, оно не помѣщено.

„ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

Долго думалъ я о способѣ, какимъ слѣдовало бы мнѣ изложить Вашему Величеству одно дѣло, близкое моему сердцу, и пришелъ къ заключенію, что прямой путь, какъ и во всемъ, самый лучшій. Служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей природѣ. Я сознаю, что всякій, по мѣрѣ силъ, долженъ быть полезенъ своему отечеству, но есть разные способы быть полезнымъ. Способъ, указанный мнѣ Провидѣніемъ, —мое литературное дарованіе, и всякій другой путь для меня невозможенъ. Я всегда буду плохимъ администраторомъ, плохимъ чиновникомъ, но думаю, что безъ самообольщенія могу сказать, что я хорошій писатель. Это призваніе для меня не ново, я бы слѣдовалъ ему давно, если бъ въ продолженіе нѣкотораго времени (до сорока лѣтъ) не почиталъ себя обязаннымъ насиловать своего влеченія изъ уваженія къ моимъ родителямъ, которые не раздѣляли моихъ взглядовъ на этотъ счетъ. Такимъ образомъ, я сперва служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Когда разразилась крымская война, я, какъ всѣ, сдѣлался военнымъ. Когда война окончилась, я собирался бросить службу, чтобы всецѣло посвятить себя литературѣ. Вашему Величеству угодно было увѣдомить меня черезъ дядю моего, графа Перовскаго, о намѣреніи Вашемъ назначить меня состоять при Вашей Особѣ. Я изложилъ моему дядѣ мои сомнѣнія и колебанія въ письмѣ, которое онъ Вамъ представилъ, но такъ какъ онъ повторилъ мнѣ Высочайшую Вашего Императорскаго Величества Волю, то я подчинился и сдѣлался флигель-адъютантомъ. Я надѣялся тогда побѣдить мою природу—художника, но опытъ доказалъ мнѣ, что я боролся съ ней напрасно. Служба и искусство несовмѣстимы. Одно вредитъ другому, и нужно выбирать одно изъ двухъ. Конечно, большаго одобренія заслуживало бы дѣятельное участіе въ государственной машинѣ, но въ способности къ службѣ судьба мнѣ отказала, между тѣмъ какъ другое призваніе мнѣ дано.

„Ваше Величество, меня смущаетъ мое положеніе, ибо я ношу мундиръ, связанныя же съ нимъ обязанности достойно исполнять не могу.

Письмо это Толстой хотѣлъ послать немного спустя, когда Александръ II будетъ въ Крыму, гдѣ онъ собирался отдохнуть во вновь пріобрѣтенной Ливадіи. Приказъ объ отставкѣ послѣдовалъ однако лишь 28 сентября 1861 г., когда Государь, объѣхавъ Крымъ, находился на Кавказѣ. Толстой былъ „уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, прежнимъ чиномъ статскаго совѣтника, которымъ онъ служилъ до поступленія въ военную службу, съ назначеніемъ въ должность егермейстера". Изъ списковъ же л. гв. Стрѣлковаго баталіона поэтъ былъ исключенъ 15 окт. 1861 г. Въ то время онъ жилъ уже въ Москвѣ и читалъ тамъ Каткову и Аксакову въ окончательной редакціи своего „Донъ-Жуана".

Всею душою радовался поэтъ данной ему отставкѣ. Возможно, что радость эта вылилась между прочимъ и въ набросках переведеннаго имъ гейневскаго стихотворенія о Ричардѣ Львиное Сердце, которое предлагается здѣсь въ редакціи, составленной на основаніи многочисленныхъ первоначальныхъ варіантовъ.

„Благородное сердце Вашего Величества проститъ мнѣ, если я теперь умоляю его окончательно уволить меня въ отставку, не для того. чтобы удалиться отъ Вашего Величества, но чтобы вступить на ясно начертанный путь и перестать быть птицей, наряженной въ чужія перья.

„Что же касается Васъ, Государь, котораго я никогда не перестану любить и уважать,—я имѣю способъ служить Вашей Особѣ, и счастливъ предложить его Вашему Величеству: это быть безстрашнымъ сказателемъ правды—единственная должность, которая мнѣ подходитъ, и къ счастью не требуетъ мундира. Я не былъ бы достоинъ этой должности, Ваше Величество, если бы я въ моемъ настоящемъ положеніи что-нибудь скрывалъ или искалъ предлоговъ. Я открылъ Вашему Величеству все мое сердце, какъ я всегда готовъ это сдѣлать, потому что предпочитаю навлечь на себя неудовольствіе, чѣмъ потерять уваженіе Вашего Величества. Если бы, тѣмъ не менѣе, Ваше Величество рѣшило предоставить право приближаться къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества лишь тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ оффиціальное положеніе, позвольте мнѣ опять скромно сдѣлаться камеръюнкеромъ Двора Его Императорскаго Величества, каковымъ я былъ до войны, ибо единственное честолюбіе мое оставаться Вашего Императорскаго Величества самымъ преданнымъ подданнымъ.

Графъ А. Толстой".

„Въ роскошномъ просторѣ пустынныхъ лѣсовъ
„Ѣздокъ беззаботно несется.
„Онъ веселъ душою, онъ тѣломъ здоровъ;
„Онъ трубитъ, поетъ и смѣется.
„Въ броню онъ кольчатую крѣпко одѣтъ,
„Но крѣпче онъ духомъ единымъ;
„То Ричардъ, Христовыхъ то рыцарей цвѣтъ,
„И Сердцемъ зовутъ его Львинымъ.
„Здорово, король нашъ! такъ шепчутъ листы
„И плюща зеленыя стѣны:
„Здорово, король нашъ! Мы рады, что ты
„Ушелъ изъ австрійскаго плѣна!
„Привольно дышать на просторѣ ему,
„Блестятъ возрожденіемъ взоры.
„И душную онъ вспоминаетъ тюрьму,
„И въ лошадь вонзаетъ онъ шпоры".

12 ноября 1861 г. въ № 5 „Дня" появилось славянофильское стихотвореніе Толстого „Государь ты нашъ, батюшка, государь, Петръ Алексѣевичъ". Въ Петербургѣ оно произвело непріятное впечатлѣніе [1]), о чемъ графиня Блудова сообщила И. Аксакову.

Погодинъ же на другой по напечатаніи этого стихотворенія день написалъ „Два слова графу А. К. Толстому, въ отвѣтъ на его пѣсню о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ".

„Правду сказали Вы, что каша заваренная и замѣшанная царемъ Петромъ Алексѣевичемъ крута и солона, но, по крайней мѣрѣ, есть что̀ хлебать, есть чѣмъ сыту быть, а попади Карлъ XII на какого-нибудь Ѳедора Алексѣевича или Ивана Алексѣевича, такъ пришлось бы, можетъ быть, дѣтушкамъ надолго и зубы положить на полку"...

Въ декабрѣ 1861 г. Толстой былъ уже въ Петербургѣ и читалъ тамъ при Дворѣ имѣвшаго громадный успѣхъ на такъ называемыхъ „вечернихъ собраніяхъ у Императрицы" „Князя Серебрянаго". Семья поэта жила въ это время въ Пустынькѣ. Чтеніе романа тянулось до половины января. По окончаніи его Императрица подарила графу массивный, изящный золотой брелокъ въ формѣ книги. На одной сторонѣ переплета было славянскими буквами написано „Марія", на другой — „Въ память Князя

---

[1]) Барсуковъ. Жизнь и Труды Погодина. Кн. 18, стр. 544.

Серебрянаго". Внутри, на раскрывавшихся лентою золотыхъ пластинкахъ-страницахъ вставлены были миніатюрныя фотографіи слушательницъ („Les muses reconnaissantes"): Императрицы, великой княгини Маріи Николаевны, двухъ Тютчевыхъ, г-жи Веневитиновой, Альбединской, гр. А. А. Толстой и Бориса Перовскаго.

Успѣхъ возвратившагося временно ко Двору Алексѣя Толстого и, въ частности, вниманіе къ нему Императрицы возбудили къ поэту зависть во многихъ сердцахъ. Въ числѣ лицъ, недовольныхъ его успѣхомъ, былъ товарищъ юности поэта—кн. Ал. Ив. Барятинскій [1]). Послѣдній находилъ вниманіе къ Толстому не заслуженнымъ, а романъ „Кн. Серебряный"—пустымъ.

Весну 1862 г. поэтъ проводилъ вмѣстѣ съ семьею въ Пустынькѣ. Сюда зоветъ онъ въ письмѣ отъ 30 мая И. С. Тургенева, соблазняя его обществомъ Софьи Андреевны, В. Жемчужникова, Полонскаго, Miss Fraser и желающей выйти замужъ экономки Луизы. Съ Полонскаго графъ взялъ обѣщаніе сообщать ему, какъ отнесется критика къ его историческому роману.

Къ іюню Софья Андреевна переѣхала въ Москву и тамъ ожидала Толстого. Графъ задержался въ Царскомъ Селѣ, откуда между прочимъ писалъ ей, что пытался спасти Аксакова, которому запрещено было оставаться редакторомъ „Дня" за помѣщенную тамъ въ № 34 безъ подписи статью „Рига". Въ этомъ же письмѣ впервые упоминается о дипломатическихъ ходахъ Толстого, направленныхъ противъ Муравьева.

Зимою 1862/3 года Толстой жилъ за границей и писалъ тамъ „Смерть Іоанна Грознаго". Въ Германіи онъ познакомился со Шлейденомъ, Максомъ Дункеромъ и Ауэрбахомъ. Съ послѣднимъ онъ даже велъ нѣкоторое время переписку. Судя по письму къ Я. П. Полонскому, которое слѣдуетъ отнести къ январю 1863 г., онъ жилъ въ это время вмѣстѣ съ С. А. въ Дрезденѣ. Ихъ свадьба совершилась приблизительно въ 1863 г. въ Дрезденѣ [2]), а по другимъ, менѣе вѣроятнымъ источникамъ, въ Лейпцигѣ. Шаферами

---

[1]) Записки Инсарскаго. Русск. Стар. 1894 г., кн. 5, стр. 5.

[2]) Г-ко. Нов. Время 1900 г., № 8887.

жениха были гр. А. П. Бобринскій и Н. М. Жемчужниковъ.

Весною 1863 г. Софья Андреевна уѣхала, т. к. ей, повидимому, захотѣлось повидаться съ оставленными на родинѣ племянниками и племянницами. Толстой въ это время началъ уже страдать отъ астмы или, какъ думаютъ нѣкоторые, сухотки спинного мозга [1]), отъ которой онъ лечился карлсбадскими минеральными водами. Болѣзнь мѣшала поэту писать, и онъ могъ только переписывать для Каролины Павловой свою трагедію.

Безъ Софіи Андреевны, которой Толстой почти ежедневно отправлялъ дошедшія до насъ въ извлеченіяхъ письма, его спутникомъ по курортамъ Германіи былъ кн. Гагаринъ.

Въ сентябрѣ того же года Толстой хлопоталъ у остановившейся въ Карлсбадѣ вел. княгини Елены Павловны о назначеніи пенсіи Кар. Павловой. Судя по напечатанному отрывку письма къ женѣ отъ 30 дек. 1863 г., онъ въ это время былъ въ Римѣ. Тамъ къ Толстому присоединилась и нѣкоторое время съ нимъ прожила Софья Андреевна.

Первое изъ напечатанныхъ за 1864 г. писемъ помѣчено 7 іюня и послано къ женѣ изъ Дрездена. Тамъ онъ проводилъ время въ обществѣ Каролины Павловой, читавшей ему свой переводъ Шиллеровской „Смерти Валленштейна". Въ то время Павлова уже получала выхлопотанную ей Толстымъ отъ вел. княгини Елены Павловны пенсію. Въ іюнѣ 1864 г. Толстой снова былъ въ Карлсбадѣ и, судя по письмамъ, часто встрѣчался съ Гончаровымъ, который говорилъ ему много лестнаго о „Князѣ Серебряномъ" и „Смерти Іоанна Грознаго".

10 іюля поэтъ пріѣхалъ въ Швальбахъ, гдѣ была въ то время резиденція Императрицы Маріи Александровны, переѣхавшей туда изъ Киссингена. Вотъ какъ разсказываетъ о его пріѣздѣ, принадлежащій тогда къ составу Ея свиты прот. І. І. Базаровъ (Рус. Ст. 1901 г. Воспоминанія, стр. 535)— „Разъ мы сидимъ за столомъ въ самомъ тѣсномъ кругу; кромѣ царской семьи никого не было; обѣдали въ маленькомъ садикѣ при отелѣ, гдѣ жила Императрица, какъ

[1]) Денисюкъ. Гр. А. К. Толстой. Его время, жизнь и сочиненія. М. 1907.

вдругъ подъѣзжаетъ какая-то дорожная коляска и изъ нея выходитъ молодой еще человѣкъ въ дорожномъ костюмѣ, и какъ отъ нашего стола былъ виденъ подъѣздъ, то всѣ ахнули и повскакали изъ за стола. Сама Императрица встала и пошла навстрѣчу пріѣзжему, котораго сейчасъ же привели въ садъ и, запыленнаго, какъ онъ былъ, и съ дорожной сумкой черезъ плечо, усадили за столъ. — „Кто это?“ спрашиваю у своей сосѣдки по столу А. Ф. Тютчевой. — „Какъ, Вы не знаете? — Графъ Алексѣй Толстой!“...

На другой же день по пріѣздѣ поэтъ началъ чтеніе „Смерти Іоанна Грознаго“.—„Императрица“, пишетъ графъ къ женѣ: „à la lettre, и краснѣла и блѣднѣла, и уже такъ хвалила и во время чтенія, и послѣ, что я былъ очень, очень радъ“. У Толстого уже тогда родилось предположеніе о желаніи Государыни видѣть трагедію на русской сценѣ... Въ серединѣ іюля онъ покинулъ Швальбахъ и уѣхалъ къ ожидавшей его женѣ.

Помимо болѣзни, одной изъ причинъ, заставлявшихъ Толстого проводить время за границей, была, повидимому, его непріязнь къ нѣкоторымъ изъ родственниковъ Софьи Андреевны. По словамъ знакомаго съ письмами поэта къ его двоюродному брату Н. М. Жемчужникову г. Г-ко, „Ал. Толстой, обожая свою жену, очутился въ „родственныхъ объятіяхъ“ многочисленной родни своей супруги. Тяжесть положенія осложнилась тѣмъ обстоятельствомъ, что сама супруга его, по добротѣ своей, роднѣ этой покровительствовала и любила ее, поэтъ же долженъ былъ терпѣть безцеремонное отношеніе къ его добру, вмѣшательство въ его дѣла и большія, совершенно непроизводительныя траты изъ горячей любви къ женѣ...“ Къ сообщенію этому слѣдуетъ отнестись однако съ нѣкоторою долей осторожности въ виду возможной непріязни Н. М. Жемчужникова къ родственникамъ Софьи Андреевны Миллеръ, занявшимъ около поэта мѣсто прежнихъ близкихъ его друзей и родственниковъ.

Осенью и зимою 1864 г. Толстой былъ занятъ второю частью своей трилогіи. Часть зимы 1864—65 г.г. поэтъ провелъ въ Петербургѣ и былъ приглашенъ однажды на царскую охоту въ Новгородскую губернію. Тамъ онъ пытался

заступиться передъ Александромъ II за сосланнаго въ Сибирь Чернышевскаго. Попытка окончилась неудачей и даже размолвкой, послѣ которой Толстой уѣхалъ въ деревню. Къ марту 1865 г. относится письмо графа къ Н. М. Жемчужникову съ жалобами на родственниковъ жены, управлявшихъ его имѣніями.

Къ 1864 г. кн. В. П. Мещерскій относитъ придворные дипломатическіе ходы Толстого противъ гр. М. П. Муравьева, усмирившаго незадолго передъ тѣмъ польское возстаніе въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ князь разсказываетъ какъ поколеблена была Императрица сильнымъ вліяніемъ „придворныхъ политикановъ“, въ числѣ которыхъ упоминается „наконецъ гр. Алексѣй Толстой, одинъ изъ друзей Государя, имѣвшій за собою право всегда правдиваго и всегда смѣлаго и откровеннаго голоса... Это былъ идеалъ благородства, правды и искренности; объ его честности и говорить нечего; но именно вслѣдствіе этихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, какъ тогда, такъ и послѣ, никто, ни одинъ изъ его друзей и никакіе уроки исторіи не могли совладать съ его оригинальными историческими міровоззрѣніями, которыя онъ любилъ какъ культъ поэта и какъ вѣроисповѣданіе своего собственнаго политическаго катехизиса, съ фанатизмомъ горячей души и съ убѣжденіемъ, что въ нихъ отражаются всѣ идеалы нравственности, и что идеалы эти другихъ проявленій, какъ именно такихъ политическихъ, имѣть не могутъ и перестаютъ быть идеалами, какъ только соединяются съ узкими, по его понятіямъ, задачами народности, православія и т. д. Его главною духовною стихіею была свобода, опять таки въ идеальномъ значеніи этого слова, и въ этомъ культѣ свободы, когда онъ переходилъ на почву практическую, самымъ искреннимъ и теплымъ образомъ предпочиталъ на Западѣ Европы многое русскому только потому, что тамъ находилъ больше уваженія къ свободѣ, чѣмъ у насъ“...

На стр. 421-й Воспоминаній кн. Мещерскій продолжаетъ: „Въ 1864 г. относительно подкоповъ подъ Муравьева было то же самое, но съ тою лишь разницей, что ни Блудовской гостиной, ни доблестной Аннѣ Федоровнѣ Тютчевой не удалось быть сильными въ борьбѣ съ противниками Муравьева, добивавшимися его паденія. Императрица

оставалась нейтральною, а къ противникамъ Муравьева подоспѣла такая помощь, какъ, напримѣръ, слово одного изъ близкихъ Государю лицъ, графа А. К. Толстого. Тамъ у Валуевыхъ и Суворовыхъ, былъ мелкій и низменный разсчетъ сломить крупную силу независимаго государственнаго дѣятеля. Здѣсь, въ лицѣ графа Толстого, было страстное, но честное убѣжденіе человѣка самыхъ искреннихъ и даже фанатичныхъ, гуманно космополитичныхъ взглядовъ и стремленій... Его мечты требовали отъ Россіи не Муравьевской энергіи послѣ мятежа, а признанія въ полякахъ элементовъ культуры и европейской цивилизаціи выше нашихъ; отсюда у него естественно исходило требованіе гуманности вмѣсто строгости"...

Симпатіи Толстого къ полякамъ послужили, между прочимъ, причиной охлажденія къ поэту со стороны Ивана Аксакова (Русск. Арх. Изъ памятныхъ тетрадей С. М. Сухотина; 6 ноября 1866 г.).

Весною 1865 г. умеръ Наслѣдникъ престола вел. князь Николай Александровичъ. Поэтъ счелъ долгомъ тотчасъ же покинуть Красный Рогъ и прибылъ въ Петербургъ выразить соболѣзнованіе другу своего дѣтства и юности. Государь былъ очень растроганъ пріѣздомъ Толстого и отъ души благодарилъ его.

Къ 1864 или 1865 г. относится также знакомство Алексѣя Константиновича съ Аѳ. Аѳ. Фетомъ, побывавшимъ въ Пустынькѣ и оставившимъ подробное описаніе художественной обстановки дома на берегу р. Тосны.

Отъ дома этого въ настоящее время остались одни только слѣды фундамента, обильно поросшаго сорной травой.

Въ августѣ 1865 г. мы видимъ поэта снова въ Карлсбадѣ, откуда онъ пишетъ женѣ о проводящихъ съ нимъ время фельдмаршалѣ Барятинскомъ, гр. Віельгорскомъ, Сабатье и проф. Благовѣщенскомъ. Толстой читалъ имъ „Донъ Жуана", „Царя Ѳеодора", совершалъ съ Благовѣщенскимъ прогулки и радовался, что живетъ далеко отъ Петербурга, отъ послѣдняго пребываніи въ которомъ у него остались непріятныя воспоминанія.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, гдѣ и какъ проводилъ Толстой зиму 1865 — 1866 г., въ теченіе которой въ „Оте-

чественныхъ запискахъ" (1866 г. кн. I) напечатана была его трагедія „Смерть Іоанна Грознаго". Весну 1866 г. поэтъ провелъ въ Италіи. Судя по письму къ племяннику жены Андрею Бахметьеву, онъ въ теченіе апрѣля и мая жилъ въ Римѣ. Въ письмѣ этомъ упоминается также о вывихѣ руки у Софьи Андреевны и о намѣреніи провести осень и зиму не въ Красномъ Рогѣ, а въ Пустынькѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, повидимому, Софья Андреевна жила уже на берегу Тосны, а Толстой писалъ ей изъ Парижа. Тамъ онъ проводилъ время съ Гончаровымъ и Боткинымъ, которые передавали ему слухи и разговоры по поводу подготовлявшейся тогда постановки на Императорской сценѣ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго".

Въ августѣ 1866 г. Толстой переѣхалъ въ Карлсбадъ. По извѣстнымъ намъ выдержкамъ изъ писемъ къ женѣ можно заключить, что Толстой дѣйствительно былъ нездоровъ и лечился; это обстоятельство и было главной причиной его пребыванія вдали отъ любимыхъ имъ Краснаго Рога и Пустыньки. Въ Карлсбадѣ поэтъ часто посѣщалъ жившую тамъ великую княгиню Елену Павловну и часто видѣлся съ бывшимъ редакторомъ Русской Бесѣды Кошелевымъ. Въ письмахъ своихъ поэтъ разсказываетъ также объ охотѣ на козъ, въ которой принималъ участіе Н***.

Въ началѣ сентября поэтъ былъ нѣсколько разстроенъ дошедшею до него критической статьей Анненкова по поводу напечатанной въ От. Зап. „Смерти Іоанна Грознаго". Просьба одного нѣмецкаго скульптора позволить ему сдѣлать для „Illustrirte Zeitung" профиль поэта нѣсколько утѣшила Толстого. Къ октябрю, проведя нѣсколько дней въ Дрезденѣ, онъ вернулся въ Петербургъ.

Въ субботу 8 октября, по свидѣтельству А. В. Никитенко, Толстой былъ на вечерѣ у Гончарова, гдѣ читалъ начатыя имъ еще въ Карлсбадѣ „Мысли о томъ, какъ должны актеры понимать главныя роли Іоанна и Годунова". 13 октября въ Спб. Вѣдомостяхъ появилась статья о поэтѣ, принадлежащая перу Никитенко. На другой же день Толстой пріѣхалъ благодарить автора статьи, который былъ нѣкогда цензоромъ его „Упыря" и незадолго передъ тѣмъ горячо, но безуспѣшно отстаивалъ въ Академіи Наукъ право Толстого на уваровскую премію.

Осенью 1866 г. Толстой выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ свою трагедію и сталъ подготовлять къ печати книгу своихъ стиховъ.

Еще десять лѣтъ тому назадъ поэтъ обѣщалъ Императрицѣ посвятить ей свой сборникъ стихотвореній. Къ этому сборнику онъ написалъ посвященіе, начинавшееся четверостишіемъ:

„Царица, Ты однажды, долу
„Склонясь задумчивой главой,
„Внимала моему глаголу
„Своею русскою душой“...

Первоначальная редакція посвященія была впослѣдствіи измѣнена. Такъ выпущена была строфа, находившаяся между нынѣшними третьимъ и четвертымъ четверостишіями:

„Ты осѣнила благодатно
„Поэта гусли свысока,
„Да не коснется святотатно
„Ихъ струнъ враждебная рука“ [1]).

Причиной, заставлявшей Толстого провести зиму въ окрестностяхъ Петербурга, была постановка его трагедіи на Императорской сценѣ. Первое представленіе состоялось 12 января 1867 г. въ бенефисъ Нильскаго. Пьеса имѣла успѣхъ, и публика много хлопала автору, раскланивавшемуся съ ней изъ директорской ложи.

Пріѣзжая изъ Пустыньки по театральнымъ дѣламъ въ Петербургъ Толстой останавливался въ квартирѣ гр. А. П. Бобринскаго. Утромъ 13 января туда пріѣзжалъ благодарить его Нильскій.

Упрочивъ свою славу, Толстой занялся въ февралѣ 1867 г. печатаніемъ сборника стихотвореній.

Сохранились наброски шуточнаго посланія поэта къ одному изъ друзей, весьма возможно къ Маркевичу, взявшемуся продержать корректуру его стихотвореній,

Ты, что въ красѣ своей румяной,
Предметъ восторженный молвы,
Всегда изящный, вѣчно рьяный
Цвѣтешь на берегахъ Невы...

---

[1]) См. В. И. Срезневскій. Автографы гр. А. К. Толстого.

Когда къ тебѣ недавно сдуру
Я обратилъ наивный зовъ
Держать изъ дружбы корректуру
Моихъ неизданныхъ стиховъ,
Едва ихъ удостоивъ взгляда,
Должно быть полусонный, ты
Съ небрежной лѣнью Алкивьяда
Переворачивалъ листы [1]).
Смѣнивъ Буткова на Каткова,
Отвергъ ты всякій ложный стыдъ.
Тебѣ смыслъ здравый не окова;
Тебя нелѣпость не страшитъ.
И я, тобою искаженный,
Съ изнеможеніемъ въ кости
Спѣшу смущенный и согбенный
Тебѣ спасибо принести.
Для каждаго стиха: эррата [2])
Съ утра до вечера пишу;
Съ супружней кротостью Сократа
Твою ксантиппость я сношу.
Ругню, вранье, толчки, побои
Принявъ безропотно, стою;
Смиренно подъ твои помои
Склоняю голову мою.
И въ благодарности не шатокъ,
И твердо вѣря въ связь сердецъ,
Плету тебѣ изъ опечатокъ
Неувядаемый вѣнецъ.
И да цвѣтутъ твои потомки
На удивленіе странѣ
Такъ многочисленны, такъ громки,
Такъ полновѣсны какъ онѣ.
Какъ урожайнымъ лѣтомъ злаки
Да испестрятъ они твой путь.
Подобно имъ отличья знаки
Твою да украшаютъ грудь!...

По выходѣ книги стиховъ поэтъ разослалъ ее своимъ друзьямъ и знакомымъ, въ томъ числѣ и Некрасову. Послѣдняго онъ просилъ написать ему свое мнѣніе объ этомъ сборникѣ. Посылая книгу министру нар. просв. гр. Д. А. Толстому, Алексѣй Константиновичъ написалъ на оборотѣ ея просьбу въ стихахъ объ устроеніи участи поэта Н. Ѳ. Щербины.

[1]) Вар.: Мои подмахивалъ листы.
[2]) errata—погрѣшности, опечатки.

Весну и большую часть лѣта 1867 г. Толстой провелъ въ Пустынькѣ. 24 и 25 іюня гостилъ у него А. В. Никитенко, заставшій тамъ Маркевича, Благовѣщенскаго и Костомарова. — „Жена графа, бывшая Бахметьева", пишетъ Никитенко: „оказалась одною изъ моихъ бывшихъ учениць. Мы были приняты и угощены съ самымъ дружескимъ радушіемъ. Тутъ, между прочимъ, встрѣтилъ я премилую шотландку, миссъ Брезе, которая говоритъ по-русски, хотя и плохо, но понятно". Очевидно Никитенко упоминаетъ здѣсь о miss Fraser, нѣсколько лѣтъ жившей въ семействѣ Толстого и имѣвшей, съ молчаливаго согласія графини Софьи Андреевны, нѣкоторое вліяніе въ ихъ домѣ.

Въ первыхъ числахъ августа поэтъ черезъ Дрезденъ уѣхалъ въ Карлсбадъ. Съ маленькою записной книжкой въ карманѣ бродилъ онъ тамъ по горамъ и лѣсамъ, сочиняя на ходу „Змѣя Тугарина", переводя „Бога и Баядеру" и „Коринѳскую Невѣсту" Гете. До насъ дошли варіанты или вѣрнѣе, первоначальные наброски послѣдняго стихотворенія.

строфа 14

. . . „Жадно пьетъ безцвѣтными губами
Словно кровь багровое вино.
Но противенъ ей
Маслинъ былъ елей
И въ меду вареное пшено . . .

стр. 15

И ему наполненный до края
Подаетъ теперь она фіалъ;
Но, безумной страстію сгорая,
Онъ любви просить не пересталъ"...

Въ Карлсбадѣ Толстой узналъ, что трагедія его, въ переводѣ Каролины Павловой, будетъ поставлена на сценѣ придворнаго театра въ Веймарѣ. Великій герцогъ Веймарскій звалъ поэта въ Эйзенахъ.

Около 19 сентября (н. ст.) Толстой пріѣхалъ къ в. г. Карлу Александру вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ въ Веймарѣ бар. Ф. Мейендорфомъ. Онъ былъ сердечно принятъ въ старинномъ герцогскомъ замкѣ, гдѣ жила когда то св. Елисавета Венгерская, и даже ночевалъ тамъ неподалеку отъ „комнаты съ привидѣніями". Вел. герцогъ Саксенъ-

Веймарскій старался возможно дольше задержать у себя поэта, совѣщаясь съ нимъ о постановкѣ трагедіи, приглашая на охоту, показывая живописныя мѣстности въ своихъ владѣніяхъ и разсказывая легенды, относящіяся къ своему роду. Въ письмѣ къ оставшейся въ Россіи женѣ поэтъ восклицаетъ: „Какъ тамъ на Вартбургѣ хорошо!... Тамъ даже есть инструменты миннезингеровъ XII вѣка. Какъ бы тебѣ тамъ понравилось и показалось бы уютно!“...

5 октября (н. ст.) Толстой изъ Веймара выѣхалъ въ Дрезденъ, а къ ноябрю вернулся въ Петербургъ.

Здѣсь они рѣшили съ женою провести зимній сезонъ и наняли домъ на Гагаринской набережной.

Академикъ А. В. Никитенко разсказываетъ въ своемъ „Дневникѣ“ какъ познакомился на одномъ изъ вечеровъ графа съ композиторомъ Сѣровымъ и Кельсіевымъ (Дневн. 14 ноября 1867 г.). Избранные представители всѣхъ отраслей искусства встрѣчались другъ съ другомъ въ гостиной Толстыхъ. Алексѣй Константиновичъ и его жена заботились о томъ, чтобы гостямъ не было скучно и привлекали къ себѣ лучшія артистическія силы Петербурга. Вотъ, напр., письмо поэта къ И. Ѳ. Горбунову, игравшему, между прочимъ, роль одного изъ шутовъ въ трагедіи Толстого.

„Многоуважаемый Иванъ Ѳедоровичъ,

очень сожалѣю, что не засталъ Васъ, я надѣялся тоже, что увижу Васъ на репетиціи. Если Вы не дали никому обѣщанія, не пожалуете ли Вы къ намъ сегодня вечеромъ часовъ въ 10. Вы этимъ сдѣлали бы большое удовольствіе

искренно преданному Вамъ

гр. А. Толстому.“

Адресъ:

Гагаринская пристань, домъ княгини Гагариной.

Не смотря, однако, на свою любовь къ литературно-артистической средѣ, Толстой любилъ по временамъ, пользуясь близостью Пустыньки, уѣзжать туда на нѣсколько дней изъ Петербурга, чтобы охотиться и сочинять стихи.

Въ концѣ января поэтъ приглашенъ былъ вел. герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ на первое представленіе „Смерти

Іоанна Грознаго“ на нѣмецкомъ языкѣ. 24 января нов. стиля онъ былъ уже въ Берлинѣ, откуда писалъ письма женѣ, оставшейся въ Петербургѣ, и Маркевичу. Письмо къ послѣднему, какъ не бывшее въ печати, приводится здѣсь полностью:

Berlin, 25/13 Janvier 1868.

Mon cher Markévitch.

Je Vous écris sans avoir rien à Vous annoncer, sans aucun but nouveau, uniquement par la nécessité de Vous dire, combien je me trouve sous l'impression de la belle création de caractère que Vous avez faite. Quand j'eus repassé les détails, je me confirme dans l'opinion que c'est un *Meisterstück*. Ce sont surtout les contradictions de ce caractère qui sont si organiquement vraies et que Vous avez rendues en vrai artiste. Je Vous en veux d'avoir fait le paresseux pendant si longtemps; je voudrais avoir un *Dienstmann* à mon service pour le faire trois fois par jour crier à Votre oreille: „*Excellenz, Noplesse oplisch, et Süccess aussi!*“.

Voilà tout ce que j'avais à Vous dire; je pars pour Weimar, où je serai cette nuit et d'où je télégraphierai à ma femme ce que j'apprendrai.

Tout à Vous
A. T.

Разговаривая съ великимъ герцогомъ, Толстой расхвалилъ ему Маркевича, какъ отличнаго русскаго романиста и добился для своего друга приглашенія на придворный спектакль.

Нѣмецкіе артисты отнеслись очень добросовѣстно къ своимъ ролямъ, а нѣкоторые изъ нихъ кромѣ ролей выучили наизусть даже переведенную на нѣмецкій языкъ инструкцію для актеровъ.

26 января въ „Веймарской Газетѣ“ была напечатана статья о „Смерти Іоанна Грознаго“ и ея авторѣ. 30 января трагедія была поставлена и имѣла большой успѣхъ. Толстому была предоставлена отдѣльная ложа, въ которой онъ сидѣлъ одинъ и куда къ нему приходили приносить поздравленія высокопоставленныя лица. Послѣ спектакля у великаго герцога состоялся ужинъ.

Въ Веймарѣ Толстой проводилъ время съ бар. Мейендорфомъ, Каролиной Павловой, Шедо-Ферроти, и ѣздилъ въ Іену навѣщать Куно Фишера.

19 февраля 1868 г. пьеса была повторена, но Толстой, по всей вѣроятности, уѣхалъ, не дождавшись второго представленія.

По возвращеніи въ Петербургъ поэтъ пожелалъ познакомить своихъ друзей съ оконченнымъ имъ „Царемъ Ѳеодоромъ", напечатаннымъ позднѣе въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы". Въ числѣ приглашенныхъ были Н. Ѳ. Щербина и артистъ Л. Л. Леонидовъ [1]), которому Толстой предназначалъ роль Ивана Петровича Шуйскаго. Чтеніе состоялось 15 марта, и Леонидовъ назвалъ его въ своихъ Воспоминаніяхъ „прекраснымъ".

Въ мартѣ же Толстой читалъ свою трагедію у В. П. Боткина. Послѣдній въ письмахъ своихъ къ Фету говоритъ, что „домъ Толстыхъ есть единственный домъ въ Петербургѣ, гдѣ поэзія не есть дикое безсмысленное слово, гдѣ можно говорить о ней, и, къ удивленію, здѣсь же нашла себѣ пріютъ и хорошая музыка"... (отъ 27 ноября 1867 г.). ...„Нынѣшнюю зиму самый пріятнѣйшій домъ былъ у Толстыхъ" (отъ 26 марта 1868 г.).

Въ концѣ апрѣля 1868 г. поэтъ былъ въ Царскомъ Селѣ и читалъ тамъ свою трагедію у Императрицы...

Въ концѣ мая болѣзнь погнала Толстого вновь заграницу. 2 іюня 1868 г. онъ былъ въ Берлинѣ. Его жена отправилась со своими племянницами въ Красный Рогъ, оказывать тамъ посильную помощь населенію, страдавшему отъ голода и тифа.

---

[1]) Приводимъ письмо гр. А. К. Т. къ Леонидову, напечатанное въ „Запискахъ" послѣдняго.

„Многоуважаемый Леонидъ Львовичъ!

Завтра, въ Пятницу, ровно въ 8 ч. я читаю мою новую трагедію: „Царь Федоръ Ивановичъ", въ которой мнѣ бы хотѣлось предложить Вамъ роль Ивана Петровича Шуйскаго. Эта роль героическая, соотвѣтствующая вашей природѣ и вашему таланту.

Не откажите пожаловать на чтеніе; вы этимъ много обяжете истинно преданнаго вамъ

А. Толстого.

14 марта.

Толстой пробылъ въ Карлсбадѣ сравнительно не долго, и въ іюлѣ мѣсяцѣ черезъ Петербургъ проѣхалъ въ Малороссію.

Осень 1868 г. принесла поэту двѣ пріятныхъ новости. Русскій посланникъ въ Веймарѣ бар. Мейендорфъ писалъ ему о переговорахъ дирекцій Ганноверскаго и Мюнхенскаго театровъ съ дирекціей Веймарскаго о постановкѣ „Смерти Іоанна Грознаго". Другимъ пріятнымъ сообщеніемъ была просьба англійской переводчицы — позволить ей издать на англійскомъ языкѣ „Князя Серебрянаго". Этими новостями Толстой не замедлилъ подѣлиться съ Маркевичемъ, съ которымъ поддерживалъ дѣятельную переписку.

Въ тотъ годъ стояла великолѣпная теплая осень. Не смотря на боли въ ногѣ, къ которымъ Толстой, повидимому, уже привыкъ, онъ совершалъ ежедневныя прогулки пѣшкомъ, нерѣдко ѣздилъ верхомъ и сочинилъ за это время много посвященныхъ жившему въ Красномъ Рогѣ доктору А. И. Кривскому „медицинскихъ" юмористическихъ стихотвореній, большая часть которыхъ въ настоящее время утрачена.

Приводимъ здѣсь четверостишіе изъ одного такого не напечатаннаго и не сохранившагося произведенія:

...Ища въ мужчинѣ идеала,
Но стыдъ храня,
Піявка доктору сказала:
Люби меня!..

Въ декабрѣ, провожая до Орла пріѣзжавшаго къ нему погостить кн. Гагарина, Толстой задержался тамъ на нѣсколько дней и встрѣтилъ на почтовой станціи Фета. Въ „Воспоминаніяхъ" послѣдняго встрѣча эта описана подробно и картинно. Разставаясь, поэты обѣщались писать другъ другу, и до насъ дошла часть ихъ переписки.

Въ концѣ года Толстой узналъ о запрещеніи ставить на сцену его „Θеодора Іоанновича".

Поэтъ еще въ сентябрѣ закончилъ проектъ постановки на сцену этой трагедіи, а потому извѣстіе о томъ, что въ засѣданіи Совѣта по цензурнымъ дѣламъ пьеса запрещена къ постановкѣ, очень его огорчило. Такъ какъ предсѣдательствующимъ въ этомъ засѣданіи былъ хорошій знако-

мый поэта, гр. Ѳ. М. Толстой, не чуждый литературѣ и съ похвалою отзывавшійся о достоинствахъ трагедіи, поэтъ подъ вліяніемъ раздраженія посвятилъ ему до насъ не дошедшее посланіе въ стихахъ. Изъ посланія этого намъ извѣстны лишь четыре строки:

...„О, будь же менѣ голосистъ,
„Но болѣ самъ съ собой согласенъ“...

и —

„Стяжалъ себѣ двойной вѣнецъ:
„Литературный и цензурный“...

Ѳ. М. Толстой обидѣлся на заключавшіеся въ стихотвореніи эпитеты „трехупостасный“ и „двуличный“ и послалъ поэту длинное письмо въ свою защиту. Тамъ онъ, между прочимъ, указывалъ, что неразвитая часть публики, посѣщающей театръ, могла бы не понять ангельскаго добродушія царя Ѳеодора и проникнуться презрѣніемъ къ слабости воли послѣдняго, почему онъ, въ качествѣ чиновника, дающаго свой отзывъ о пьесѣ, не считалъ себя въ правѣ скрывать свое опасеніе. Въ заключеніе Ѳ. Толстой совѣтовалъ поэту хлопотать о разрѣшеніи Ѳеодора Іоанновича черезъ Императрицу. Алексѣй Константиновичъ не могъ не согласиться съ доводами своего омонима и написалъ новое посланіе къ нему (въ изданіи Маркса ошибочно названное первымъ), гдѣ признавалъ, что тотъ „былъ двуглавъ, но не двуличенъ“ и просилъ простить свой „близорукій упрекъ“...

Къ непріятностямъ, испытаннымъ Толстымъ въ Россіи, вслѣдствіе запрещенія „Ѳеодора Іоанновича“, присоединились непріятности заграничныя. Ганноверскій и Мюнхенскій театры не шли относительно постановки „Смерти Іоанна Грознаго“ дальше намѣреній; что же касается „Ѳеодора Іоанновича“ въ Веймарѣ, то и тамъ выходила какая-то задержка изъ за денежныхъ пререканій переводчицы съ директоромъ театра.

Толстой искалъ утѣшенія въ работѣ надъ „Царемъ Борисомъ“ и героическими балладами на темы изъ русской исторіи. Эту работу ему пришлось, повидимому, прервать для того, чтобы съѣздить въ Одессу, гдѣ Софья Андреевна должна была лечиться отъ безсонницы (письмо къ Фету отъ 19 февр. 1869 г.).

Во время пребыванія ихъ въ этомъ городѣ представителями мѣстнаго общества данъ былъ 15 марта въ честь поэта обѣдъ. Толстой сказалъ на этомъ обѣдѣ умѣренно-прогрессивную рѣчь и провозгласилъ въ концѣ ея тостъ за всѣхъ подданныхъ Государя Императора, къ какой бы національности они ни принадлежали. Тостъ этотъ вызвалъ большую полемику поэта съ Б. Маркевичемъ.

Вернулись Толстые изъ Одессы лишь во второй половинѣ марта (письмо къ Маркевичу отъ 26 марта 1869 г.).

Кромѣ Маркевича и Фета Толстой переписывался въ то время съ Гончаровымъ, но переписка послѣдняго, къ сожалѣнію, не была обнародована. Весною 1869 г. Толстой продолжалъ работать надъ „Борисомъ", читалъ историческія монографіи и писалъ свои красивыя баллады. По ночамъ онъ ѣздилъ иногда съ докторомъ А. И. Кривскимъ, племянникомъ своей жены Андреемъ Бахметевымъ, а разъ даже и съ женою, въ лѣсъ, стрѣлять глухарей. 18 апрѣля 1869 г. Толстой получилъ отъ И. Гончарова письмо съ извѣстіемъ о смерти Щербины. Эта смерть глубоко и серьезно огорчила графа, который принималъ въ умершемъ поэтѣ большое участіе.

Весну и лѣто 1869 г. Алексѣй Константиновичъ провелъ съ женою и ея родней въ Красномъ Рогѣ.

Толстой давно мечталъ о постоянномъ пребываніи въ деревнѣ. Сохранились черновые наброски его стихотворенія, идиллически рисующаго уединенную жизнь въ наслѣдственной усадьбѣ. Часть этихъ набросковъ въ нѣсколько иномъ порядкѣ напечатана въ „Извѣстіяхъ Отдѣла Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ".

Блаженъ кто съ оргіи неистовой и шумной
Уходитъ въ пору прочь, достойный и разумный,
Кто, мужествомъ враговъ упорныхъ побѣдивъ,
Умѣетъ торжества удерживать порывъ,
Кто, вѣренъ до конца спокойному уму,
Идетъ не торопясь къ закату своему

. . . .

Теперь въ глуши полей, поклонникъ мирныхъ грацій,
Въ деревнѣ дѣдовской, подъ сѣнію акацій,
Отъ шума удалясь, онъ любитъ въ лѣтній зной
Вкушать наединѣ прохладу и покой.
Степенныхъ классиковъ все болѣ любитъ чтенье

И дружескихъ бесѣдъ умѣренныя пренья,
Прогулки къ мельницѣ иль полному гумну,
Блеяніе стадовъ, лѣсную тишину,
Сокровища своей картинной галлереи
И мудрой роскоши полезныя затѣи...
А осенью глухой, усѣвшись у камина,
Велитъ себѣ принесть онъ дѣдовскія вина,
И старый эскулапъ, другъ дома и знатокъ,
Бутылки пыльной съ нимъ оцѣниваетъ токъ.
Блаженъ . . . .
. . . .
Такъ въ циркѣ правящій квадригою возница,
Соперниковъ въ пыли оставивъ за собой,
Умѣриваетъ бѣгъ звенящей колесницы
И вожжи коротитъ искусною рукой.
И кони мощные, прощаяся съ ареной,
Обходятъ вкругъ нея, слегка покрыты пѣной.

Лѣтомъ 1869 г. Толстой изрѣдка ходилъ или ѣздилъ на охоту и участвовалъ въ прогулкахъ родственниковъ жены съ пріѣзжающими къ нимъ гостями. Къ нему также пріѣзжали кн. Гагаринъ и Аѳ. Аѳ. Фетъ. Но чаще всего онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за крытымъ зеленымъ сукномъ простымъ деревяннымъ бѣлымъ столомъ и упорно работалъ.

Графиня Софья Андреевна не вмѣшивалась въ хозяйство. Самъ Толстой понималъ въ немъ очень мало. Существуетъ много анекдотовъ, въ родѣ того, какъ онъ предложилъ просившимъ у него дровъ крестьянамъ вырубить находившуюся подлѣ усадьбы липовую рощу, и какъ эти крестьяне, не заставивъ себя долго просить, быстро воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Эксплоатировали поэта не только лица, завѣдывавшія его финансовыми дѣлами и управляющіе имѣньями, но даже слуги. Были случаи, когда проворовавшихся лакеевъ и камердинеровъ прощали, вновь брали въ услуженіе и даже возили за границу.

Замѣтную роль въ домѣ играла miss Fraser. Къ обѣду всѣ мужчины въ домѣ, кромѣ самого хозяина и доктора А. И. Кривскаго, должны были переодѣваться, не смотря на убійственную иногда жару, во фраки и мундиры; на окнахъ спускались шторы; на столѣ зажигались свѣчи; дамы появлялись въ бальныхъ платьяхъ. Возлѣ прибора хозяина клался листокъ бумаги и, если супъ оказывался хорошимъ, на листкѣ этомъ появлялись иногда экспромты.

Такъ описывалъ обычаи Краснаго Рога жившій тамъ въ теченіе двухъ лѣтъ д-ръ Кривскій.

Изрѣдка пріѣзжали въ гости сосѣдніе помѣщики. Поэтъ большинства изъ нихъ не любилъ, выходилъ къ нимъ изъ своего кабинета лишь на короткій срокъ и весьма скучалъ; необычайная радость была написана на его лицѣ, когда они уѣзжали. Толстой провожалъ ихъ до послѣдней ступеньки и съ самымъ ласковымъ видомъ произносилъ: „до свиданья!“

Болѣзнь его тѣмъ временемъ прогрессировала, мѣшая совершать продолжительныя прогулки пѣшкомъ. Въ грибныя экскурсіи онъ отправлялся уже верхомъ, вооруженный длинною палкой съ рогулькою на концѣ. Этимъ инструментомъ поэтъ подхватывалъ съ земли найденные имъ грибы.

Ѣздилъ онъ, глубоко вставивъ ноги въ стремена. Эта привычка однажды повела было къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Алексѣй Константиновичъ свалился съ сѣдла, и лошадь потащила его за ногу, застрявшую въ стремени. Къ счастью, лошадь удалось довольно быстро остановить.

Изрѣдка Толстой ѣздилъ также на лодкѣ по рѣкѣ, протекавшей недалеко отъ дома, сперва подъ деревьями, потомъ между цвѣтущихъ полей и сквозь тростники, гдѣ воображеніе поэта рисовало розовыхъ нимфъ и заставляло его восклицать (въ письмѣ отъ 12 мая 1869 г.) „О Сиринксъ! О, Дафна!“ Возможно, что эти же тростники вдохновили поэта и на былину „Алеша Поповичъ“.

Супруги Толстые жили въ Красномъ Рогѣ каждый своею отдѣльною жизнью. Софья Андреевна вставала очень поздно. Не смотря на болѣзнь глазъ, она очень много читала и ложилась иногда въ шестомъ часу утра. Утренній чай подавался ей во второмъ часу дня. Къ этому времени къ ней являлся и Алексѣй Толстой.

— „Ну, Софочка, Софочка, слушай, критикуй“, начиналъ онъ и читалъ графинѣ написанные за ночь отрывки стихотвореній.

— „Знаешь, Толстой“, говорила, прослушавъ читаемое, Софья Андреевна, всегда поправлявшая стихи мужа, — „я думаю, вотъ это — такъ надо“.

— „Прекрасно! Прекрасно!“ соглашался обыкновенно со всѣми ея поправками поэтъ.

Всѣ въ домѣ, кромѣ служащихъ лицъ, называли Алексѣя Константиновича просто Толстымъ.

Выслушавъ замѣчанія жены, онъ выпивалъ чашку чая со сливками и уходилъ обратно въ свой кабинетъ.

Пріѣзжавшій къ Толстому въ іюлѣ 1869 г. Фетъ также оставилъ намъ кое-какія свѣдѣнія о жизни поэта въ Красномъ Рогѣ. Какъ опытный хозяинъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ обратилъ особое вниманіе на крайнюю безтолковость веденія хозяйства въ имѣніи. Особенно поразило его обиліе стоговъ сѣна, которые вмѣсто того, чтобы продавать, по временамъ сожигались по личному приказанію графа, любившаго во время зимней прогулки въ саняхъ полюбоваться свѣтовыми эффектами горящаго сѣна. Фетъ былъ очарованъ умомъ, любезностью и талантами графини Софьи Андреевны. Въ это время, по его свидѣтельству, Толстой уже страдалъ нестерпимо болѣзненными приливами крови къ головѣ.

Всего вѣрнѣе болѣзнь, а не другія причины, на которыя указываетъ Н. М. Жемчужниковъ, заставила поэта предпринять въ августѣ мѣсяцѣ поѣздку въ Германію. Въ Пильницѣ, на порогѣ своего дома, встрѣтила его, съ переводомъ „Царя Ѳеодора“ въ рукахъ, глубокимъ реверансомъ Каролина Павлова. Этотъ переводъ читался затѣмъ въ славномъ своими преданіями Вартбургѣ, въ комнатѣ св. Елисаветы. Великій герцогъ выразилъ желаніе поставить „Ѳеодора“ на веймарской сценѣ, и во второй половинѣ сентября Толстой радостно вернулся въ Россію.

Во время своего пребыванія въ Карлсбадѣ онъ пріобрѣлъ въ переводѣ на польскій языкъ двѣ первыхъ части своей трилогіи.

Въ Римъ, куда они оба съ женою стремились, имъ, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, въ томъ году попасть не удалось.

Вмѣсто Рима Толстой поѣхалъ въ октябрѣ 1869 г. въ Ливадію, гдѣ была въ то время резиденція Императрицы Маріи Александровны, чтобы читать ей уже оконченнаго „Царя Бориса“ и вновь написанныя былины.

Во время бури, случившейся при морскомъ переѣздѣ изъ Ливадіи въ Одессу, Толстой написалъ шуточное стихотвореніе „Пью ль мадеру, пью ли квасъ я“... Перваго

ноября онъ уже вернулся въ Красный Рогъ и повелъ тамъ свою обычную жизнь съ чтеніемъ Шекспира и Гете, перепискою съ Маркевичемъ и другими друзьями, вечерними поѣздками въ лѣсъ и писаньемъ стиховъ по ночамъ.

Въ январѣ 1870 года поэтъ собирался въ Петербургъ, но, судя по письмамъ, онъ отправился туда не ранѣе конца этого мѣсяца. Въ Петербургѣ Толстой побывалъ у вел. княгини Елены Павловны, которая выразила при немъ сожалѣніе, что никто не напишетъ либретто для оперы на тему повѣсти Гоголя „Ночь предъ Рождествомъ". Встрѣтясь съ Я. П. Полонскимъ, графъ не замедлилъ внушить ему мысль написать это либретто.

Во время пребыванія въ столицѣ Толстому пришлось опредѣлить свое отношеніе къ модному тогда въ демократически настроенномъ обществѣ нигилистическому направленію. Поэтъ откликнулся на это направленіе „Потокомъ Богатыремъ" и балладою „Порой веселой мая". Онъ задумалъ также еще одно посланіе, отъ котораго до насъ дошли одни только наброски.

Честь вашего я круга,
Друзья, высоко чту,
Но надо знать другъ друга,
Игра на чистоту!
Пора намъ объясниться —
Вамъ пригожусь ли я?
Не будемте чиниться.
Вотъ исповѣдь моя:
. . . .
И всякаго, кто плачетъ,
Утѣшить я бы радъ—
Но это вѣдь не значитъ,
Чтобъ былъ я демократъ!
Чтобъ вмѣсто твердыхъ правилъ
Въ судѣ на мнѣнья шло,
Чтобы землею правилъ
Не разумъ, а число?
. . . .
. . . .
Баронъ остзейскій ближе,
Чѣмъ русскій казнокрадъ...
. . . .
И каждый гражданинъ
Имѣлъ чтобъ дозволенье

Быть на руку нечистъ?
— Нѣтъ, нѣтъ, мое почтенье!
Нѣтъ, я не коммунистъ!
. . . .
Чтобъ всякой пьяной рожѣ
Я сталъ считаться братъ?
— Нѣтъ, нѣтъ, избави Боже,
Нѣтъ! я не демократъ!

Возможно, что къ тому же времени относится случай разсказанный кн. В. Н. Мещерскимъ („Гражданинъ“ 1875 г. № 40). Къ графу явилась депутація изъ либеральнаго лагеря съ просьбою принять участіе въ литературномъ вечерѣ. Толстой согласился подъ условіемъ не стѣсняться въ выборѣ и направленіи стихотвореній. Депутація поколебалась, пыталась войти въ переговоры, но графъ не шелъ ни на какія уступки, и депутатамъ пришлось покориться. Толстой явился на вечеръ и прочелъ одно изъ своихъ стихотвореній, которое ни въ какомъ случаѣ не подходило подъ господствовавшее въ то время направленіе. Опасенія устроителей вечера однако не сбылись: молодежь привѣтствовала поэта рукоплесканіями, отъ которыхъ дрожала вся зала.

Лѣтомъ 1870 г. поэтъ обычной дорогой отправился за границу. Софья Андреевна осталась въ Россіи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Толстой былъ въ Дрезденѣ и вмѣстѣ съ Каролиной Павловой обдумывалъ тамъ сюжетъ для новой трагедіи. Толстой высоко цѣнилъ эту писательницу, какъ переводчицу своихъ стиховъ на нѣмецкій языкъ. Поэтому онъ всегда старался быть ей полезнымъ и, хотя поэтесса своимъ разговоромъ и дѣйствовала непріятно на его нервы, онъ велъ себя по отношенію къ ней такъ, что Каролина Карловна никогда не могла сомнѣваться въ его чрезвычайномъ къ ней расположеніи.

Въ концѣ іюля поэту удалось таки остановиться на темѣ для новой трагедіи, получившей затѣмъ названіе „Посадникъ“. Въ одномъ изъ писемъ онъ проситъ жену собрать все, что было написано о Новгородѣ, обычаяхъ дотатарской эпохи и все, что извѣстно о вѣчѣ. Толстой возлагалъ большія надежды на эту, къ сожалѣнію, оставшуюся неоконченной драму. Онъ съ увлеченіемъ отдался

работѣ надъ нею, вѣря, между прочимъ, что „она дастъ ему много здоровья“.

Въ началѣ августа онъ переѣхалъ въ Карлсбадъ. Къ этому времени, судя по записнымъ книжкамъ, относится стихотвореніе „Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь“. сначала оно имѣло двѣ нижеслѣдующія редакціи:

I.

„Ни тропинки нигдѣ; что за польза въ уздѣ?
„Всѣ пути темнота заградила;
„Но къ лукѣ я приникъ, я скачу напрямикъ.
„Выноси меня, конская сила!
„Отъ лощинъ и полянъ, подымаясь, туманъ
„Застилаетъ пути и дороги.
„Я не зналъ, не гадалъ, я коня разнуздалъ;
„Я въ бока ему втиснулъ остроги“.

II.

„Отъ лощинъ и полянъ густо всходитъ туманъ.
„Не видать ни дороги, ни поля.
„Коль ни зги не видать такъ не нужно гадать.
„Безъ гаданья же волюшка—воля!
„Я не ждалъ, не гадалъ, я коня разнуздалъ;
„Я въ туманѣ скачу безъ дороги.
„Я далъ волю коню; лишь свищу да гоню
„Да въ бока ему тисну остроги...
„Что тамъ, мостъ или гать? косогоръ или гладь?..“
. . . .

Въ Карлсбадѣ Толстой писалъ „Посадника“, велъ переписку съ женою, ея племянникомъ Андреемъ Бахметевымъ, Маркевичемъ, Жемчужниковымъ, Павловой, и много ходилъ по горамъ.

Закончивъ свой обычный курсъ леченія, поэтъ къ сентябрю 1870 г. вернулся въ Дрезденъ. Тамъ, вдали отъ управляющихъ своими имѣньями, читалъ онъ Павловой, Шедо-Феротти и Коцебу написанныя въ Карлсбадѣ сцены изъ Посадника и, вѣроятно, не ранѣе октября вернулся въ Россію.

По пріѣздѣ въ Красный Рогъ Толстой по собственному своему выраженію „завязъ въ дѣлахъ“.

Первое извѣстное намъ письмо, написанное по возвращеніи въ имѣнье адресовано Маркевичу и помѣчено 18 ноября. Въ теченіе зимы поэтъ и его жена были больны [1]).

Можетъ быть, подъ вліяніемъ болѣзненной раздражительности, можетъ быть, по несовпаденію вкусовъ, графинѣ не понравилась новая трагедія ея мужа, и она выразила мнѣніе, что написанныя Алексѣемъ Константиновичемъ сцены плохи. Этимъ она отбила охоту продолжать трагедію [2]), которая такъ и осталась неоконченной. Благодаря статьѣ кн. Д. Цертелева (Голосъ, 30 янв. 1877 г. № 30), по поводу постановки этой пьесы на сценѣ Маріинскаго театра, намъ извѣстно кое-что изъ дальнѣйшаго развитія драмы. Въ изложеніи своемъ князь руководствовался частью личными воспоминаніями, частью набросками самого Толстого, которые, по его словамъ, были слишкомъ отрывочны, чтобы приводить ихъ въ текстѣ.

Въ слѣдующемъ послѣ напечатанныхъ актѣ „посадникъ сидитъ у стола; посадница въ углу плачетъ. Дочь молча смотритъ на отца. Входитъ боярыня Мамелфа; она предлагаетъ посадницѣ и ея дочери переселиться къ ней, говоря, что когда онѣ будутъ жить у нея никто не посмѣетъ сказать про нихъ худа. Посадница отвѣчаетъ нерѣшительно, и боярыня говоритъ ей:

Я, матушка, тебя
Не уговаривать пришла:
    Коль хочешь,
Останься съ нимъ,
Добро въ твоей то волѣ,
    Тогда прости!

Она уходитъ. Является женихъ Вѣры, Василько, и повторяетъ свое предложеніе, но та отказывается, говоря, что пойдетъ за него только въ томъ случаѣ, если отецъ ея будетъ оправданъ. Василько обращается къ посаднику, прося его уговорить дочь.—„Иди“, говоритъ ей отецъ. Но она все-таки не соглашается. Наконецъ, Вѣра остается съ отцомъ наединѣ и спрашиваетъ его: „скажи мнѣ, что

[1]) Письмо къ Я. П. Полонскому, 25 февр. 1871 г.

[2]) Письмо къ Маркевичу, 9 мая 1871 г.

этого не сдѣлалъ“. Но посадникъ отвѣчаетъ только: „Почемъ ты знаешь?“ Входитъ посадница, говоря, что отъ него требуютъ сдачи печати и казны. Является Чермный; онъ отбилъ приступъ, но отчаявается найти вора.

„Посадникъ спрашиваетъ жену, пойдетъ ли она за нимъ въ изгнаніе? Та отвѣчаетъ нерѣшительно. — „А ты, Вѣра?“ говоритъ онъ дочери.—„Нѣтъ, у меня другое дѣло; когда воевода отчаявается найти виноватаго, тогда я его найду“.

„Оскорбленіе за оскорбленіемъ сыплются на посадника. Онъ уже подходитъ къ валу, чтобъ оставить городъ, когда Вѣрѣ удается отыскать Наталью, которая во всемъ сознается передъ народомъ. Посадникъ оправданъ, но не хочетъ оставаться въ Новгородѣ. Всѣ упрашиваютъ его. Входитъ Чермный, одержавшій рѣшительную побѣду надъ суздальцами. Затѣмъ, въ намѣреніи автора посадникъ долженъ былъ умирать на сценѣ“...

По приведенному изложенію кн. Цертелева можно заключить, что видѣнные имъ наброски относятся къ первоначальной стадіи творчества, когда писатель намѣчаетъ только общія черты своего дальнѣйшаго изложенія, въ которомъ описанныя здѣсь явленія и дѣйствія должны были потерпѣть многочисленныя дополненія и измѣненія...

Весною 1871 года Толстой неоднократно ходилъ по вечерамъ на вальдшнеповъ, и эта охота вдохновила поэта на великолѣпное стихотвореніе „На тягѣ“, но стоила ему простуды, заставившей отсиживаться дома и играть въ шахматы съ наиболѣе любимымъ изъ племянниковъ жены, Андреемъ Бахметевымъ.

Лѣтомъ, поручивъ женѣ устройство своихъ денежныхъ дѣлъ, поэтъ черезъ Берлинъ отправился въ Дрезденъ, гдѣ Каролина Павлова тотчасъ же принялась переводить его новыя былины. Переводить „Царя Бориса“ она не стала, находя это послѣ неудачи съ „Ѳеодоромъ Іоанновичемъ“ для себя невыгоднымъ.

Въ серединѣ іюля поэтъ переѣхалъ въ Карлсбадъ, гдѣ прошелъ обычный лечебный курсъ, читая Шопенгауэра и дѣлая прогулки по живописнымъ окрестностямъ города. Кромѣ того, онъ занимался иногда переводами на нѣмецкій языкъ своихъ произведеній. Такъ, напримѣръ,

онъ переложилъ стихами же для M-me Seegen „Не вѣрь мнѣ, другъ“.

Въ концѣ августа Толстой поѣхалъ въ Красный Рогъ куда ему необходимо было пріѣхать для устройства денежныхъ дѣлъ. Тамъ ожидала его Софья Андреевна, у которой болѣли въ то время утомленные ночными чтеніями глаза.

Въ деревнѣ Толстой провелъ всю осень 1871 года, переписываясь съ Маркевичемъ. По всей вѣроятности, также онъ побывалъ затѣмъ въ Петербургѣ [1]). гдѣ былъ опечаленъ нѣсколькими ядовитыми газетными замѣтками по своему адресу, а затѣмъ, въ сопровожденіи жены поѣхалъ, за границу. Въ двадцатыхъ числахъ іюля онъ провелъ нѣсколько дней въ Берлинѣ, занимаясь тамъ балладой изъ новгородскаго эпоса. 6 декабря, оставивъ жену лечиться въ Берлинѣ, поэтъ проѣхалъ въ Дрезденъ; здѣсь онъ ходилъ въ оперу и переписывался съ Маркевичемъ, присылавшимъ ему рецензіи о стихахъ и сообщавшимъ ему литературныя петербургскія новости. Съѣхавшись затѣмъ съ женою, Толстой провелъ вмѣстѣ съ нею 3 дня въ Веймарѣ и проѣхалъ оттуда въ послѣднихъ числахъ декабря въ Висбаденъ.

Въ февралѣ 1872 г. Толстые были уже въ Венеціи. Здѣсь поэтъ обрадованъ былъ извѣстіемъ о томъ, что кн. Эмиль Витгенштейнъ переводитъ на нѣмецкій языкъ „Царя Бориса“, отъ котораго отказалась Каролина Павлова. Боденштедтъ, съ которымъ велись переговоры относительно этого перевода, хотѣлъ получить за него 100 фридрихсдоровъ.

Судя по письмамъ, Алексѣй Константиновичъ страдалъ въ то время головными болями. Въ концѣ марта онъ разстался съ женою и переѣхалъ въ окрестности Комо, гдѣ жилъ когда-то съ Наслѣдникомъ. Пребываніе на этомъ чудномъ озерѣ съ голубыми волнами, шумъ отъ которыхъ идетъ прямо въ сердце, пробудило въ поэтѣ романическія воспоминанія молодости. Въ серединѣ апрѣля Толстой вмѣсто Карлсбада задумалъ проѣхать въ Красный Рогъ. Осуществить это намѣреніе ему помѣшала простуда, полученная въ апрѣлѣ при переѣздѣ, по пути изъ Италіи, черезъ

---

[1]) Письмо къ Андрею Бахметеву 20 авг. (1 сент.) 1871 г.

Альпы. И поэту вмѣсто Малороссіи пришлось ѣхать въ Дрезденъ.

Зиму 1872—73 г.г. Толстой провелъ во Флоренціи [1]). Къ „Посаднику“ онъ не прикасался. Вмѣсто трагедіи Алексѣй Константиновичъ занятъ былъ фантастическою повѣстью въ стихахъ „Портретъ“. Проѣзжавшая весною черезъ Флоренцію на югъ Италіи Императрица пригласила Толстого пріѣхать по выздоровленіи къ ней.

Въ началѣ апрѣля 1873 г. поэтъ разстался съ женою, которая отправилась въ Константинополь навѣстить тамъ одну изъ своихъ племянницъ, и черезъ Римъ поѣхалъ въ Неаполь. Около половины апрѣля онъ былъ уже въ Сорренто, гдѣ жила въ то время Императрица. Вмѣстѣ съ остальною свитой Царицы онъ провожалъ ее на прогулкѣ въ Палермо. Въ маѣ на югѣ Италіи становилось жарко, и Толстой, послѣ нѣсколькихъ жестокихъ припадковъ астмы, поѣхалъ въ Россію. По дорогѣ отъ Рима до Краснаго Рога поэтъ страшно мучился головными болями. Во время остановки въ Дрезденѣ онъ видѣлся съ К. Павловой...

Лѣто Толстой провелъ въ Красномъ Рогѣ, отдѣлывая „Портретъ“ и работая надъ „Сномъ Попова“. „Портретъ“ былъ посланъ въ Вѣстникъ Европы, редакторъ котораго, познакомясь съ произведеніемъ, прислалъ поэту восторженное письмо.

Болѣзнь, не оставившая Толстого и на родинѣ, мѣшала его литературнымъ занятіямъ. Головныя боли перешли въ невралгію, съ которою онъ пытался бороться ледяными душами [2]). Судя по письмамъ къ друзьямъ, Алексѣй Кон-

---

[1]) Письмо къ кн. Сайнъ-Витгенштейнъ 26 мая (8 іюня) 1873 г.

[2]) Помѣщаемъ здѣсь отрывокъ письма А. К. Т. къ Маркевичу, нигдѣ до сихъ поръ не напечатаннаго и относящагося къ данному времени.

J'ajouterai seulement que depuis que j'ai pris froid, je n'ai plus mal à la tête. Je jouis et ne reviens pas de mon étonnement de n'avoir plus de maux de dents, ni dans la tête, ni dans le dos, état auquel je m'étais habitué.

Ce n'est qu'à Kr. Rog, que je me suis fait faire la lecture de Марина, je n'avais pu la trouver en Italie, mais j'en ai beaucoup entendu parler et presque toujours avec hostilité, chose que je n'ai pu m'expliquer ni avant ni après l'avoir entendue. Moi et ma femme nous trouvons la chose

стантиновичъ, въ концѣ октября, въ чаяніи получить облегченіе отъ горнаго воздуха Швейцаріи, рѣшилъ, въ сопровожденіи домашняго врача, отправиться черезъ Вѣну въ Montreux.

Но пребываніе за границей не принесло поэту облегченія. Въ письмѣ къ Стасюлевичу отъ 2 января 1874 г. Толстой пишетъ: „я былъ очень боленъ". Судя по письму къ кн. Сайнъ-Витгенштейнъ (отъ 17 февр. 1875 г.), онъ „провелъ прошлую зиму въ Ментонѣ около Ниццы". Врачъ довезъ его туда „чуть живымъ" и „была минута, когда онъ былъ приговоренъ безнадежно". Въ Ментону къ Алексѣю Константиновичу пріѣхали его дядя, Борисъ Перовскій, и

---

c h a r m a n t e, il y a des details qui m'ont fait venir les larmes aux yeux, nommèment la promenade en bateau.

C'est c h a r m a n t et il n'y aurait que quelques fautes d'histoire naturelle à relever, trés légères.

Les hurlements des C. П. Вѣдомости sont un diplôme de mérite, et il faut bien que la chose soit bonne, puisqu'ils ne cessent d'y revenir.—

Je suis fâché de n'avoir pas lu Votre réponse à ces messieurs distingués et ces critiques éclairés.

Je conçois parfaitement leurs injures, mais je ne conçois pas l'hostilité de certaines personnes n'appartenant pas à leur clique. Entre autre on Vous reproche de m'avoir mal peint. Pourquoi, diable, leur dis-je, croyez vous que c'est moi?

Je n'y reconnais pas un trait à moi et l'idée ne me vient pas d'y chercher mon portrait. Il faut avouer qu'on est bête et surtout peu civilisé. Pour ma part je Vous dirai ce que je Vous ai dit à la lecture de la première partie, ici, à Kr. Rog: je ne comprends pas le sacrifice du comte qui sait fort bien qu'il jette des perles aux pourceaux. Cela ne me parait pas assez motivé. Mais Марина est charmante et trés psychologiquement developpée. Le prince est délicieux, la cousine trés bien faite, le tout parfaitement réussi et pas du tout banal.

Dans mes intervalles de douleur j'ai écrit plusieurs poésies que Vous pourrez avoir lues dans le B. E. et le P. B. Je viens d'envoyer au premier un poême de 680 vers et j'ai reçu du rédacteur une lettre avec des éloges enthousiastes auxquels se joint Гончаровъ, Костомаровъ, Кавелинъ et m-r Makovsky, artiste que je ne connais pas, c. à. d. que c'est Стасюлевичъ qui me transmet leurs compliments.

Je tâcherai de Vous envoyer une copie de la chose, pas de ma main, s'entend, car cette lettre est la chose la plus longue que j'ai écrite de longtemps. Je Vous embrasse ainsi que le крестникъ et je baise t e n d r e m e n t les mains à Alexandra Карловна.

Ma femme Vous dit bien des amitiés. Ecrivez moi donc un mot, Vienne, poste restante.

A.

старый другъ гр. Ал. Бобринскій. Въ концѣ ноября или началѣ декабря туда же пріѣхала и Софья Андреевна.

За время отсутствія Толстого въ Россіи Императорская Академія Наукъ, въ засѣданіи 23 декабря 1873 г., избрала его (въ одинъ день съ гр. Л. Н. Толстымъ) въ члены корреспонденты по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Въ январѣ 1874 г. поэтъ на короткій срокъ заѣзжалъ въ Парижъ [1]), откуда во второй половинѣ того же мѣсяца возвратился вмѣстѣ съ женою въ Ментону, гдѣ продолжалъ страдать отъ головныхъ болей. Здѣсь, по просьбѣ проф. Де-Губернатиса, онъ написалъ свою авто-біографію, которую и послалъ 4 марта во Флоренцію.

Судя по письму къ кн. Сайнъ-Витгенштейнъ и по датѣ письма къ Стасюлевичу, изъ Ментоны Толстой перебрался въ Карлсбадъ, гдѣ пробылъ до второй половины іюля 1874 г. (по н. ст.). Отсюда онъ послалъ для сборника „Складчина“ два старыхъ стихотворенія. Здѣсь Алексѣй Константиновичъ былъ занятъ также подготовкой къ печати новаго сборника стихотвореній, продиктованныхъ имъ своей двоюродной сестрѣ кн. Львовой. Изъ знакомыхъ онъ встрѣтился въ Карлсбадѣ съ артистомъ Л. Л. Леонидовымъ.

Августъ 1874 г. поэтъ провелъ въ Красномъ Рогѣ, гдѣ Стародубскій уѣздный врачъ Корженевскій облегчилъ нѣсколько его невралгическія боли пріемами литія.

„Во время моей большой болѣзни въ деревнѣ“, пишетъ Толстой княгинѣ Сайнъ-Витгенштейнъ (18 февр. 1875 г.): „такъ какъ я не могъ ни лечь, ни спать сидя, я какъ-то ночью принялся писать маленькое стихотвореніе, которое мнѣ пришло въ голову. Я уже написалъ почти страницу, какъ вдругъ мои мысли смутились, и я потерялъ сознаніе.

„Пришедши въ себя, я хотѣлъ прочесть то, что я написалъ; бумага лежала передо мной, карандашъ тоже, ничего въ обстановкѣ окружающей меня не измѣнилось, — а вмѣстѣ съ тѣмъ я не узналъ ни одного слова въ моемъ стихотвореніи“... Это написанное въ трансѣ произведеніе, начинавшееся словами: „Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье“, сохранилось въ своихъ первоначальныхъ набросках карандашомъ на двухъ листкахъ бумаги.

---

[1]) См. письмо оттуда М. М. Стасюлевичу отъ 2 янв. н. ст. 1874 г.

Равнымъ образомъ сохранилось считающееся послѣднимъ изъ стихотвореній Толстого „Земля цвѣла“. Оно, по словамъ В. И. Срезневскаго [1]), писано карандашомъ и чернилами въ двухъ направленіяхъ. На внутренней сторонѣ одного изъ листовъ прозаическая замѣтка къ стихотворенію, начинающаяся словами: „Какъ отъ прошедшаго остаются въ памяти однѣ свѣтлыя стороны, а темныя исчезаютъ въ туманѣ, такъ все, что я вижу теперь, представляется мнѣ очищеннымъ отъ своихъ недостатковъ“... Первоначально стихотвореніе это начиналось словами: „Сирень цвѣла“... Вторая строфа сначала читалась такъ:

„Верхи деревъ надъ головой моей
„Стремились вверхъ, полны живого сока;
„Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
„Какъ легкій дымъ, такъ уходилъ высоко.
„Лѣсной чебёръ и полевой шалфей,
„Блестя росой, въ травѣ благоухали,
„И постигалъ, сливая вмѣстѣ, взоръ
„Покой и пылъ, недвижность и напоръ“.

В. И. Срезневскому принадлежитъ честь обнаруженія опечатки, переходившей изъ изданія въ изданіе стихотвореній Толстого. Четвертую строку окончательной редакціи второй строфы слѣдуетъ читать, какъ стоитъ и въ рукописи: „Какъ легкій дымъ терялся въ горн*е*й дали“ (а не „горной“, какъ до сихъ поръ принято было печатать).

Вѣроятно литій пересталъ оказывать свое благотворное дѣйствіе на здоровье Толстого, такъ какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ сопровожденіи племянника жены, кн. Д. Н. Цертелева, онъ отправился въ свое послѣднее путешествіе за границу. 26 сентября (судя по отмѣткѣ на паспортѣ) они проѣхали Вержболово и немного спустя были въ Берлинѣ. Отдохнувъ тамъ нѣсколько, побывавъ въ оперѣ и побѣгавъ по книжнымъ магазинамъ, путешественники прибыли въ Парижъ. Ихъ времяпровожденіе тамъ разсказано въ письмахъ графа женѣ. Здѣсь онъ видѣлся съ Тургеневымъ, бывалъ у художника Боголюбова, по прежнему интересовался спиритизмомъ и устраивалъ у себя сеансы.

---

[1]) В. И. Срезневскій. Автографы графа А. К. Толстого.

По свидѣтельству кн. Цертелева, графъ проснулся однажды ночью отъ сильнаго стука въ столикъ и увидѣлъ бѣлую наклонившуюся надъ нимъ фигуру, которая быстро исчезла... но стаканъ на столикѣ продолжалъ звенѣть...

Въ письмѣ отъ 27 ноября 1874 г. Толстой разсказываетъ женѣ о своемъ пріемѣ у Императрицы. Бывшій въ свитѣ послѣдней д-ръ Боткинъ совѣтовалъ поэту ѣхать во Флоренцію, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Софьей Андреевной, но графиня, повидимому, сама къ нему прибыла въ Парижъ.

Въ двадцатыхъ числахъ января 1875 г. Толстой, чувствовавшій себя нѣсколько лучше, разстался съ женою и поѣхалъ къ Императрицѣ, которая жила въ то время въ Санъ-Ремо. Здѣсь прибытіемъ своимъ онъ внесъ много оживленія, читалъ „Сонъ Попова“, а нѣкоторымъ лицамъ и „Бунтъ въ Ватиканѣ“, принималъ участіе въ шарадахъ и разсказывалъ Императрицѣ имъ самимъ сочиненные анекдоты...

Въ первыхъ числахъ февраля (н. ст.) 1875 г. Толстой покинулъ Дворъ Императрицы и поѣхалъ къ женѣ во Флоренцію. Тамъ онъ занялся терцинами „Дракона“ и не дошедшими до насъ „Охотничьими Воспоминаніями“ [1]), а также велъ дѣятельную переписку съ друзьями.

Наступившія весною жары принесли съ собою ухудшеніе здоровья поэта. Въ напечатанныхъ письмахъ его за это время встрѣчаются указанія на употребленіе морфина. Кто посовѣтовалъ Толстому принимать этотъ ядъ: Тургеневъ, Софья Андреевна или кто другой — вопросъ спорный [2]). Кромѣ облегченія физическихъ страданій, морфинъ долженъ былъ способствовать творческой дѣятельности графа... Къ возбуждающимъ при писаніи стиховъ средствамъ Алексѣй Толстой прибѣгалъ, впрочемъ, и раньше...

Къ началу іюня поэтъ поѣхалъ въ Карлсбадъ. Судя по письму отъ 14 іюня 1875 г. Софья Андреевна тамъ вмѣ-

---

[1]) „Воспоминанія“ эти, въ черновыхъ набброскахъ, хранились, по свидѣтельству Языкова (Моск. Вѣдом. 1900 г., № 268), у кн. Д. Н. Цертелева и были, по словамъ С. П. Хитрово, затеряны.

[2]) Уцѣлѣвшая приписка къ одному изъ писемъ поэта къ Стасюлевичу заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что къ морфину пріучилъ его Тургеневъ. Вотъ эта приписка: „Тургеневъ выразилъ мнѣ было желаніе, чтобы я сдѣлалъ ему впрыскиванье, но потомъ на попятный дворъ“.

стѣ съ нимъ не осталась. Въ Карлсбадѣ графъ почувствовалъ себя нѣсколько лучше и продолжалъ работать надъ „Охотничьими Воспоминаніями“, которыя собирался помѣстить въ „Вѣстникъ Европы“ въ теченіе зимы. Поэтъ занялся также вмѣстѣ съ И. С. Тургеневымъ устройствомъ концерта въ пользу моршанскихъ погорѣльцевъ. Этотъ концертъ состоялся 1 іюля (ст. ст.). Толстой читалъ на немъ свои стихи, и его вызывали такъ же горячо, какъ и соперника его по литературной славѣ, Тургенева.

Это былъ послѣдній тріумфъ поэта. Вскорѣ послѣ концерта онъ собрался въ Россію и 10 іюля ст. ст. (судя по отмѣткѣ на паспортѣ) былъ уже въ Вержболовѣ. Въ Берлинѣ, на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, графъ встрѣтился съ А. А. Нильскимъ. По словамъ послѣдняго Толстой „выглядѣлъ очень нехорошо; исхудалый, скучный, онъ жаловался на припадки нервнаго разстройства“.

„Одолѣваютъ они меня, мучатъ“, говорилъ онъ.

Ночью въ вагонѣ поэтъ неожиданно почувствовалъ себя нехорошо и, желая предупредить надвигавшійся припадокъ, дѣлалъ себѣ впрыскиванье морфія [1])...

Пріѣхавшій въ августѣ въ Красный Рогъ Н. Жемчужниковъ нашелъ Алексѣя Толстого очень постарѣвшимъ. Въ ночь вслѣдъ за днемъ пріѣзда Жемчужникова поэтъ захворалъ. Больному являлись видѣнія. Кромѣ физическихъ страданій онъ испыталъ мучительное ощущеніе раздвоенія личности. Когда его перенесли въ первый разъ въ гостиную, лицо у него, по свидѣтельству того же Жемчужникова, было „ужасно жалкое и выраженіе какое-то растерянное“. Онъ не разъ повторялъ: „Самому злѣйшему врагу не пожелаю этого... Какъ я страдалъ!... Что я чувствовалъ!“...

Въ сосновомъ лѣсу, куда ежедневно вывозили поэта, ему становилось легче. Въ комнатахъ, поэтому, разставлены были кадки съ водою, въ которыхъ стояли свѣже срубленныя молодыя сосенки.

Матеріальныя дѣла графа обстояли въ то время далеко не благополучно. Доходовъ послѣ освобожденія крестьянъ становилось все меньше и меньше. Самъ Толстой ни во что

---

[1]) Воспоминанія А. А. Нильскаго.

не вмѣшивался, полагаясь на близкихъ и довѣренныхъ лицъ. Расточительность графини Софьи Андреевны также не могла не отразиться на дѣлахъ. По свидѣтельству Н. М. Жемчужникова, поэтъ за послѣдніе годы жизни сталъ выдавать все болѣе и болѣе векселей. Многочисленныя когда то имѣнія Алексѣя Константиновича одно за другимъ закладывались и продавались. Толстой признался, между прочимъ, своему двоюродному брату, что въ виду плохого состоянія денежныхъ дѣлъ онъ принужденъ будетъ просить Государя принять его на службу.

Въ то же время, есть основаніе думать, онъ чувствовалъ приближеніе смерти. Мысль о ней, по словамъ присутствовавшаго въ то время въ Красномъ Рогѣ, кн. Цертелева, отнюдь не пугала поэта, возбуждая въ немъ только тихую грусть. Съ другой стороны, Н. Н. Брешко-Брешковскій въ своей статьѣ „Изъ воспоминаній о А. К. Толстомъ" (Биржев. Вѣд. 1905 г., № 8981) указываетъ, что мысль о смерти безпокоила Толстого. Послѣдній, по словамъ Брешко-Брешковскаго, такъ разсказывалъ своей женѣ объ испытываемыхъ имъ галлюцинаціяхъ: „Знаешь, Сонюша, приходила ко мнѣ покойница мама, хотѣла увести за собой; я даже руку отдернулъ"...

Указывая однажды на дверь, которая вела въ уборную, а изъ уборной на балконъ, но была заперта, Алексѣй Константиновичъ замѣтилъ: „Я думаю, вамъ придется отпереть эту дверь, корридоръ слишкомъ узокъ" [1]). Толстой изъявлялъ также желаніе быть похороненнымъ въ дубовомъ гробу [2]).

Бывшіе въ то время въ Красномъ Рогу близкіе и друзья, въ томъ числѣ кн. Цертелевъ, Маркевичъ и Н. Жемчужниковъ, старались отвлечь поэта отъ сумрачныхъ мыслей. Докторъ Величковскій считалъ даже возможнымъ вновь свезти его за границу...

Для облегченія своихъ физическихъ страданій графъ все чаще прибѣгалъ къ морфину, все увеличивая дозы.

---

[1]) Н. Денисюкъ. „Гр. А. К. Толстой, его время, жизнь и сочиненія".

[2]) Дубовый гробъ, заказанный по смерти Толстого въ Брянскѣ, оказался слишкомъ короткимъ, а потому былъ сожженъ, и поэтъ похороненъ былъ въ обыкновенномъ сосновомъ.

24 августа, послѣ пріема этого средства, у него появились признаки отравленія, но затѣмъ кризисъ этотъ прошелъ, и больной оправился [1]).

28 сентября 1875 г., за нѣсколько дней до предполагаемаго отъѣзда за границу, вошедшій въ кабинетъ Алексѣя Константиновича съ тѣмъ, чтобы позвать его на прогулку, кн. Цертелевъ замѣтилъ, что тотъ заснулъ въ своемъ спокойномъ удобномъ креслѣ. Такъ какъ поэтъ страдалъ безсонницей, то его рѣшено было не будить. Спустя нѣсколько часовъ, обезпокоенная долгимъ сномъ мужа, въ кабинетъ вошла графиня Софья Андреевна. Когда она стала будить Толстого, то замѣтила, что руки его холодны какъ ледъ, а пульсъ не бьется [2]). На письменномъ столѣ возлѣ него находились пустой пузырекъ изъ подъ морфія и шприцъ. Поэта пытались вернуть къ жизни, дѣлали ему искусственное дыханіе, но ничто не помогло.

Такъ умеръ Алексѣй Толстой.

---

[1]) Новое Время 1875 г., № 260.

[2]) Н. Федоровъ. „Слуга знаменитости". Новая Иллюстрація 1903 г., № 20.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Гр. А. К. ТОЛСТОГО

Колокольчикъ.

Александръ Осиповичъ
Смирновъ 2-ой
сочинитель.

Ой не видно того села — только видны кресты,
Туды любо, туды мило вишенькой цвѣтъ!

I.

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Что звените вы въ травѣ,
Темноголубые?

Старину-ль зовете вы?
Будущіе-ль годы?
Новагорода-ль вамъ жаль?
Дикой-ли свободы?

Иль морскихъ богатырей
И царевенъ плѣнныхъ?
Иль увѣнчанныхъ царей
Въ бармахъ драгоцѣнныхъ?

Иль соборовъ на Москвѣ
Во святомъ сvнклитѣ?
Колокольчики мои,
Звените, звените!

Колокольчики мои
Въ ковылѣ высокомъ!
Вы звените о быломъ,
Времени далекомъ,
Обо всемъ, что отцвѣло,
Чего нѣтъ ужъ болѣ,
О боярахъ на Руси,
О казацкой волѣ!

Колокольчики мои,
Въ золотистомъ житѣ,
О Гетманщинѣ лихой,
Звените, звените!

Какъ лежитъ козакъ убитъ
Въ сторонѣ немилой,
И ракита говоритъ
Надъ его могилой!

Я прислушаюсь къ вамъ,
Цвѣтики степные,
Русскимъ людямъ передамъ
Я дѣла былыя!

Гой ты вѣтеръ, не шуми
Въ зеленой ракитѣ!
Колокольчики мои,
Звените, звените!

II.

1.

Ты знаешь край, гдѣ всё обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?

2.

Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И тихъ и чистъ лазурный сводъ небесъ.
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдали стоитъ угрюмый черный лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

3.

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Въ тотъ милый край, гдѣ сердцу такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицко,
И парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
Взрываютъ *прахъ* неистовой присядкой!

4.

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя;
Въ дали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скр*ы*пъ, ковры цвѣтущей гречи,
И вы чубы! остатки славной Сѣчи?

5.

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ Воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Далеко льется жаворонка пѣнье,
Стада блеятъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ увѣнчанны цвѣтами,
Идутъ козачки пестрыми толпами?

6.

Видалъ ты ночь надъ спящею Украйной,
Когда сѣдой *встаетъ* съ болота паръ,
Весь міръ облекся сумракомъ и тайной,
Въ полнóчи дивно блещетъ Вьстожаръ,
И *мнится* намъ: черезъ туманъ прозрачный
Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный?

7.

Ты знаешь край, въ бѣдѣ не гнувшій выю,
Гдѣ Святославъ къ дружинѣ рекъ своей:
„Умремъ за честь, погибнемъ за Россію,
„Бо срама нѣтъ для тлѣющихъ костей!“
Они-жъ рекли: „Мы всѣ умремъ съ тобою!“..
Туда, туда стремлюся я душою!

8.

Ты знаешь край, гдѣ древле нашъ Великій
Въ открытомъ полѣ шумно пировалъ,
Со звукомъ трубъ, побѣдъ сливались клики
И гордый шведъ въ смятеніи бѣжалъ?
Гдѣ наши дѣды всѣ летѣли къ бою,
Туда, туда стремлюся я душою!

9.

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились Ляхи,
И груды тѣлъ *легли среди* полей,
Гдѣ за Царя главу склонивъ у плахи,
Въ послѣдній разъ молился Кочубей,
И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной?

10.

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ,
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій входъ,
Надъ дверью щитъ съ Гетманской булавою?
Туда, туда стремлюся я душою!

11.

Ты знаешь домъ, гдѣ врагъ презрѣнной лести,
Родной землѣ отдавъ остатокъ силъ,
Послѣдній Гетманъ жизни, полной чести,
Златой закатъ спокойно проводилъ?
Ты знаешь домъ и липы *надъ* горою?
Туда, туда стремлюся я душою!

III.

ЦЫГАНСКІЯ ПѢСНИ.

. . . .
. . . .

IV.

ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ.

БАЛЛАДА.

. . . .
. . . .

7.

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
Самъ царь, распѣвая, трезвонитъ.
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть на вѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьётъ,
И звону внимаетъ Московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

8.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ *и* Опрични кромѣшная тьма,
Звонитъ и свирѣпый Малюта,
И тутъ-же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.

9.

Вотъ царь отзвонилъ, въ терема онъ спѣшитъ,
Съ нимъ грозныхъ Опричныхъ собранье,
Вдругъ *видятъ* гонецъ *запыленный летитъ,*
Въ рукѣ своей держитъ посланье.
Съ коня онъ поспѣшно слѣзаетъ долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему не блѣднѣя:
„*Посланье отъ* князя Андрея!"

10.

Письмо отъ Андрюшки? отъ вора мово?
Письмо отъ злодѣя лихова?
„*Давно ли съ творцемъ говоритъ вещество?*
„*И что намъ гласитъ его слово?*
„Подай *мнѣ посланіе,* дерзкій гонецъ!"
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Оперся на жезлъ и читаетъ:

. . . .
. . . .

14.

И *началъ* такъ Царь: „Да, *измѣнникъ мой* правъ,
„И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
„Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
„Я песъ недостойный и смрадный!
„Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
„И много знать *добрыхъ* у Курбскаго слугъ,
„Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!"

. . . .
. . . .

16.

День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрипятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять *начинаютъ работу.*
„Ну что-же назвалъ ли виновныхъ гонецъ?.."
— „Царь, близокъ ему ужъ конецъ,
„Но слово его всё едино;
„Онъ *хвалитъ* свого господина!"

17.

Онъ хвалитъ того, кто сгубить его могъ
За сладостный мигъ укоризны:
„О князь, я молюсь, да проститъ тебѣ Богъ
„Измѣну твою предъ отчизной!
„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
„Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
„Но въ сердцѣ любовь и прощенье,
„Помилуй мои прегрѣшенья!

18.

„Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
„Прости моего Господина!
„Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
„Но слово мое всё едино:
„За *даннаго Богомъ* Царя я молюсь,
„За нашу святую великую Русь,
„За всѣхъ моихъ злобныхъ тирановъ!“
Такъ умеръ Василій Шибановъ.

V.

Ты помнишь ли, Марія,
Старинный барскій домъ
И липы вѣковыя
Надъ дремлющимъ прудомъ?

Безмолвныя аллеи,
Давно заросшій садъ,
Въ высокой Галлереѣ
Портретовъ длинный рядъ?

Вельможъ суровыхъ много,
И много важныхъ дамъ
На насъ смотрѣли строго
И чопорно изъ рамъ.

Служившіе когда-то
Бояре при царяхъ,
Съ осанкой бородатой,
Иль въ бѣлыхъ парикахъ,

Имѣньемъ щедро рознымъ
Даримые Дворомъ,
Иль павшіе подъ грознымъ
Курляндскимъ топоромъ....

Ты помнишь ли, Марія,
Лазурный небосклонъ,
Равнины полевыя,
Села *вечерній* звонъ?

За садомъ берегъ чистый,
Спокойный бѣгъ рѣки,
На нивѣ золотистой
Степные васильки?

И рощу, гдѣ впервые
Бродили мы одни.
Ты помнишь ли, Марія,
Утраченные дни?

VI.

БЛАГОВѢСТЪ.

. . . .
. . . .

VII.

. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .

3.

Дождь бьетъ *по отвѣсистой* крышѣ,
Хрустальныя люстры дрожатъ,
За шкапомъ проворныя мыши
Въ бумажныхъ обояхъ шумятъ;

4.

Онѣ себѣ чуютъ раздолье:
Какъ скоро хозяинъ умрётъ,
Картины и рѣдкія ткани,
Наслѣдникъ скорѣй увезётъ,

5.

А жадная дворня растащитъ
Скорѣй остальное добро,
Растащитъ старинныя бронзы,
И съ древнимъ гербомъ серебро.

6.

И домъ навсегда запустѣетъ,
И садъ заглушится травой...
И вотъ почему мнѣ такъ грустно
Среди непогоды ночной!

VIII.

Боръ сосновый въ странѣ одинокой стоитъ...
. . . .
. . . .

IX.

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
. . . .
. . . .

„Хлѣбъ да соль, и въ добрый часъ!“
Говоритъ Державный,
„Долго, дѣти, ждалъ я васъ
„Въ городъ Православный!“
И они ему въ отвѣтъ:
„Наша кровь едина,
„И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
„Чаемъ господина!

„На однихъ цвѣли поляхъ
„Древле наши дѣды,
„Руссъ, Чехъ, Хорватъ и Ляхъ,
„Знали тѣ жъ побѣды!
„Будь же солнцемъ нашихъ странъ
„И княжи надъ нами!
„Кто на Бога и Славянъ
„Съ русскими орлами!“

. . . .
. . . .

X.

Дождя отшумѣвшаго капли
Тихонько по листьямъ текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала въ дали.

Луна на меня изъ за тучи
Смотрѣла какъ будто въ слезахъ,
Сидѣлъ я подъ кленомъ и думалъ,
И думалъ о прежнихъ годахъ,

Не знаю, была ли въ тѣ годы
Душа непорочна моя?
Но многому бъ я не повѣрилъ,
Не сдѣлалъ бы многаго я.

Теперь же мнѣ стало понят*но,*
Понятно коварство и зло.
И всѣ мои свѣтлыя мысли
Какъ бурею прочь унесло.

Такъ думалъ о дняхъ я минувшихъ,
О дняхъ, когда былъ я добрѣй,
А въ листьяхъ высокаго клёна
Порхалъ надо мной соловей.

И пѣлъ онъ такъ нѣжно и страстно,
Какъ будто хотѣлъ онъ сказать:
„*Дитя, не печалься* напрасно,
„То время вернется опять!“

XI.

Съ моравскаго.

Ой стоги, стоги . . .

XII.

По греблѣ не ровной и тряской
Вдоль мокрыхъ рыбачьихъ сѣтей,
Дорожная ѣдетъ коляска,
Сижу я задумчиво въ ней.

. . . .

XIII.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ РЕПНИНЪ.

(БАЛЛАДА).

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой Москвой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.

Давно ужъ льются вина на царскіе ковры,
Давно поютъ на славу лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Но голосъ прежней славы Царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ:
„Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
„Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!“

„*Друзья, себѣ личину* пусть каждый изберетъ,
„Я первый открываю веселый хороводъ:
„За мной, мои тіуны, опричники мои,
„Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!

И всѣ подъяли *чаши*. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ *чаши* Миха*илъ* князь Репнинъ:
„О царь, забылъ ты Бога, свой санъ, ты, царь, забылъ,
„Опричниной на горе себя ты окружилъ!

„Разсыпь *могучимъ* словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать,
„Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкарѣ плясать“.
Такъ молвилъ князь Михаилъ и горько зарыдалъ,
Но царь Иванъ Васильичъ отъ злобы задрожалъ:

„*Старикъ!*“ *вскричалъ онъ грозно,* „въ умѣ ты знать ослабъ,
„*Смирись передо мною*, молчи, строптивый рабъ!
„*Сейчасъ, не прекословя, ты* машкару надѣнь,
„*Иль я* клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!

Тутъ всталъ *съ златымъ бокаломъ* Репнинъ, правдивый князь,
„Опричнина да згинетъ!“ онъ рекъ, перекрестясь,
„Да здравствуетъ вовѣки нашъ православный царь,
„Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!

„Да презритъ, какъ измѣну, *коварной* лести гласъ,
„Личины-жъ не надѣну я въ *свой* послѣдній часъ!“
Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
Звеня упалъ на землю *изъ рукъ его бокалъ.*

„Умри-же, дерзновенный!“ — царь *молвилъ*, разъярясь,
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь,
И вновь подъяты *чаши*, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники *сидятъ*,

И смѣх*и* раздаются и пиръ опять кипитъ,
Но звонъ *златыхъ бокаловъ* Царя не веселитъ:
„Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
„Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!“

Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ *ему* напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

XIV.

Милый другъ, тебѣ не спится,
Душенъ комнатъ жаръ,
Неотвязчивый кружится
Надъ тобой комаръ.

Подойди *скорѣй* къ окошку,
Дворъ широкій спитъ,
За оградою дорожку
Мѣсяцъ серебритъ.

Я пройду близъ дикой вишни,
Около плетня,
У разрушенной кирпични
Ты найдешь меня!

Встань, пріютъ тебя со мною
Тамъ спокойный ждетъ!
Сторожъ тамъ, звеня доскою,
Мимо не пройдетъ.

Не скр*ы*пятъ въ *саду* ступени,
И *крыльцо* темно,
Чуть замѣтно въ полутѣни
Дальнее гумно;

Дергачи кричатъ по нивамъ,
Перепелъ во ржи,
Часъ насталъ намъ быть счастливымъ.
Другъ, не откажи!

XV.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ ПРИСТУПОМЪ.

. . . .
. . . .

Ни разу въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ,
Блаженные Святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Ликуетъ горній хоръ,
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!

Не разъ, они предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой.

Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестопёрами
Литовскихъ удальцовъ.

За то на нихъ съ любовію
Глядитъ небесный хоръ,
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!

Но чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать *польская* воспрянула,
Раздался трубный гулъ!..

Молитесь Богу, братія,
Начнется скоро бой,
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой!

Несчетными станицами
Летятъ они вдали,
Прилягте за бойницами,
Раздуйте фитили!

XVI.

КУРГАНЪ.

1.

На гладкой равнинѣ открытой
Курганъ одинокій стоитъ,
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.

2.

Въ честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разомъ заклали
Сто женъ и любимца коня.

3.

Когда же *бойца* схоронили,
И шумъ на могилѣ утихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гусляхъ гремя золотыхъ:

4.

„О витязь! дѣлами твоими
„Гордится великій народъ,
„*Наѣздника страшное* имя
„Столѣтія всѣ перейдетъ!

5.

„И если курганъ твой высокій
„Сравня*ется* съ полемъ пустымъ,
„То слава *раздастся* далёко,
„*И будетъ* курганомъ твоимъ!“

6.

И вотъ *прокатилися* годы,
Столѣтія *въ* слѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Ли*це* измѣнилось земли.

7.

Курганъ же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
По прежнему гордо стоитъ.

8.

А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло;
Кто былъ онъ? вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?

9.

Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жегъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?

10.

Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ *могучій* забытъ,
И тризны въ пустынѣ широкой
Никто ужъ ему не свершитъ!

11.

Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ, черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ
Съ трещаньемъ глухимъ саранча.

12.

Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумитъ подлетая,
Садится на немъ отдохнуть.

13.

Порой по вершинѣ проскачетъ
Тушканъ при мерцаніи дня,
Иль всадникъ высоко маячитъ
На *ней* удалаго коня.

14.

А слезы прольютъ развѣ тучи,
Плывя надъ холмомъ въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣетъ летучій
Съ кургана *высокаго* прахъ.

15.

Когда-же на западѣ дальній,
Блѣднѣя, скрывается день,
Сидитъ на курганѣ печально
Забытаго витязя тѣнь,

16.

Сидитъ и вздыхаетъ глубоко:
„Гдѣ слава, гдѣ слава моя?
„Минувшіе вѣки далеко,
„Отторгнутъ отъ прошлаго я!

17.

„О жизни своей вспомяну ли?
„Все было иначе тогда!
„Пѣвцы, вы меня обманули,
„Вѣнцовъ моихъ нѣтъ и слѣда!

18.

„И если-бы зналъ я, какъ скоро,
„Какъ скоро увянутъ они,
„Далеко отъ брани и спора
„Я прожилъ бы мирные дни!“

19.

Такъ думаетъ витязь, вздыхая,
На темномъ курганѣ сидитъ,
Доколѣ заря золотая
Пустынную степь озаритъ;

20.

Тогда онъ обратно уходитъ,
Въ подземный уходитъ онъ домъ,
А вѣтеръ попрежнему бродитъ,
И грустно и пусто кругомъ.

XVII.

ВОЛКИ.

. . . .
. . . .

XVIII.

Гдѣ гнутся надъ *озеромъ* лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ.

. . . .
. . . .

„Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
„Мы такъ тебя любимъ давно!
„Смотри, какой берегъ отлогой,
„Какое *песчаное* дно!“

Дитя побѣжало проворно
На голосъ манящихъ стрекозъ,
Тамъ илъ былъ глубокій и черный,
И тиною омутъ поросъ.

Стрекозы на пиръ поскорѣе
Пріятелей черныхъ зовутъ,
Изъ норъ своихъ жадные раки
Съ клещами къ добычѣ ползутъ,

Впилися въ ребенка и тащатъ,
И тащатъ на черное дно,
Болото подъ нимъ разступилось,
И вновь затянулось оно.

И вновь, гдѣ нагнулися лозы
Отъ солнца палящихъ лучей,
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Зовутъ неразумныхъ дѣтей.

XIX.

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ.

. . . .
. . . .

XX.

ПУСТОЙ ДОМЪ.

. . . .
. . . .

XXI.

БОГАТЫРЬ.

По русскому славному царству,
На клячѣ разбитой верхомъ,
Одинъ богатырь разъѣзжаетъ
И взадъ, и впередъ, и кругомъ.

Покрытъ онъ *простою* рогожей,
Мочалы вокругъ сапоговъ,
На брови надвинута шапка,
За пазухой пѣннику штофъ.

Ко мнѣ, *молодцы удалые,*
Ко мнѣ, *старики*, поскорѣй!
Ко мнѣ, *горемычные люди!*
Отвѣдайте водки моей! —

. . . .
. . . .

Въ деревню домой воротился
Отъ службы усталый солдатъ,
Его угощаютъ родные,
Вкругъ штофа горѣлки сидятъ.

. . . .
. . . .

Работаютъ въ полѣ ребята
И градомъ съ нихъ катится потъ,
И имъ *сострадательный* всадникъ
Клейменный свой штофъ отдаетъ!

Бросаютъ они свои сохи,
Готовятъ себѣ кистени,
Идутъ на большую дорогу,
Купцовъ поджидаютъ они

За пьянство изъ судной управы,
Повытчика выгнали разъ,
Теперь онъ крестьянамъ на сходкѣ
Читаетъ подложный указъ.

Онъ имъ обѣщаетъ свободу
И бочками водку сулитъ:
„*Они не должны-де работать,*
„Того-де законъ не велитъ!“

Пошли межъ крестьянами толки,
„Дошла жъ и до насъ череда!“
Толпою идутъ изъ деревни —
И сами не знаютъ куда!

. . . .
. . . .

И много Понтійскихъ Пилатовъ
И много лукавыхъ Іудъ,
Отчизну свою распинаютъ,
Царя своего продаютъ!

. . . .
. . . .

И гордо на клячѣ гарцуетъ,
Бочась, богатырь удалой,
Ужъ сбросилъ съ себя онъ рогожу,
Онъ шапку сымаетъ долой,—

Гарцуетъ оглоданный остовъ
Съ короной на головъ челѣ,
Корона изъ битыхъ бутылокъ,
Блеститъ и сверкаетъ во мглѣ.

И черепъ безглазый смѣется:
Призванье мое свершено!
„Не даромъ же имъ достается
„Мое даровое вино!“

— —

XXII.

ПОЭТЪ.

Въ жизни свѣтской, въ жизни душной,
Пѣснопѣвца не узнать!
Въ немъ личиной равнодушной
Скрыта Божія печать.

Въ немъ таится гордый геній,
Душу въ немъ скрываетъ прахъ,
Дремлетъ буря вдохновеній
Въ отдыхающихъ струнахъ.

Жизни токъ его спокоенъ,
Какъ рѣка среди равнинъ,
Межъ людей онъ добрый воинъ,
Или мирный гражданинъ.

Но порой мечтою странной
Онъ томится одинокъ;
Въ часъ великій, въ часъ нежданный,
Пробуждается пророкъ.

Свѣтъ чела его коснется,
Дрожь по жиламъ пробѣжитъ,
Сердце чутко встрепенется —
И исчезнетъ прежній видъ.

Ангелъ, Богомъ вдохновенный,
Съ нимъ бесѣдовать слетѣлъ,
Онъ умчался дерзновенно
За вещественный предѣлъ...

Уже, вихрями несомый,
Позабылъ онъ здѣшній міръ,
Въ облакахъ подъ голосъ грома
Онъ настроилъ свой псалтырь,

Міръ далекій, міръ незримый,
Зритъ его орлиный взглядъ,
И отъ крыльевъ Херувима
Струны мощныя звучатъ!

НАСТАСЬЯ МАРКОВНА СКОРОПАДСКАЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр. 4. По отпечатаніи текста нашей книги, въ „Новомъ Времени“ появилась статья М. Жемчужникова „Легенда о происхожденіи графа Алексѣя Константиновича Толстого“, данныя которой подтверждаютъ и дополняютъ изложенныя нами свѣдѣнія о родственныхъ отношеніяхъ поэта. Опровергая сообщенную П. Гнѣдичемъ легенду, М. Жемчужниковъ даетъ весьма цѣнныя свѣдѣнія о матери Перовскихъ, Маріи Михайловнѣ Соболевской, по мужу Денисьевой, и родителяхъ Алексѣя Толстого. Считаемъ поэтому не лишнимъ воспроизвести оттуда наиболѣе важныя для біографіи поэта мѣста.

„Мать Перовскихъ, Марія Михайловна, умерла въ 1836 году, надолго переживъ гр. А. К. Разумовскаго и послѣ его смерти выйдя замужъ за генералъ-майора Денисьева. Въ годъ смерти Маріи Михайловны графиня Анна Алексѣевна Толстая уже двадцать лѣтъ какъ была замужемъ. и сыну ея, будущему поэту, гр. Алексѣю въ это время было 19 лѣтъ. Такъ что всѣ разсказы о первомъ знакомствѣ Алексѣя Алексѣевича съ сестрой въ Италіи, послѣ смерти матери и проч. — сплошной вымыселъ.

„Анна Алексѣевна не была младшей изъ сестеръ Перовскихъ, а третья по старшинству, младше ея была еще Ольга, въ замужествѣ—Жемчужникова, и Софія—въ замужествѣ княгиня Львова.

„Гр. Константинъ Петровичъ Толстой вовсе не принадлежалъ къ захудалому дворянству, онъ былъ родной братъ вице-президента Академіи Художествъ и знаменитаго медальера гр. Ѳедора Петровича. Это былъ очень добрый и хорошій человѣкъ, но много старше Анны Алексѣевны, на которой женился вторымъ бракомъ. Никакими талантами онъ, дѣйствительно, не обладалъ и, кажется, злоупотреблялъ спиртными напитками. Послѣднее обстоятельство могло быть причиной его неудачныхъ служебной карьеры и супружеской жизни. Съ женитьбой на Аннѣ Алексѣевнѣ Перовской онъ никакого повышенія въ чинахъ не получилъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ никогда не былъ. Въ 1834 г. онъ былъ все еще колежскимъ совѣтникомъ, какъ это видно изъ метрической выписки о рожденіи гр. Алексѣя Константиновича, выданной по прошенію колежскаго совѣтника,

графа Константина Петровича Толстого, при поступленіи сына его Алексѣя на службу. Вотъ подлинный текстъ этого документа:

1834 года, сентября 12 дня. По указу Его Императорскаго Величества отъ С.-Петербургской духовной консисторіи по опредѣленію ея, послѣдовавшему съ прошенія колежскаго совѣтника графа Константина Петрова Толстого, дано сіе свидѣтельство его сіятельству о томъ, что сынъ его, графа Толстого, графъ Алексѣй, предназначенный къ опредѣленію въ службу, въ метрической 1817 г. книгѣ здѣшней Симеоновской въ Моховой улицѣ церкви подъ № 179 записанъ такимъ образомъ: у графа Константина Петровича Толстого сынъ графъ Алексѣй родился двадцать четвертаго августа, а крещенъ пятнадцатаго числа сентября тысяча восемьсотъ семнадцатаго года; при крещеніи его воспріемниками были: дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій и супруга генералъ-лейтенанта графа Апраксина, графиня Елизавета Кириловна Апраксина.

Скорбященскій протоіерей Іоаннъ Добронравинъ.
Секретарь Яковъ Франковскій.
Титулярный совѣтникъ Иванъ Колосовъ."

Переходя, затѣмъ, къ остальнымъ доводамъ въ пользу происхожденія Толстого отъ родныхъ брата и сестры, въ родѣ сходства его съ Перовскими, преждевременной смерти отъ мучительной болѣзни и, наконецъ, его бездѣтности, М. Жемчужниковъ приводитъ нижеслѣдующія соображенія, вполнѣ подтверждающія мнѣніе, высказанное нами въ настоящемъ очеркѣ:

„Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій и Анна Алексѣевна Толстая были очень красивы, но Алексѣй Толстой никогда красавцемъ не былъ. Цвѣтущее здоровье одно только красило его въ юности. Онъ унаслѣдовалъ отъ матери прекрасные глаза, но большой носъ съ утолщеніемъ къ концу былъ совершенно „толстовскій", напоминающій носъ его великаго родственника, Льва Николаевича. Вообще въ его сильной, но грубоватой фигурѣ было много общаго со Львомъ Николаевичемъ. Если бы Алексѣя Толстого одѣть въ рабочую блузу, какъ мы привыкли представлять себѣ Льва Толстого, это семейное сходство представилось бы еще рельефнѣе...

„Мучительная болѣзнь, сведшая гр. Алексѣя Толстого въ преждевременную могилу, была грудная жаба и расширеніе сердечной аорты—болѣзнь, которая часто постигаетъ именно исключительно сильныхъ и, казалось бы, крѣпкихъ людей. Насколько мнѣ извѣстно, никто изъ многочисленной семьи Перовскихъ и отвѣтвленій отъ нея по женскимъ линіямъ болѣзнями сердца не страдалъ, а потому предположеніе г. Гнѣдича, что это наслѣдственная болѣзнь, обостренная сліяніемъ родственныхъ кровей, не имѣетъ никакого основанія. Что касается безпотомности гр. Алексѣя Толстого, то, хотя

этотъ аргументъ вообще очень слабъ (мало ли бездѣтныхъ супружествъ!), но въ данномъ случаѣ не безъинтересно и то, что супруга гр. А. Толстого была за нимъ во второмъ бракѣ, въ первомъ бракѣ у нея тоже не было дѣтей".

Стр. 91. „Колокольчики". Лишь первое четверостишіе этой пьесы повторяется въ извѣстной редакціи, имѣющейся также и въ тетради, посвященной А. О. Смирновой (см. № 9).

Стр. 92. „Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ". Кромѣ варіантовъ, обозначенныхъ курсивомъ, впервые появляется въ печати строфа седьмая; строфы девятая и послѣдняя, исключенныя поэтомъ изъ окончательной редакціи стихотворенія, были напечатаны въ отдѣлѣ примѣчаній въ полн. собр. соч. гр. А. К. Толстого въ изд. Маркса (т. I. кн. 3, стр. 521).

Стр. 94. „Цыганскія пѣсни". Редакція вполнѣ соотвѣтствуетъ тексту, помѣщенному въ изд. Маркса.

„ „ „Василій Шибановъ". Число и расположеніе строфъ вполнѣ соотвѣтствуетъ общеизвѣстной редакціи. Въ текстѣ первой строфы Васька Шибановъ - стремянной, а не стремянный. Пятая строка — „*Даетъ своего* воеводѣ коня". Въ третьей строфѣ четвертая строка—*Старинныя сердца* зазнобы"; пятая—„Что долго въ *душѣ оскорбленной* ношу". Въ пятой строфѣ пятая и шестая строки:

И черныя думы на князя нашли.
Вдругъ входитъ Шибановъ въ *крови* и въ пыли ...

Шестая строфа начинается со словъ:

И *съ грамотой* князь посылаетъ раба ...

Строфы 11, 12 и 13, содержавшія въ себѣ посланіе Курбскаго къ Іоанну, измѣненій противъ печатнаго текста не имѣютъ. Въ пятнадцатой строфѣ шестая строка:

„Назвалъ ли онъ *князя* друзей наконецъ?"

Восьмая строка:

Онъ хвалитъ свого господина.

Стр. 96. „Ты помнишь ли Марія". Печатаемая нами редакція значительно полнѣе извѣстной ранѣе. Заключающіяся въ нашемъ спискѣ и опущенныя авторомъ для перваго печатнаго изданія строфы даютъ возможность заключить, по нѣкоторымъ подробностямъ, что стихотвореніе это считалось посвященнымъ С. А. Миллеръ ошибочно.

Стр. 97. „Благовѣстъ". Варіантовъ сравнительно съ текстомъ „Русскаго Вѣстника", перепечатаннымъ въ изд. Маркса, нѣтъ.

„ „ „Шумитъ на дворѣ непогода". Кромѣ напечатанныхъ курсивомъ варіантовъ въ нашемъ спискѣ имѣется до сихъ поръ неизвѣстная пятая строфа:

А жадная дворня растащитъ.
. . . .

Стр. 98. „Боръ сосновый въ странѣ одинокой стоитъ“. Стихотвореніе это впервые напечатано было, подъ заглавіемъ „Серебрянка“ въ „Листкѣ для свѣтскихъ людей“, 1843. Нашъ списокъ представляетъ незначительные варіанты:

Изъ *далекой* страны я сюда прибѣжалъ . . .
. . . .
И звѣзда *среди чистыхъ* покажется водъ . . .
. . . .
И лишь *шопотъ* струи тишину прерывалъ . . .

„ „ „Колокольчики мои“. Нашъ списокъ въ этой редакціи даетъ одну (13-ую) опущенную авторомъ въ печатныхъ изданіяхъ строфу, помѣщаемую нами. Другихъ варіантовъ нѣтъ.

Стр. 99. „Дождя отшумѣвшаго капли“. Помѣщаемъ это стихотвореніе цѣликомъ съ тѣми варіантами, которые находятся въ нашемъ спискѣ.

„ „ „Съ моравскаго“. Варіантовъ нѣтъ.

„ „ „По греблѣ неровной и тряской“. Отмѣчаемъ варіанты: — въ четвертой строкѣ шестой строфы:

И мальчикъ, и *мостъ*, и вода . . .

Стр. 100. „Князь Михаилъ Репнинъ“. Приводимъ текстъ по нашему списку, благодаря обилію варіантовъ, сравнительно съ общеизвѣстной редакціей, полностью.

Стр. 101. „Милый другъ, тебѣ не спится“. Впервые было напечатано въ „Современникѣ“ (1856, январь, стр. 272). Въ текстѣ этой печатной редакціи не находимъ тѣхъ топографическихъ подробностей, которыя давали бы возможность опредѣлить время и мѣсто написанія этой пьесы. Редакторъ изданія Маркса П. В. Быковъ ошибочно считаетъ ее посвященной С. А. Миллеръ, такъ какъ стихотвореніе это, оказывается, было написано до знакомства съ нею.

Стр. 102. „Ночь передъ приступомъ“. Расположеніе строфъ этого стихотворенія въ нашемъ спискѣ нѣсколько отлично отъ общеизвѣстной редакціи.

Стр. 103. „Курганъ“. Кромѣ совершенно неизвѣстныхъ въ печати шести заключительныхъ строфъ этого стихотворенія, очевидно написанныхъ подъ вліяніемъ „Воздушнаго Корабля“ Зейдлица и впослѣдствіи отброшенныхъ авторомъ, почти каждое четверостишіе „Кургана“ заключаетъ въ себѣ какой-либо варіантъ. Строфы 7, 8, 9 и 12 никакихъ отличій отъ общеизвѣстной редакціи въ себѣ не заключаютъ.

Стр. 105. „Волки“. Текстъ стихотворенія почти не отличается отъ общеизвѣстнаго. Въ третьей строфѣ: „*Чрезъ* село ли имъ путь, *псы* на нихъ и не лаютъ“... Четвертая строфа неудачно начинается со слова „*Они*“ (вмѣсто „Волки“) и заключается строкой: „Не ведется ль *безбожной* тамъ рѣчи?“ Въ пятой строфѣ:— „Зубы *бритвы* острѣй“... (вмѣсто „шила“). Другихъ варіантовъ нѣтъ.

Стр. 106. „Гдѣ гнутся надъ *озеромъ* лозы“. Вторую, ранѣе неизвѣстную, половину этого стихотворенія поэтъ опустилъ въ печатномъ изданіи, и дѣйствительно, она не вполнѣ вяжется съ первой. Здѣсь, какъ, впрочемъ, и въ другихъ случаяхъ, нашла себѣ мѣсто мысль, выраженная имъ въ письмѣ къ С. А. Миллеръ: „Хорошо въ поэзіи не договаривать мысль, допуская всякому ее пополнить по-своему“. Второе и третье четверостишіе нашего списка совпадаютъ съ общеизвѣстной редакціей.

„ „ „Князь Ростиславъ“. Незначительныя перемѣны словъ въ нѣкоторыхъ строфахъ нашего списка. Третья начинается словами: „*Я чаю, князя* день и ночь“... Четвертая — „*Теперь* въ лѣсу, въ землѣ чужой...“ Въ седьмомъ четверостишіи: „Очами мутными кругомъ взираетъ *юный* князь“ (вмѣсто „бѣдный“). Седьмая строфа начинается словами: „Жену *онъ милую* зоветъ, *но ахъ*, его жена“... Восьмая строфа читается такъ:

Зоветъ къ себѣ и брата онъ,
Обнять его бъ онъ радъ,
Но въ шумъ похмылья погружёнъ
Пируетъ дома братъ ...

Другихъ варіантовъ въ текстѣ нѣтъ.

„ „ „Пустой домъ“. Въ стихотвореніи говорится о покинутомъ гетманскомъ дворцѣ Разумовскихъ на берегахъ Сейма, упоминаемомъ и въ стихотвореніи „Ты знаешь край...“ „Младой владѣтель“, къ которому относятся строки:

Повѣтріе моды умчало другихъ
Изъ родины въ міръ имъ чужой.
Тамъ русскій отъ русскаго края отвыкъ
Забылъ свою вѣру, забылъ свой языкъ ...

— одинъ изъ представителей рода Разумовскихъ, эмигрировавшій въ Австрію, принявшій тамъ католичество и утратившій національность...

Варіантовъ очень немного. Въ первой строкѣ второй строфы — „въ *заглохшемъ* саду“ (вм. „забытомъ“) и въ третьей строкѣ — „въ *широкомъ* пруду“ (вм. „зацвѣтшемъ“).

Стр. 107. „Богатырь“. Въ тетради помѣщена неполная первоначальная редакція изъ 29 строфъ, тогда какъ окончательная заключаетъ въ себѣ, какъ извѣстно, 35 четверостишій. Не хватаетъ эпизода, начинающагося со словъ: „Былъ сынъ у родителей бѣдныхъ“ (строфы 20—24). 27-му четверостишію въ тетради соотвѣтствуетъ 21-е, въ печати неизвѣстное, предшествуемое видоизмѣненной редакціей двадцать шестого печатнаго:

„*Онъ имъ обѣщаетъ* свободу
„И бочками водку сулитъ:
„Они не должны де работать,
„Того де, законъ не велитъ!“

„Пошли межъ крестьянами толки,
„Дошла жъ и до насъ череда!“
„Толпою идутъ изъ деревни —
„И сами не знаютъ куда!“

Нѣсколько отличенъ отъ общеизвѣстнаго призывъ покрытаго „*простою*“ (вм. „дырявой“) рогожею всадника:

„Ко мнѣ, *молодцы удалые!*
„Ко мнѣ, *старики*, поскорѣй!
„Ко мнѣ, *горемычные люди!*
„Отвѣдайте водки моей!“

Стр. 108. „Поэтъ“. Повидимому, одно изъ наиболѣе раннихъ стихотвореній Толстого.

Библіографическій указатель книгъ и статей, касающихся жизнеописанія гр. А. К. Толстого.

Б. Некрологъ. СПБ. Вѣдом. 1875, 5 окт.

Базаровъ, І. І. прот. Воспоминанія. Русск. Стар. 1901, стр. 535 (о встрѣчѣ съ А. К. Т. въ Швальбахѣ въ 1864 г.).

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды Погодина т. XIV, стр. 322 (А. К. Т. и Русская Бесѣда): т. XVI, стр. 213 (избраніе А. К. Т. въ члены О-ва Любителей Россійской Словесности); т. XVIII, стр. 543—544 (письмо Погодина къ А. К. Т.).

Богдановичъ, Е. Исторія Л.-Гв. Стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи. СПБ. 1899. (Свѣдѣнія о военной службѣ А. К. Т.).

Брешко-Брешковскій, Н. Изъ воспоминаній о гр. А. К. Толстомъ. Бирж. Вѣдом. 1905. № 8981.

Г — ко. Изъ переписки гр. А. К. Толстого. Нов. Время 1900, №№ 8887 и 8894 (по поводу писемъ А. К. Т. къ Н. М. Жемчужникову).

Его-же. Письмо въ редакцію (по поводу воспоминаній кн. Д. Н. Цертелева о А. К. Т.). Нов. Время 1901, № 8950.

Гнѣдичъ, П. П. Воспоминанія. Истор. Вѣстн. 1911, январь, стр. 301 (о происхожденіи А. К. Т.).

Давыдовъ, В. Д. Нѣсколько словъ по поводу постановки на московской сценѣ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго". Русск. Арх. 1879, т. II, стр. 331—332.

Денисюкъ, Н. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой. Его время, жизнь и сочиненія. М. 1907.

Жемчужниковъ, Л. Отрывки изъ моихъ воспоминаній. Вѣстн. Евр. 1899, № 11.

Жемчужниковъ, М. Легенда о происхожденіи графа Алексѣя Константиновича Толстого. Нов. Время 1911, № 12820 (*статья появилась по отпечатаніи нашей книги*).

Инсарскій. Записки Василія Антоновича Инсарскаго. Русск. Стар. 1894, кн. 5, стр. 3, 4, 5 (о знакомствѣ съ А. К. Т.: описаніе его наружности; отношенія А. К. Т. съ кн. А. И. Барятинскимъ).

Казанскій, С. Графъ А. К. Толстой. Замѣтка объ его службѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д. въ 1834 — 1836 гг. Русск. Стар. 1900, декабрь, стр. 685 — 687.

Каменская, М. Ѳ. Воспоминанія. Истор. Вѣстн. 1894, т. LV, стр. 307 (о родителяхъ А. К. Т.).

Колмаковъ, Н. М. Старый Судъ. Русск. Стар. 1886, т. LII, стр. 519—520 (о назначеніи А. К. Т. въ ревизію Калужской губерніи).

Его-же. Очерки и воспоминанія. Русск. Стар. 1891, т. LXXI, стр. 144 — 145 (упоминаніе о пребываніи А. К. Т. въ Калугѣ).

Кондратьевъ, Ал. Къ біографіи Алексѣя Толстого. Новый Путь 1904, январь.

Леонидовъ, Л. Л. Записки. Русск. Стар. 1886, іюнь, стр. 655—671 (о знакомствѣ съ А. К. Т.).

М—въ, Л. А. К. Толстой. Сѣверный Курьеръ 1900, № 312.

Маркевичъ, Б. Письма къ гр. А. К. Толстому и другимъ. СПБ. 1888.

Мещерскій, кн. А. В. Изъ моей старины. Русск. Арх. 1900, кн. 7 (о знакомствѣ съ А. К. Т. въ дни юности послѣдняго).

Мещерскій, кн. В. П. Воспоминанія; т. I, стр. 333 и 421; т. II, стр. 165 и 244 (о знакомствѣ съ А. К. Т.).

Его-же. Некрологъ. Гражданинъ 1875, № 40.

Никитенко, А. В. Записки и дневникъ. СПБ. 1905, т. II, стр. 262 277, 302, 306, 307, 309, 317, 336, 338, 344, 349, 359, 502, 543, 579 (о знакомствѣ съ А. К. Т.).

Никитинъ, А. Литературные портреты. Гр. А. К. Толстой. Русск. Вѣстн. 1894.

Нильскій, А. Воспоминанія. Истор. Вѣстн. 1884, кн. 6, стр. 658—678 (о знакомствѣ съ А. К. Т.).

Соколовъ, П. П. Воспоминанія. Истор. Вѣстн. 1910, сентябрь, стр. 779 (о встрѣчѣ съ А. К. Т.).

Стасюлевичъ, М. Некрологъ. Вѣстн. Евр. 1875, кн. 11.

Успенскій, М. Письмо въ редакцію по поводу статьи Н. Брешко-Брешковскаго въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ. Нов. Время. 1899, № 8453.

Федоровъ, Н. Слуга Знаменитости. Новая Иллюстрація (прилож. къ Бирж. Вѣдом.) 1903, №№ 20 и 21.

Фетъ, А. А. Мои воспоминанія, 1848—1889. М. 1890 (Исторія знакомства съ А. К. Т. Не вошедшія въ изданіе Маркса письма поэта къ А. А. Фету).

Хвощинская, Е. Ю. Воспоминанія. Русск. Стар. 1894; т. XCVI, стр. 642 (описаніе бала у А. К. Т. и внѣшности жены поэта).

Цертелевъ, кн. Д. Н. Русск. Вѣстн. 1900, ноябрь (воспоминанія о послѣднихъ дняхъ А. К. Т.).

Его-же. Воспоминанія о гр. А. К. Толстомъ. Нов. Время 1901, № 8948.

Его-же. Статья по поводу постановки „Посадника" на сценѣ Маріинскаго театра. Голосъ 1877, 30 янв., № 30.

Юнге, Е. Ѳ. Изъ моихъ воспоминаній. Вѣстн. Евр. 1905, т. II, стр. 801 (отношенія А. К. Т. къ семейству гр. Ѳ. П. Толстого).

Языковъ, Н. Поэтъ-космополитъ. Дѣло 1876, № 1.

Его-же. Гр. А. К. Толстой. М. 1901.

Обложка работы О. В. Бѣлобородовой. Портреты исполнены въ художественной мастерской Н. И. Бутковской. Набрано и отпечатано въ типографіи Акціонернаго Общ. Типографскаго Дѣла въ Спб.